

САНКТПЕТЕРБУРГСКІЙ
В Ъ С Т Н И К Ъ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Общеспвомъ Любиспелей Словесности,
Наукъ и Художеспвъ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Морской Типографіи 1812.

*Шесть экземпляров доставлены въ С. П.
бургскій Цензурный Комитетъ.*

САНКТПЕТЕРБУРГСКІЙ В Ъ С Т Н И К Ъ.

І Ю Л Ъ 1812. № 7.

І. С Л О В Е С Н О С Т Ъ.

Планета мудреца Зеба.

Зебъ былъ ученѣйшій человекъ своего времени. Умъ его можно было назвашь почкою, куда собирались всѣ лучи мудрости, весь свѣтъ знаній человѣческихъ. Свѣденія его, сказывающъ, были споль велики, что онъ нашель пайну дѣлашъ золопо и никогда не умирашъ, хопя весь вѣкъ свой прожилъ въ бѣдности, и давно уже умеръ. „Но (говоритъ Персидскій спихошворецъ, изъ котораго я взялъ эту повѣсть) если сей славный мудрецъ всегда жилъ въ нищестѣ, то это происходило отъ того, что онъ зналъ сколь бесполезно богатство для благополучія человеческого; если же онъ умеръ, какъ и всѣ его современники, то это пошому,

что получивъ совершенное познаніе о вещахъ сего свѣта, захопѣлъ узнатьъ и то, что дѣлается въ другомъ.“

Однажды сей великій человекъ размышлялъ въ своемъ уединеніи. Онъ перещипывалъ въ умѣ своемъ всѣ науки, копорымъ онъ научился, и всѣ таинства, копорыя были имъ открыты. Хотя онъ былъ всегда сколькоже скромнень, сколько и ученъ, но на сей разъ немного гордости вкралось въ его сердце. Какъ бышь? на самаго смиреннаго человека находяшь иногда такія минуны, въ копорыя предаешь онъ этой слабости.

Земь разсуждалъ въ сей день о самыхъ высокыхъ предметахъ. Онъ спарался проникнуть въ тайну созданія міра, и осмѣливался въ нѣкопорыхъ частяхъ сего великолѣпнаго произведенія рукъ Божіихъ, находить несообразности; но что я говорю? онъ дерзнулъ даже возвысить гласъ свой противъ Зиждителя вселенной. Больше всего досадовалъ онъ на ту смѣсь совершенствъ и недостатковъ, величія и низости, копорую примѣчалъ онъ въ человекѣ. „За чѣмъ, говорилъ онъ, Богъ вдохнулъ въ людей сіи неисповѣдныя спрасты, копорыя бывають

испочинкомъ всѣхъ заблужденій и злодѣйствъ? За чѣмъ довели ихъ до такой степени нещасія и спраданій? за чѣмъ подвергнувъ ихъ болѣзнямъ и тѣла и души? О! если бы я имѣлъ власць сотворить новый мiръ! Я бы не такихъ людей создалъ! они бы всѣ были совершенны и благополучны! Если бы Богъ при сотвореніи мiра, посовѣщовался со мною: то, я думаю, не былъ бы недоволенъ моими совѣтами.“

Едва успѣлъ Зебъ произнести слова сіи, какъ вдругъ видитъ Ангела, сходящаго къ нему съ неба. Зебъ не можетъ снести его сіянiя и повергается на землю. Ангель говоритъ ему: „Создастель вселенной внялъ словамъ твоимъ. Онъ похваляетъ свѣденiя твои, и желаетъ, что бы ты самъ имѣлъ славу сотворить людей.“ Сказавъ сіе, онъ беретъ мудреца, и съ быспрошою молніи возносится опъ земли. — Въ одну минушу оплещѣли они опъ земли болѣе чѣмъ на тридцать милліоновъ верспъ, и Зебъ очутился на планетѣ, которая до того времени неизвѣстна была ни одному Аспроному: ибо только что была создана единымъ словомъ Всевышняго.

Что это за планета? говорил изумленный Зебъ; не сновидѣніе ли, которое разрушится вмѣстѣ со сномъ моимъ? — „Нѣтъ, ошвѣщсшвоваль Ангель, эша планета дѣйсшвшптельно сущесшвуешь: Богъ создалъ ее для тебя, съ шѣмъ условіемъ, чшобъ ты населилъ ее: ибо въ ней нѣтъ еще ни одного шворенія. Онъ даетъ тебѣ на пятнадцать дней власшъ шворилъ сущесшва, подобныя шѣмъ, которыя находяшся на землѣ; но шребуешь, чшобъ сіи сущесшва были гораздо совершеннѣе и благополучнѣе. Прахъ, попираемый ногами швоими, приметъ человѣческій образъ по швоему желанію, а единое дыханіе швое вложилъ въ него душу. Но, повшоряю тебѣ, чшобъ люди, созданные шобою, были гораздо совершеннѣе и благополучнѣе шѣхъ, которыми населена земля: иначе, спросишь Бога, кошораго раздражилъ швоя глупость, гордость и слабость.“ Ангель исчезъ.

„Какъ! — восклицаетъ мудрецъ — я сдѣлаюсь создателемъ новыхъ людей, новаго міра! могу дать вещесшву жизнь и движеніе, могу дать душу, разумъ, воображеніе, чувшшвованія! — и все это

однимъ словомъ моимъ, однимъ дыха-
ніемъ!... О! Всевышній увидишь, что
мой люди будутъ несравненно лучше
слабыхъ и несчастныхъ дѣпей Адама!
Угрозы Ангела для меня не страшны. —
Однакожь посмошримъ какъ мнѣ при-
няпьяся за дѣло: сначала подумаю.“

„Такъ, я хочу, чшобъ мой люди жили
въ обществѣ. Безъ общества и геній и
добродѣтели будутъ бесполезными сокро-
вищами. Если я сошворю челошвка для
уединенія, то онъ будетъ угрюмъ: весе-
лосшь, всѣ удовольствія будутъ изгнаны
изъ моего мѣра. Челошвокъ бываетъ благо-
получень чрезъ другихъ и чрезъ себя:
чрезъ другихъ, когда они доставляютъ
ему наслажденія; чрезъ себя, когда онъ
дѣлаешь добро, — какъ же дѣлаешь добро
когда будешь одинъ? Такъ какъ я желаю,
чшобъ люди мои были щасливы, то
непремѣнно должно, чшобъ они жили
въ обществѣ.“

„Для благополучія ихъ нужно, чшобъ
они не знали никакихъ болѣзней; нужно,
чшобъ здоровье ихъ было въ безопасности
опъ всѣхъ спраданій, угнѣтающихъ чело-
швчесшво.... Но я нахожу одно запруд-
неніе. Ежели челошвокъ будетъ нечувствви-

пелень къ спраданіямъ, шо какъ можно ему чувствовашь удовольствія? И удовольствіе и спраданіе-происходитъ ошь нѣжності, чувствительності нашихъ органовъ: истребивъ причину спраданія, я истреблю также и причину удовольствія; вмѣсто благополучнаго существа произведу спашую. . . . Не думаль я, чшобъ зпущь вспрѣшались мнѣ такія препяшствія!“

„Не въ соспоянніи будучи опврапитшь ошь моихъ созданій зла физическаго, сдѣлаю по крайней мѣрѣ, чшобъ они не знали зла нравственнаго. Посредствомъ сердца люди бывають гораздо щаспливѣе, нежели посредствомъ чувствъ. И такъ я дамъ своимъ людямъ всѣ наслажденія душевныя, всѣ привязанности, которыя соспавляють благополучіе, и сдѣлаю такъ, чшобы ничѣмъ нельзя было его повредитшь или разрушитшь: нѣсть ничего легче!“

Тущь мудрецъ оспановилсъ, и приложивъ палець ко лбу предадся глубокому размышленію.

„Однакожь, сказалъ онъ напослѣдокъ, ежели я дамъ созданнымъ мною существамъ всѣ душевныя удовольствія, шо, ка-

жешся, шрудно сдѣлашь, чшобъ они не знали и горесшей. Чшобы наслаждашься, надобно сперва желашь. Желанія, кошорья мы ощуцали, придаюшь болѣе цѣны наслажденію. Если я дамъ людямъ моимъ желанія, по желанія будушь смѣшаны со спрахомъ и надеждою; люди будушь чувствовашь безпокойштво, и если не достигнушь желаемого, будушь злополучны. Если же получаешь по, чего желали, захопяшь сохранишь предметъ своихъ наслажденій, а лишаешь его могушь ли не почувствовашь сожалѣнія? Еслибы не оказывали сожалѣнія, по сіе было бы доказательствомъ, чшо они не наслаждались. Нечего дѣлашь! придется сошворить ихъ легкомысленными, непоспоянными, безпечными: у нихъ будетъ опъ шгого менѣе горесшей, да и шѣ потчасъ спанушь забывашься. Хорошо; однакожь за по имъ неизвѣстно будетъ истинное щасіе: они не будушь умѣшь наслаждашься. Досадно, чшо не могу сообразить эшого; но посмотришь далѣе.“

„И такъ созданные мною люди будушь, подобно обиташелямъ земли, подвержены спраданіямъ шѣла и болѣзнямъ души, потшому чшо... потшому чшо не мо-

гу сдѣлашь иначе. Но по крайней мѣрѣ я хочу, чшобъ они жили въ общеспвѣ—они будушь имѣшь всѣ добродѣтели. Пороки не войдушъ въ мою планешу; не дамъ проникнушь въ нее гордоспи, эгоизму и жадноспи. У меня не увидяшь скупыхъ, дураковъ, мошенниковъ, и особливо властшлюбцевъ. Не хочу имѣшь такихъ людей, которые пипающися шолько кровію и слезами народовъ, которые возвыщающися шолько для злодѣяній; не хочу, чшобъ планеша моя была опустошаема сими пагубными войнами, которыя ведущъ дѣпи Адама между собою, сами не зная для чего. Жипели моей планешы будушь имѣшь самыя кропкія склонноспи, самыя миролюбивыя чувствованія: спрастей у нихъ не будетъ, пошому чшо спраспи источникъ всѣхъ пороковъ, всѣхъ злодѣяній человѣческихъ.“

„Не будетъ спрастей! Однакожь должно признашься, чшо онѣ дающъ великую силу душъ, великое развитіе идеямъ, невѣроящную опважность пому сущесшву, которое бы ничего безъ нихъ не предприняло, и которое презираешъ всѣ опасноспи, чшобы ихъ удовольствовашъ. Если у сошворенныхъ мною людей

не будешь спрасшей, шо они ничего великаго не предприимуть; они увидяшь неудобства, препятствія, опасности во всемъ за что ни примутся. Не будешь никакого движенія въ обществѣ, и оно никогда не достигнетъ до той степени величія и славы, до которой я хочу его довести. Вижу, что безъ спрасшей обойтись нельзя.“

„Но должно, чтобъ не всѣ мои созданія имѣли одинакія спрасши: иначе, они будутъ въ безпрестанной враждѣ. Если у всѣхъ у нихъ будешь одинъ нравъ, шо они пожелають и однѣхъ вещей, и встрѣпившись на одномъ пуши, будутъ вредить другъ другу. Тогда не будешь дружества на моей планетѣ, и опъ безпрестаннаго соперничества родится жестокая ненависть. Опъ чего два человека, которыхъ нравы совсѣмъ не сходны, любяшь другъ друга болѣе, чѣмъ два человека съ одинакимъ нравомъ? Не опъ того ли, что это различіе между ихъ нравами истребляетъ въ нихъ всякой родъ соперничества, и слѣдственно всякое сѣмя раздора и ненависти? Когда же два человека не имѣють причинъ ненавидѣть другъ друга, шо вѣрно найдушь причины

любить одинъ другаго, бывъ соединены какимъ нибудь щаспливымъ случаемъ.“

„И такъ люди, копорыхъ сошворю я, будушь имѣшь спраспи различныя: ибо я не могу сдѣлать, чшобъ у нихъ совсѣмъ спраспей не было. Но ежели я раздѣлю между многочисленными жишелями планешы весьма ограниченное число спраспей, копорыя могушь ощуцашь люди, шо непременно нужно, чшобъ созданія мои ощуцали ихъ въ различныхъ спепеняхъ. Нужно, чшобъ въ двухъ пысячахъ милліоновъ людей, копорыи населена будешъ моя планеша, находились всѣ опшѣнки шога малаго числа спраспей, о копоромъ природа моя даешъ мнѣ ясное поняшіе. Тогда будешъ сполько же разнообразія во нравахъ, сколько опшѣнокъ въ спраспяхъ, а я швердо увѣренъ, что это разнообразіе необходимо нужно для усовершеншвованія моего произведенія.“

„Но какимъ же образомъ поступишь шога, чшобъ пороки не родились въ моей планешѣ? Я хочу, чшобъ людямъ моимъ неизвѣсна была жадность; но развѣ жадность не ешь опшѣнка любви къ самому себѣ; я хочу, чшобъ не было

у меня обманщиковъ и обманывающихся; но хочу создашь людей добрыхъ, великодушныхъ и довѣрчивыхъ. Какъ же сдѣлашь, чѣмъ никто не былъ жертвою обмана въ такомъ мѣрѣ, гдѣ доброта, довѣрчивость и великодушiе вспрѣчаются на пути своемъ съ жадносiю? Я не хочу, чѣмъ была гордость, но гордость есть ошѣнка самолюбiя, пружины почти всѣхъ дѣйствiй человѣческихъ, пружины превосходной и совершенно необходимой для сохраненiя всѣхъ существъ. Я не хочу, чѣмъ были властолюбцы: это легко сказать, но властолюбiе не есть ли измѣненiе гордости? Сопсворивъ гордость, я произвожу и властолюбiе.“

„Теперь пришла мнѣ прекрасная мысль; — продолжалъ мудрецъ, нѣсколько подумавъ: — я сдѣлаю, что созданные мною люди будутъ щипать за ничто богатства, почести и власти, что... Хороша выдумка! другiе предметы дадутъ другое направленiе ихъ гордости; у нихъ будетъ другое честолюбiе, и они станутъ рѣзаться за другiя вещи. Опъ этого имъ не будетъ лучше.“

„И такъ я долженъ дать общипателямъ моей планеты пошь же нравъ, ко-

порый дань Богомъ обипапелямъ земли. Должно, чшобъ въ новомъ мѣрѣ моемъ было смѣшеніе пороковъ съ добродѣтелями; должно, чшобъ въ немъ, шакже какъ и у дѣшей Адама, находились подлоспѣ и великодушіе, высокомѣріе и скромность, плушовство и довѣренность. Чшобъ довести до совершенства мое произведеніе, я долженъ употребить и добро и зло, шакъ какъ искусный живописецъ употребляетъ два прошивные одинъ другому цвѣта, чшобъ опшѣнить всѣ часпи своей каршины.“

„Но ежели я не могу дать созданіямъ моимъ шакого нрава, который былъ бы лучше, чѣмъ нравъ жителей земныхъ, шо по крайней мѣрѣ могу дать имъ геній самый обширный, самый величественный; могу дать имъ здраваго разсудка какъ можно болѣе, воображеніе самое богашее, самое блистательное, и наконецъ самыя великія расположенія къ наукамъ и художествамъ. Симъ средствомъ я сдѣлаю людей шаспливѣе. Однакожь надобно объшомъ подумать. Посмотримъ, каковъ долженъ быть ихъ геній, и до какой степени должны простирашся познанія. Дать ли мнѣ имъ шакую спо-

собность къ наукамъ, съ которою бы они узнали все то, что Богъ сокрываетъ отъ своихъ созданій? Нѣтъ, потому что съ той самой минуты, какъ они все узнаютъ, сей гений оспанешся безъ пищи, будетъ имъ бесполезенъ, и спанешъ поминуться въ бездѣйствіи подобномъ смерти. Нужно, чтобъ въ природѣ было множествво таинствъ неизвѣстныхъ моимъ созданіямъ. Пусть знаютъ они только то, что полезно для ихъ щастія, и пусть стараются узнать оспальное. Но развѣ Богъ не такіе же предѣлы положилъ гению челоуковъ?... Въ моей планетѣ люди будутъ имѣть болѣе здраваго разсудка: вошь сущій вздоръ! Ежели у нихъ будутъ тѣ же спраши, какъ у дѣшей Адамовыхъ, то и они будутъ на все сморѣть глазами спрастей своихъ, и отъ того видѣть не лучше.“

„Но за то я одарю ихъ воображеніемъ. Я вложу въ нихъ самое вѣрное чувствованіе изящнаго въ искусстввахъ; у нихъ будутъ величайшіе живописцы, величайшіе поэты... Но что я говорю? Искусства состоятъ въ подражаніи природѣ, и могутъ изображать только тѣ предметы, которые въ природѣ находящ-

ся. Совершенство въ изображеніи сихъ предметовъ зависить единственно ошь того, какъ люди ихъ чувствуютъ.“

„И такъ геній, разсудокъ и воображеніе жителей моей планеты должны бытъ не болѣе какъ и у жителей земли! Это досадно, пошому что сіи способности, копорыми жители земли такъ хвастаются, очень не велики. Но по крайней мѣрѣ я упѣшаюсь шѣмъ, что въ планетѣ моей глупцовъ не будетъ: хочу, чшобъ всѣ мои люди были умны. Я право не знаю какая польза можетъ бытъ ошь глупцовъ, и за чѣмъ ихъ, такое множество на земли?“

Эта мысль обрадовала мудреца, но скоро лобъ его наморщился, и новыя размышленія истребили такую пріятную для него мечту.

„Не будетъ глупцовъ! — продолжалъ онъ: — увы! вижу, что имъ должно бытъ и въ моей планетѣ. Одаритъ ли мнѣ всѣхъ людей равнымъ геніемъ? всѣмъ ли имъ имѣшь равную способность мыслишь? Если обитатели новаго моего міра будутъ одарены одинакою долею ума, то сей умъ не будетъ имѣшь никакой цѣны. Должно, чшобъ они имѣли всѣ сшепени

ума, ошь генія до глупосши—шакже какъ въ нихъ будущъ сущесшвовашъ всѣ опшѣнки находящіяся между добромъ и зломъ; и поелику у жишелей моей планешы будешъ сполько же ума какъ у жишелей земли, шо и глущы, кошорыхъ долженъ я создашь, будущъ шакже глупы, какъ глущы шого міра, гдѣ я родился.“

„Однакожь я хочу сдѣлать, чшобы глущы, сошворенные мною, опдавали себѣ справедливосшь: я награжу ихъ скромносшью. У меня люди не предприимуть ничего шакого, чшо будешъ превышашъ ихъ умспвенныя силы. У меня не увидишь, чшобъ множесшво людей безъ ума и безъ свѣденій наводняло свѣшъ дурными книгами; не увидишь, чшобъ невѣжи принимались за сосшавленіе полишическихъ и нравспвенныхъ системъ; чшобъ люди безъ воображенія были поэшами, маляры живописцами, нечувспвишельные горланы актерами, и проч. и проч... У меня эшого не будешъ: всякой займешъ свое мѣсто... Но, ахъ! я и забылъ, чшо мое предположеніе можешъ исполнись шолько шогда, когда изгону шщеславіе, изъ моей планешы, а шщесла-

вію должно въ ней оспавашься какъ опшѣнкѣ самолюбія. Какимъ же образомъ воспрепятствовашь мнѣ чтобъ оно не соединилось съ глупосшью. И пусть онѣ соединяющся: шѣмъ лучше можно увидѣшь глупосшь. Къ тому жъ не жестоко ли будѣшь сдѣлать скромносшь принадлежностію глупосши, — скромносшь, которая тогда переспанешь бышь украшеніемъ дарованій, и которую никшо имѣшь не захочешь.“

„Теперь вижу я, что мнѣ невозможно создать такихъ людей, которые были бы совершеннѣе и щасшливѣе созданныхъ Богомъ, хотя недавно я находилъ въ нихъ великое множесшво недоспашковъ! Какъ эшо для меня досадно!“

Зебъ провелъ въ подобныхъ размышленіяхъ четырнадцать дней. Чѣмъ болѣе онъ разсуждалъ, шѣмъ болѣе увѣрялся, что невозможно сотворишь общесшво людей безъ спрасшей и безъ пороковъ. Онъ видѣлъ, что ему должно было создать проспаконъ и плутовъ, добрыхъ и злыхъ, щедрыхъ и скупыхъ, щесполобивыхъ, гордыхъ, глупыхъ, оригиналовъ всякаго рода. Наступаетъ пятнадцатый день, а мудрецъ ничего еще не создалъ.

„Какъ! — говоришь онъ: — я имѣю власнь созидашь, а ничего не сдѣлаю! Неужели я получилъ божескую власнь полько для того, чпобъ узнашь свою слабось! Нѣшь, я не хочу возвращаться на землю, не сошворивъ какого нибудь живошнаго. Попробую сошворить хопя муху.“

Сказавъ сіе, онъ погружается въ шакія же глубокія размышленія, какъ и въ шо время, когда хопѣль создашь людей. Не было на землѣ ни одной мухи, копорая была бы неизвѣсна Зебу: онъ зналъ организацію самыхъ малѣйшихъ насѣкомыхъ. Вдругъ выходитъ онъ изъ своей задумчивоспи, и восклицаетъ: „что я хочу дѣлашь? мнѣ создашь муху! Развѣ я съ ума сощель? развѣ я не знаю, что нѣшь ничего совершеннѣе мухи? Чудесное сосшавленіе насѣкомаго прѣводишь въ изумленіе слабый умъ человѣческой и являешь непосшижимую премудросшь Создателя!... О Боже! просши мнѣ шщеславіе мое, кошорое засшавило меня забышь на нѣсколько времени швою благось! Невѣжество мое смиряетъ передъ шобою. Я дерзнулъ порицать дѣла швои, дерзнулъ мыслишь, что могу со-

шворить людей совершеннѣе своихъ, между цѣмъ какъ не въ соспоянїи вообразить чего нибудь совершеннѣе — мухи!“

При сихъ словахъ раздался громъ. Трепещущій Зебъ поднимаетъ глаза къ небу, и видитъ того Ангела, копорый перенесъ его на сію необитаемую планету. На прозрачномъ облакѣ, опливающимся златомъ и лазурью, спустился къ нему Ангель, и сказала съ улыбкою: „Не спрашисъ ничего, мудрый Зебъ. Богъ справедливъ и благъ: онъ прощаетъ безразсудство швое, видя, что ты раскаиваешься. Онъ желалъ только знать до чего дойдешь швоя дерзость, и осмѣлишься ли ты воспользоваться данною тебѣ властію; онъ доволенъ швоею умѣренностію. Впередъ не спарайся болѣе измѣрять шу великую цѣпь, коей видишь шокмо нѣсколько колець, но проспрансшва коей и чудеснаго составленія никогда не поспигнешъ. Чшобъ имѣшь справедливое поняшіе о мудрости Бога, по должно судить не по созданію человѣка или насѣкомаго, но по созданію всего міра, копорато шайнсшва превьшають мудрость швою. И человѣкъ и муха не-

совершенны по своей природѣ, но они совершенны по своему назначенію. Если бы Всевышній создалъ существа совершенныя по ихъ природѣ, то онъ создалъ бы Боговъ.“

Тутъ снова раздался громъ. Ангель взялъ мудреца на свое облако. Въ одно мгновеніе планета исчезла, и Зебъ увидѣлъ себя въ своемъ домѣ, посреди родственниковъ и друзей своихъ, которые оплакивали его погибель. — Съ сего времени онъ сдѣлался еще умнѣе, нежели былъ прежде; не имѣлъ уже никакой гордости, и не чувствовалъ болѣе желанія пворить людей по своему произволу, сей глупой спрасти шакого множества Философовъ.

Н.

С п о р и щ и к ъ .

Хочу рассказать вамъ споранность, которая случается со мною всякой день. Думаю, что она случается и съ вами; ибо нельзя не судить о другихъ по себѣ.

Я не болѣе всякаго другаго охотникъ до споровъ; но — не знаю ошъ чего — все, что только я могу сказать пропивнаго, чьимъ либо словамъ, предспавляешся мнѣ само собою, и какъ ни удерживаю себя ошъ спору, не могу успѣшь въ шомъ: ошъ того ли что хочу убѣдисься въ мнѣнїи другаго, или что принимая сіе мнѣнїе, желаю слышать сильнѣйшія на оное доказательспва, или что хочу ошмспить за то, что мысль, сія будучи минушу назадъ самою лучшею, не была моя.

Часпо не могли опровергнутьъ цѣлаго, я спору о подробностяхъ; часпо не оприцаая предмета спора, бываю недоволенъ причинами, приводимыми въ подшверженїе, или спепенью важности, кошорую хотяшь дашь имъ; почишаю самою дурною шу, кошорую предспавляютъ мнѣ за наилучшую; согласень доспигнуть до шой же цѣли, но не хочу

идіти пою же дорогою. Упрямое самолюбіе мое показываешь мнѣ по крайней мѣрѣ сіе прибѣжище.

Не знаю, почему всѣ такъ бояшся бышь пойманными въ спорѣ и съ такимъ жаромъ спараюшся избѣгнушь сего. Мы, какъ дѣти или рабы, думаемъ уменьшишь просупокъ свой и спыдъ, опдаляя ихъ. Признаюсь, я иногда охотно бы открылся, что побѣжденъ въ спорѣ съ вами, если бы это можно было сдѣлать такъ, чпобъ вы этого не знали; ибо вы хошите не только побѣдишь, но и торжествовать.

Кромѣ сихъ общихъ причинъ спора и даже спора несправедливаго, весьма часто мнѣніе имѣеть гораздо менѣе участвія въ немъ, нежели пошь, кпо защищаетъ оное. Рѣшительный щонъ, гордое обхожденіе, явная несправедливосшь, притворство не понимаешь меня чпобъ не бышь принужденнымъ опвѣчать, ложныя одобренія слушапелей предубѣжденныхъ или желающихъ льспишь, вопъ важныя для меня причины, чпобъ не уступашь, упошребляшь всѣ средства къ поддержанію своего мнѣнія, споришь также несправедливо, опдѣлывашься пло-

скими шутками, однимъ словомъ поступать сколько можно хуже. Я въ состояніи бываю иногда сдѣлать то же, что сдѣлалъ одинъ человекъ, который, споря долгое время съ равнымъ успѣхомъ и наконецъ будучи побѣжденъ какъ доказательствами, такъ и остроуміями, предложилъ своему сопернику поединокъ, признаваясь, что онъ не можетъ болѣе сказать ничего лучшаго.

Въ большихъ городахъ и особливо въ хорошихъ обществахъ гораздо бесполезнѣе спорить, нежели гдѣ въ другомъ мѣстѣ. Тамъ судяшь обо всемъ смотря по людямъ; слѣдовательно мнѣнія расположены уже прежде и чтобы спорить удачно, нужно гораздо менѣе Логики, нежели знанія свѣща. Тамъ никто не мыслить самъ собою. Во всѣхъ разговорахъ касающихся до политики или правительства управляетъ интрига не мнѣніями, но словами пѣхъ, коихъ считающъ за чтонибудь; прочіе подобны сѣкъ собакъ: онѣ лающъ пошому только, что другіе лающъ. — Въ такихъ спорахъ колкостъ по большей части заслушаетъ мѣсто причинъ.

Я не знаю ничего, чтобы было худо

или хорошо само по себѣ: одна женщина поперяла доброе имя опъ того, что имѣла любовника; другая вошла въ моду опъ того, что имѣла чепырехъ. Слава, даже и худая, всегда имѣешь свою выгоду. Для женщины естъ другая выгода и весьма важная — имѣшь мужа негодяя. Коль скоро эшо однажды сдѣлалось извѣстнымъ, то всѣ жалѣють о ней, помогаяшь ей, хотя бы она вела себя еще хуже его, и я готовъ биться объ закладъ, что скорѣе подадутъ помощь шой, которой мужъ обезчестилъ себя, нежели шой, у которой мужъ убитъ на сраженіи.

При такомъ безпорядкѣ понятій не возможно спорить: пошчасъ попадешь на личность и чѣмъ больше будешь правъ, тѣмъ больше сдѣлаешься виноватымъ предъ другими.

У насъ вошло уже въ пословицу, что о вкусахъ спорить нельзя. Если бы вкусы происходили непосредственно опъ спроеія нашихъ органовъ, то сія аксіома была бы неоспорима; но поелику они суть не что иное, какъ слѣдствія нашихъ привычекъ, а иногда и предубѣжденій, то споры могли бы очищать ихъ и просвѣщать насъ, еслибы мы хотѣли

просвѣщаешься. — Мы часпо наслаждаемся и забавляемся на однихъ словахъ; не только разумъ, но даже и пѣло въ шюмь обманывается. Есть шакіе домы, въ которыхъ хозяйку почипають любезною и споль хорошимъ только по одной ихъ славѣ. Сіе заблужденіе пріятно и я никогда не сѣпаль бы разрушашъ его; но заблужденіе прошивное гораздо обыкновеннѣе и въ шысячу разъ досаднѣе.

Послѣ сего удивительнo ли, что спорашъ шакъ много и шакъ худо? Съ начала бывають выведены изъ шерпѣнія, а потомъ увлечены примѣромъ.

Одинъ славный и весьма умный человекъ рѣшилсѣ наконецъ совсѣмъ не спорить и сдѣлалсѣ несноснымъ; его молчаніе показывало презрѣніе, въ шысячу разъ обиднѣйшее, нежели самая брань.

Весьма бы нужно было опредѣлить правила для споровъ; но я оставляю шрудъ сей другимъ, ибо вѣроятнo худо бы въ немъ успѣль. Сверхъ шого я не умѣю хорошо спорить и хочу по крайней мѣрѣ увѣрить, что не знаю всего нужнаго для хорошаго спора.

Въ заключеніе повтораю слова мои, которые нѣсколько разъ говорилъ уже

бездолзно: что и одержашь побѣду въ спорѣ нѣшъ никакой выгоды; что опъ сего шолько будешь менѣ любезень; что даже симъ не засшавишь почиташь себя умнѣ; что нѣшъ никакого неудобства усшупишь въ спорѣ, и шысячи непріятностей продолашь его; что нѣшъ ни одного человека, копорый бы не былъ съ шѣмъ согласень, и что при всемъ томъ споръ долженъ бышь весьма ешеспивенень человеку и весьма соблазнишелень, пошому что люди спорили прежде, споряшъ нынѣ и будущъ споришь вѣчно.

К.

П е д а н т ъ.

Часпица знанія, соединенная съ часпицею невѣжества, производить Педанта. Не должно думать, что ученый дѣлается Педантомъ пошому только, что имѣеть познаніе о такихъ вещахъ, которыя многимъ неизвѣстны; напротивъ пошому, что не знаеть того, что всѣмъ извѣстно. Наука, какой бы ни была предметъ ея, всегда полезна; надобно умѣть употреблять ее, а Педантъ этого не знаеть. Докторъ Пангль утверждалъ, что рошъ сдѣланъ для того, чтообъ плевать, а носъ, чтообъ сморкаться: подобно сему Педантъ думаетъ, что науки существуяють только для того, чтообъ имѣть учились. Онъ вышвердитъ наизусть всѣ нравоученія, но не сдѣлается благо-разумнѣе; онъ знаеть всѣ правила Архитектуры, но не умѣеть поспроить для себя дому. Онъ учился для того только, чтообъ знаеть; такъ какъ скупецъ собираеть деньги для того только, чтообъ имѣть ихъ. Педантъ выказываетъ свои познанія, скупецъ щипаетъ деньги; но ни пошъ, ни другой не пользуются шѣмъ, что имѣюшъ, и какъ монета, которая

изобрѣшена для облегченія торговли, становится для скупаго единственнѣмъ предметомъ его трудовъ, такъ точно Педантъ почищаетъ правила, сдѣланныя для удобнѣйшаго обученія какой нибудь наукѣ, за самую цѣль сей науки. Выхваляйте Педанту богатство Лапинскаго языка: онъ спанетъ говоритъ вамъ о пяти склоненіяхъ. Плутархъ приводитъ острое слово оратора Демада; а Дасье, переводя оное, дѣлаетъ замѣчаніе, что это изрѣченіе истинно *высокое*, ибо заключаетъ въ себѣ такую и такую риторическую фигуру. Почему Дасье сдѣлалъ такое замѣчаніе? потому ли, что онъ знаетъ сіи риторическія фигуры? Нѣтъ; потому что онъ не знаетъ *высокаго*.

Педантъ всегда занимается какою нибудь одною наукою; онъ думаетъ, что знаетъ ее хорошо, потому, что знаетъ всѣ части ея; но ему неизвѣстно, какія связи имѣетъ она съ другими науками, какая польза отъ нее бываетъ. Онъ походитъ на дикаго, кошорый живетъ на острову, имѣющемъ нѣсколько миль въ окружности; ему совершенно извѣстна внутренность острова; но онъ не знаетъ, что за моремъ существуютъ другія зем-

ли, которыя гораздо обширнѣе, лучше населены и плодоноснѣе; его островъ кажется ему цѣлымъ свѣпомъ. Чѣмъ болѣе ученый знаетъ наукъ, тѣмъ онъ проснѣе; ибо зная много вещей, онъ даетъ каждой приличное мѣсто: но поппъ, кпо знаетъ только одну науку, употребляетъ ее вездѣ, шакъ какъ имѣющій только одно плащье, носить его всякой день; но еслибъ у него со всѣмъ не было плащья, то онъ не выходилъ бы изъ дому; еслибъ Педантъ ничего не зналъ, то, можетъ быть, ничего бы не говорилъ. Опъ сего происходитъ, что ученый дуракъ глупѣе неученаго дурака: ибо онъ бываетъ дуракомъ чаще. Имѣя понятіе только объ одной вещи, онъ не пропускаетъ случая говорить о ней. Скажите ему нѣсколько стиховъ изъ Расинова *Митридата*; и онъ пошчасъ начнетъ рассказывать вамъ жизнь сего Государя, войну его съ Римлянами, любовь къ Мониміи и проч. Изъ этого видно вамъ, что онъ не имѣетъ понятія о Лишпературѣ. Педантъ, показывая то, что онъ знаетъ, показываетъ и то, о чемъ не имѣетъ никакого понятія.

Портретъ Юлія Цезаря.

Необыкновенные люди, между прочими опличающими ихъ признаками, познаются пошому, что хопя бы можно было дашь имъ нѣкопорыя недоспающія въ нихъ качесшва, но нельзя увеличипь шѣхъ, кощорыя они имѣють и копорыя шѣмъ обширнѣе и блиспашельнѣе спа-новяшся, чѣмъ внимашельнѣе и ближе разсмашриваемъ ихъ. Самые знаменишыя Римскіе писашели не думали, что бы краснорѣчіе, сколько бы высоко оно ни было, могло когда либо достигнуть до высокости духа и дѣяній Юлія Цезаря.

Сей необыкновенный человекъ родился въ самыя бурныя времена республики и скоро показаль силу своего характера, скоро даль замѣшпипь обширность своихъ замысловъ и гордость, пишасемую въ немъ надеждами. Бывши еще осмнадцаши лѣшъ, онъ рѣшилса вопрошпвшся волѣ Силлы, погда, какъ въ Римѣ оспалисъ шѣ одни граждане, копорымъ позволиль жипь сей кровожадный человекъ. Спа-раясь съ шѣхъ поръ основашь свое величье не на добродѣшеляхъ чиспыхъ и республиканскихъ, коихъ споль высокій

примѣръ представлялъ ему Капонъ, но на униженіи своихъ согражданъ и на уничтоженіи равенства, онъ весьма искусно присоединился ко всѣмъ мяшежникамъ, къ Пизону, Леншулу и Капилинѣ, коихъ заговоры и злоумышленія, на щепъ ихъ, • приготоновили удивительное его щасіе. Природа дала ему болѣе талантовъ, силы и способовъ къ изпребленію свободы, нежели сколько показали; со времени изгнанія Царей, самые ревностные республиканцы для утвержденія, или защиты оной.

Не надѣясь ни въ чемъ на случай, но во многомъ на свой гений и во всемъ на силу и мужество, онъ искалъ первыхъ мѣстъ въ республикѣ и получалъ ихъ, будучи всегда готовъ насильно занять, еслибы не получилъ съ согласія. Его дѣятельность, копорой никогда онъ не раздроблялъ, но копорую всю усмремлялъ на каждый предметъ своего честолюбія, была чудесная, и никакая неудача, никакой успѣхъ не могли остановить ее. Мысль о томъ, что оставалось ему дѣлать, едва давала мѣсто воспоминанію того, что было сдѣлано.

• Такимъ образомъ, послѣ безчислен-

ныхъ побѣдъ, одержанныхъ со скоростію дополъ неслыханною, въ климапахъ для Римлянъ необычайныхъ, надъ народами сильными и воинспвенными; погда, какъ самый Римъ, удивленный множеспвомъ чудесъ, воздвигаль ему спануи и жерспвенники и воздаваль божескія почеспи; когда въ самомъ дѣлѣ онъ превышалъ все, что производиль Римъ великаго — Онъ не находиль равнаго себѣ; онъ видѣль у ногъ своихъ владыкъ міра и дѣлаль еще новые замыслы, какъ будпо на землѣ не было ничего доспойнаго, на чемъ бы могъ нѣсколько оспановишься гордый, высокой духъ его.

Мы приходимъ въ изумленіе, когда предспавляемъ себѣ все, чего онъ хотѣль, что предпринималь и что дѣлаль. Онъ находиль въ своемъ геніи болѣе пособій, нежели сколько вспрѣчалъ препяшспвій къ исполненію намѣреній, и сіи пособія были сполькоже скоры, сколько препяшспвія могли бышь непредвидимы. Съ опважноспію, повелѣвавшею, такъ сказашъ, произшесствіями, онъ соединяль въ себѣ шу мудроспъ, кошорая предугошowlerяеть, совершаепъ, либо поправляепъ ихъ; никогда не предпринималь онъ по-

ходовъ, не обезпечивъ себя напередъ всѣми средствами къ побѣдѣ; никогда не щипаль себя побѣдшелемъ прежде, нежели опнимешъ у побѣжденныхъ всѣ способы. Обожаемый своими солдапами, копорымъ внѣ сраженія позволяль онъ все, но въ день сраженія не прощаль ничего, онъ славу свою сдѣлаль первою ихъ пошребносною, а успѣхи первою наградою.

Будучи ласковъ, привѣпливъ, снисходшелень, великодушень, онъ имѣль добродѣтели, но не былъ добродѣтельнымъ; онъ пожерпвоваль бы всѣми ими, если бы сіе пожерпвованіе приближило его коша на одинъ шагъ къ верховному могуществу. Дружба его сосшояла не въ шомъ чисшомъ и нѣжномъ чувствшованіи, кошорое дѣлаешъ нашимъ собственнымъ и личнымъ щасшіе, или нещасшіе другаго; но въ благосклонности, основанной на нуждѣ и пользѣ, въ наградѣ за приверженность къ его лицу и замысламъ, за покорность его воль. Если Римъ, послѣ шого досшопамяшнаго сраженія, кошорое рѣшило судьбу міра, не пошребоваль опъ него крови ни одного изъ гражданъ, избѣгнув-

шихъ оружія сражавшихся, по это по-
тому, что для него полезно было про-
щать, что онъ почипалъ прощеніе од-
нимъ изъ благороднѣйшихъ дѣяній вер-
ховной власти. По смерти Помпея онъ
опять воздвигнулъ низпровергнутыя на-
родомъ спашуи сего великаго мужа; но
паже рука воздвигла и Маріевы профеи.
Великодушіе его не имѣло границъ и ще-
дросъ была безпримѣрная. Но что было
цѣлю его щедрости? То, чтобы скло-
нить на свою спорону народъ, котораго
власть спановилась ему нужною для
изроверженія власти Сенапа, и чтобы
привязать къ себѣ войска и чрезъ то
сначала уничтожилъ власть Красса и
Помпея, а потомъ и самаго народа.

Его честолюбіе, по видимому, было
оспановлено однажды мыслию объ общемъ
благѣ, въ то время, какъ при переходѣ
его чрезъ Рубиконъ, предспавилась уму
его карпина всѣхъ бѣдспвій, въ которыя
готовился онъ повергнутъ республику.
Сія мысль спановила его на брегахъ
рѣки, но не болѣе какъ на одну минушу;
онъ въ тысячу разъ лучше хотѣлъ бы
погибнуть и въ паденіи своемъ увлечь
весь свѣтъ, нежели спказаться опъ на-

мѣренія покорить его и дашь ему законы.

Онъ съ первыхъ лѣтъ возрастѣ своего почувствовалъ, что опечесство его имѣло нужду въ повелителѣ, но гораздо болѣе почувствовалъ нужду сдѣлаться повелителемъ опечества. Чтобы лучше скрыть сіе великое намѣреніе, Юлій Цезарь покрылъ оное видомъ проспошы, разсѣянности и даже шалоспей; онъ показывалъ въ себѣ любовь къ щегольству, какъ молодой человѣкъ, который старается только нравиться; въ немъ обманывались самыя проницательныя взоры. Одинъ ужасный Силла, сквозь сію припворную изнѣженносшь, видѣлъ въ немъ спрашнаго врага республики; онъ не могъ предвидѣть только того, чтобы свободу, коей оставки, по мнѣнію его, не могли бышь сохранены иначе, какъ посредствомъ кровопролитія; Цезарь уничтожилъ наиболѣе прощеніемъ и милосшями.

Сей необыкновенный человѣкъ не шелъ къ своей цѣли по плану, спокойно и хладнокровно обдуманному; но спрѣмился, побуждаемый ненасытнымъ желаніемъ славы, спрашно владычествомъ

вапъ и чувствованіемъ своихъ силъ, влекомый пѣмъ повелительнымъ шайнымъ инспинкпомъ, копорый не ждепъ разума и служипъ лучше благоразумія. Вмѣсто того, чшобы бояться препяпшвій, геній, опвѣчавшій ему за все, заспавлялъ его желанъ ихъ; иначе онъ пренебрегалъ бы великими вещами, еслибы въ полученіи ихъ не встрѣчалъ великихъ запрудненій. Чрезвычайная дѣяшельность и чрезвычайное терпѣніе; опважность и благоразуміе, милосердіе и спрогопъ; искусство казашься шѣмъ, чѣмъ онъ не былъ, и скривашь, чѣмъ былъ; искусство гораздо пруднѣйшее — во время припворства казашься проспымъ и опкровеннымъ; сердце пыльное и спраспное, а духъ всегда покойный и веселый; воображеніе шонкое и пламенное, а разсудокъ швердый и чистый; вошъ качесшва, изъ коихъ доспашочно нѣкоторыхъ, чшобы соспавипшъ героя, государспвеннаго человѣка, великаго мужа, шакого, какія появляющься весьма далеко одинъ опъ другаго; поелику шаковыя качесшва болъшею часпю, несомѣспны одни съ другими: но Цезарь имѣлъ ихъ всѣ и въ высочайшей спепенн. Та-

кимъ образомъ эпошъ же самый челоуѣкъ, кошорый испребиль при миллиона людей, взялъ восемь сотъ городовъ приступомъ, покоришь приста націй и шяжестію своего генія и характера раздавилъ угнѣшавшій весь срѣшъ колоссъ величія и силы; онъ же испреблялъ злоупошребленія, писалъ спасишельные законы, наблюдалъ за всѣми часшними правленія, ободрялъ и покровишельствовалъ всѣ художества, равнялся въ краснорѣчїи съ краснорѣчивѣйшимъ изъ Римлянъ, успановилъ колебавшійся языкъ, приведя къ началамъ и подчинивъ правиламъ слова, всегда почти на удачу произносимыя незнающею чернію, и описалъ свои дѣянїя такимъ слогомъ, кошорому въ изящной и благородной проспотѣ его не могъ подражать ни одинъ писатель. Не могли повелѣвать небомъ, онъ хотѣлъ знать законы его; онъ наблюдалъ движеніе свѣспилъ и заключилъ годъ въ испинныхъ предѣлахъ его.

Послѣ всего этого Цезарь помышлялъ еще о такихъ предпрїяшяхъ, изъ кошорыхъ одно моглобы, не говорю, сдѣлать безсмертнмъ челоуѣка, но прославишь цѣлый вѣкъ—какъ вдругъ погибъ ошъ шой

изъ своихъ добродѣтелей, копорой наиболѣе обязанъ былъ возвышеніемъ и властію, опъ милосердія. Онъ погибъ и заслужилъ гибель; въ правленіи свободномъ пощъ естль величайшій изъ злодѣевъ, кпо покушаешся даже на оспѣпки свободы. Но Римляне должны были вѣрнть, что Боги судящъ о семъ иначе; ужасныя явленія, предшесствовавшія и сошущсшвовавшія его смерти; комета, явившаяся въ небесахъ въ по самое время, когда опправляли погребеніе его; плачевный конецъ, посшигшій всѣхъ его убійць, изъ коихъ нѣкопорые поразили себя шѣмъ же кинжаломъ, коимъ его умершвили—все, кажешся, говорило имъ, что раздраженное небо мшпило за смерть Цезаря, какъ за величайшее оскорбленіе природы, копорая не иначе произвела въ свѣтѣ шакого человѣка, какъ съ усиліемъ; коего повшорншь она уже не могла.

Съ фр. ф.

Рѣчь Сципіона къ своимъ воинамъ.

(Изъ Ливія.)

Воины! еслибы я нынѣ вель на сраженіе шо войско, кошорое было со мною въ Галліи: шо не сказалъ бы ни слова. Чшо засшавилобъ меня возбуждашь мужество въ конныхъ, одержавшихъ у Роны надъ конницею непріятельскою блистательную побѣду, или въ легіонахъ, кошорыми преслѣдуемый въ бѣгспѣвъ своемъ сей жъ самый непріятель шрусосшію и уклоненіемъ опъ сраженія показывалъ побѣду нашу? Но я оставилъ шо войско въ Испаніи, гдѣ оно, согласно съ моимъ намѣреніемъ и волею Сенаша и народа Римскаго, продолжаетъ дѣйствія съ брашомъ моимъ Сципіономъ. Самъ, чшобъ имѣли вы въ Консулъ вашемъ вождя прошивъ Аннибала и Картагенянь, спѣшили на желанную битву сію. Предводителю новому нельзя не сказашъ новымъ воинамъ нѣсколькихъ словъ. Вамъ надобно знашь ходъ войны и непріятелиа. Вы будете сражашся съ шѣми, кошорыхъ въ минувшую войну, на сушѣ и на морѣ

побѣдили, которые чрезъ двадцать лѣтъ были вашими данниками, и у которыхъ завоевали Сардинію и Сицилію. И пакъ пойдемъ на бипву сію: мы—съ надеждою побѣдителей; они съ опчаяніемъ побѣжденныхъ. Не дерзось, но неизбѣжность засшавишь ихъ сразишься. Не думаете ли, что не опважившіеся на бипву, имѣя войско въ полномъ числѣ своемъ, нынѣ, послѣ пошери въ переходахъ чрезъ Адпы половины пѣшихъ и конныхъ, (а можеть бышь, погибло больше нежели оспалось) одушевятся новымъ мужествомъ? или что хощя и не великое число ихъ, но мужественны и крѣпки, пакъ что ихъ нападенію и силѣ едва ли что пропивишься въ соспояніи?... Нѣтъ! это призраки и пѣни человѣческія, а не человѣки; полуживые, измученные и испощенные среди пропащей земныхъ и дикихъ камней опъ голода, спужи, спраданій и шоски. Тѣла ихъ опалены зноемъ, нервы оцѣненѣли въ снѣгахъ, члены опняпы морозомъ; оружіе ихъ испорчено и изломано; лошади ихъ хромья и хворья. Таковы конные и пѣшіе, съ коими сразитесь. Вы найдете въ нихъ оспашки вражескія, а не враговъ. И я всего болѣе

опасаюсь, чтобъ послѣ сраженія не сказали, что Аннибаль побѣжденъ Алпами. Но можешь бышь, пакъ и надобно, чтобъ прошивъ вождя и народа, свяшосшь союза поправшихъ, сами Боги, безъ всякаго посредства человѣческаго, произвели и совершили брань; а произведенную и совершенную заключили мы, оскорбленные по Богахъ.

Не подумайте, что я ищу только громкихъ словъ для убѣжденія вашего въ шомъ, чего самъ не чувствую. Тогда вышло повелѣніе: слѣдовашь мнѣ съ войскомъ моимъ въ Испанскую провинцію мою, куда я и ошправился. Со мною находилсѣ и мой брань, довѣренный предпріятій мойхъ и мой шовариць въ войнѣ; прошивъ меня шель Аннибаль и въ особенності Аздрубаль; войско мое уступало числомъ нынѣшнему.

Я проходилъ судами мимо Галліи. Услышавъ, что непріятель былъ тамъ, я вышелъ на берегъ, и пославъ конныхъ впередъ, съ прочимъ войскомъ спалъ лагеремъ у Роны. Въ дѣлѣ конномъ частъ войска моего, имѣвшая случай сразиться съ непріятелемъ, разсѣяла его. Между шѣмъ непріятельскіе полки въ безпоряд-

къ бѣгства спремительно спасались. Не надѣясь достигнуть ихъ сухимъ путемъ, возвратился я на суда и опривившись немедленно, прошелъ не малое пространство моря и земель, пока повстрѣчался у подошвы Алпійскихъ горъ. Уклоняясь отъ сраженія, отважился ли бы я нападать на страшнаго для меня непріятели, его преслѣдовать, беспокоить и принуждать къ сраженію? Вы удостовѣрились, не въ самомъ ли дѣлѣ земля чрезъ двадцать лѣтъ чудеснымъ образомъ произвела иныхъ Картагенцовъ, или они всѣ также, какими были въ бѣгствѣ при островахъ Егашскихъ и при Ерикѣ, гдѣ за дарованную имъ свободу заплашили вамъ осьмнадцать динаріевъ: не въ самомъ ли дѣлѣ также Аннибаль сей есть второй Алкидъ, какъ величаетъ себя самъ, или данникъ и наемникъ, рабъ народа Римскаго, наслѣдовавшій участь сію отъ отца. Когда бы бѣженство не ослѣпило его, какъ при Сагунтѣ, то конечно онъ привелъ бы себя на память, если не опеченство, бывшее въ рукахъ побѣдителей, по крайнѣй мѣрѣ домъ свой, отца, самыя условія мира, написанныя рукою Амилкара; привелъ бы себя на память, какъ

ошецъ его, получивъ повелѣніе отъ нашего Консула, принужденъ былъ вывести изъ Ерики охранное войско; какъ съ пренепомъ и прискорбіемъ принялъ шягошныя законы, предписанныя побѣдшелями Карѣагену; какъ оставилъ Сицилію и обязался присылать народу Римскому ежегодныя дани. И такъ вы вооружилесь, воины, непокомо всегдашнимъ мужествомъ своимъ, но мщеніемъ и яростію, такъ шочно, какъ бы на рабовъ вашихъ, коварно поднявшихъ на васъ оружіе. Ничшо не препятствовало намъ враговъ нашихъ, окруженныхъ при Эрикѣ, умершвишь ужаснѣйшею для челошчества казнию — голодомъ. Ничшо не препятствовало съ побѣдоноснымъ флотомъ перенесшсь въ Африку и въ короткое время безъ сраженія истребшть Карѣагенъ. Мы склонились на ихъ просьбы, сняли осаду, побѣжденнымъ даровали миръ, и попомъ во время опасной для нихъ войны Африканской приняли ихъ въ наше покровишельство. За сіи благошванія идушь они, подъ предводишельствомъ безумнаго юноши, разоряють опечество наше. Но къ сожалѣнію уже не чешть шокмо, цѣлосшь Республики шребуешъ отъ васъ сей биш-

вы. Вы будете сражаться не за обладаніе Сициліею и Сардиніею, какъ въ минувшую войну, но за Ипалію. За нами нѣтъ другаго войска. Если не побѣдимъ, ничто не удержишь непріятеля. Алъ другихъ не будешь, и враги наши, оставивъ ихъ за собою, могутъ воспользоваться новыми подкрѣпленіями. Воины! здѣсь должны мы пропивуспашъ, и шакъ сражаться, какъ бы подъ стѣнами Рима. Пусъ помнишь каждый, что несешь оружіе не сполько на себя, сколько для защиты жены и дѣтей малолѣпныхъ; пусъ помнишь вмѣстѣ съ семейспвенными предметами любви и шо, что съ нами вся надежда Сенапа и народа Римскаго: ошъ подвиговъ и мужеспва нашего шеперь совершенно зависишь жребій Рима и владычеспва нашего.

Съ Лат. А. Б.

Страшный судъ.

„Насъ праведныхъ Творецъ хранишь, какъ
милыхъ чадъ,“
Твердише вы: „но зримъ повсюду васъ по-
пранныхъ.

„За добродѣшель вамъ не должно ждашь на-
градъ,
„Подъ властію вы злыхъ успѣхами вѣнчан-
ныхъ.

„Взывайте, Богъ сей вамъ покровъ!

„Да ополчися онъ сыновъ на опомщенье!

„Не слышишь онъ, не зришь, или на защи-
щенье

„Безбожныхъ лишь гошовъ?“—

„Хулу гласишь о немъ пресманьше, нече-
спивы!

„Иль, чшобъ ругашься имъ, онъ далъ вамъ
рѣчь и гласъ?

„Не сѣшуетъ, когда онъ испишуетъ насъ;

„Въ безмолвьи ждемъ, сразишь и васъ Богъ
справедливый.

„О горе грѣшнымъ! Не далеку,

„Уже спѣшишь шопъ день на казнь опредѣ-
ленный.

„Вознаградитъ Богъ слезный шокъ,

„За ваше шоржесшво мы будемъ опомщенны.“

„Когда ешь Богъ, почшо жъ еще онъ не гря-
дешъ?

„Но въ мирѣ праведный, нещасшьемъ удру-
ченной,

„Напрасно ошъ него себѣ защиты ждепъ:

„Средь неба онъ почилъ, надъ молнией при-
пупленной.

„И Богъ сей щедръ и справедливъ?

„И мыслишь пы ошъ сна онъ можетъ про-
будитъсь?

„О смертный! поспѣшай весельемъ насла-
дисься,

„Порочень будь, но будь щасливъ.“—

Но слышенъ звукъ! трубы раздался гласъ
священной

И ужаоъ поселилъ въ сердцахъ;

На колесницѣ громъ лепящей, распаленной

Все пожираетъ въ небесахъ.

Въ крови свѣшила всѣ и вѣпры разъяренны,

Освободившись ошъ цѣпей,

Гласяшъ ли вамъ, увы! о жйтели вселенны!

Послѣдній день назначенъ сей.

Вздымаетъ Океанъ свои кипящи воды

И въ облака волнами бьетъ,

Буншуя борется съ законами природы.

Разрушенная швердь падетъ.

Свершилось все. Давно ошъ глазъ сокрытый

шъмою

Изъ нѣдръ небесъ людьми забвенъ гдѣ ош-

дыхалъ,

Явился Богъ! Се онъ! всемошною рукою

Преспалъ мйръ ограждать, и мйръ на часши

паль.

Сспрашишесь, смертныя! здѣсь спроее зер-

цало

Верховнаго судьи!

Вѣнецъ и злато здѣсь недрагоцѣнно спало,
Здѣсь равенство между людьми.

Отверзла истина для казни неизбѣжной
Здѣсь книгу грозную: злодѣйства ваши въ ней,
И вѣра, матерью доселѣ бывъ къ вамъ нѣжной,
Безъ жалости разошъ ослушныхъ сыновей.

Усопшихъ души! пробудись
И прежнія принявъ шѣла,
Предъ Бога соберись:

Отъ гроба власшь его васъ нынѣ извела.
Изъ мрака мершвые толпами поспѣшають,
Подходящъ; на лицѣ ихъ блѣдномъ видѣнь
спрашь.

Изъ пишины гробовъ изшедши, опряхають
Съ власовъ могильный прашь.

Сколь много, о Сіонъ! въ обители священной
Твоей изъ разныхъ спрань народовъ нынѣ
зримъ.

Магомешанинь здѣсь, кумирамъ покоренной,
Еврей, Христіанинь, предъ Богомъ всѣ од-
нимъ.

Какой ужасный шумъ! спраданы шяжки
споны!

О небо! нѣспъ числа, виновныхъ миллионы.
Съ неблагодарнымъ здѣсь

Убийца кроешся и хипрыхъ лжей сплеша-
шель,

Мздоимецъ въ златѣ весь

И воцнъ бипшвы въ день опечесшва преда-
шель.

Здѣсь зрю судейъ безспыдныхъ сихъ,
 Которы кровію невинныхъ насыщались
 Съ гонимелами ихъ.

А шамъ вельможи шѣ, которые старались
 Благошворипелей священный видъ пріять,
 Чтобы среди щедротъ обиды изливашъ.
 Куда сокроюшся? вездѣ досшигнешъ мщенье
 Неправедныхъ владыкъ сихъ нынѣ безъ пор-
 фиръ.
 Степей, петчеръ ужъ нѣшъ, разрушенъ цѣ-
 лый міръ,
 Наполнило собойъ все Бога провидѣнье.

Пропекъ помилованья часъ.
 Приблжшесь, грѣшныя! къ суду собирашесь,
 Зовешъ вѣсь спрогий гласъ.
 Слезами праведныхъ по прежнему ругайшесь.
 Защишы имъ отъ Бога нѣшъ?
 Вѣщайше, дайше намъ отвѣшъ.
 Ужъ поздно слезы лишь; вашъ спонъ насъ
 упѣшаешъ,
 Сверщшися сдѣланый шоржешшвенно обѣшъ
 И адъ своей добычи ожидаешъ.

Какой вдругъ озарилъ меня опѣсюду свѣшъ?
 На лирѣ перспами невольнѣ увлеченный,
 Небесной сладостью на вѣки упоенный,
 Души восторгъ мной на спрунахъ воспѣшъ.
 Сокройшесь, грѣшныя! я Богомъ зрю избран-
 ныхъ,

Они грядущъ съ улыбкой на ушахъ

Вкусишъ опрадъ имъ обѣщанныхъ.

Не можешъ чадъ шревожишъ гнусный спрахъ!

Отець приємлѣть ихъ безсмертіємъ вѣнчан-
ныхъ.

Увы! изъ пьмы людей пишаемыхъ побой
Немногіе законъ хранили швой свяшой,
О Боже! и шебѣ до гроба покарялись.

Младенцы, старцы лишь оспались,
Спрадальцевъ малое число.

Средь многихъ праведныхъ, кошорые при-
звались,

Едва ли естѣ вѣнчанное чело!

Куда сокрылись, преступниковъ народы
Сіона бывшихъ при врапахъ?

Всевышній лишь изрекъ, людей несмѣшны
роды

Поглощены во адовыхъ успахъ.

Осуждены на вѣкъ отецъ памѣ вмѣстѣ съ
сыномъ,

И маперъ съ дочерью и бранія съ сеспрой;
Тамъ царъ и вмѣстѣ льспець, невольникъ
съ власпелиномъ,

Друзья, любовники, и мужъ съ своей женой.
Злодѣевъ легіонъ, сшѣдасъ себя познанья,

На люшья шерзанья

Преданны Божіей разгнѣванной рукой.

Но праведный теперъ побѣду получаешъ.

И послѣ буръ въ объашіяхъ Творца,

Сіяя славой, опдыхаешъ.

Безсмершнымъ сладосшамъ не будетъ симъ
конца:

Онъ зришь и познаешъ, онъ чувствуешъ и
дышишь

Тѣмъ Богомъ, коимъ жилъ;
Хоръ ангеловъ онъ слышишь
И слава вѣчнаго, которому служилъ,
Самимъ на небѣ имъ воспѣша.
Ненужный громъ Всевышній сокрушилъ,
Каранью болѣ нѣтъ предмета.
Исчезли годы, дни, часы;
Безъ крыльевъ время, безъ косы
Почило въ вѣчности среди развалинъ свѣща.

А. Пушкинѣ.

Басня.

Лѣтующая мышь и двѣ ласточки.

Жестокую войну
 Съ мышами ласточки имѣли,
 Кого ни брали въ плѣнь, всѣхъ ѣли.
 Случилось какъ - то мышь лешучую одну
 Въ ночную пору
 Занесъ, лукавой въ нору
 Къ голодной ласточкѣ. — А! а! прошу при-
 сѣсть,
 Съ насмѣшкой ласточка сказала,
 Ты мышь, себя мнѣ можно сѣсть. —
 „Помилуй, па ей отвѣчала,
 Не ѣшь, а лучше разсуди
 Да хорошенько погляди.
 Въ своемъ ли ты умѣ, сестрица?
 Вошь крылья у меня, я птица!“ —
 Уловкой этой жизнь спасла себѣ она.
 Окончилась война
 У ласточекъ съ мышинымъ родомъ;
 Но съ птичьимъ уже брань онѣ вели народомъ,
 И мышь лешучая опять
 Въ плѣнь къ ласточкѣ попала. —
 Ты птица? шы шеперь лешала? —
 „За что меня шакъ обижаютъ?
 Я мышь и изъ мышей природныхъ,
 Былъ смѣлой плѣнницы отвѣшь.
 Похожа ль я на птицъ негодныхъ?
 На мнѣ и перьевъ вовсе нѣшь!“ —

Въ другой разъ хитросшью такой она спас-
слася,
И ложь и истина равно ей удалася.

*

Опъ спреха не одинъ
Вчера былъ роялишъ, а нынѣ гражданнѣ

А. Измайловъ.

II. НАУКИ и ХУДОЖЕСТВА.

*Лучше ли воспитывать дѣтей дома
или въ училищахъ?*

(Изъ Орапорскихъ наставленій Квинпи-
ліана. Кн. 1, гл. 2).

Дитя, мало по малу подрастая, вы-
ходишь изъ-подъ надзора нянекъ и начина-
ешь постоянно учишься. Туть въ осо-
бенности надлежитъ изслѣдовать во-
просъ: лучше ли оставишь учащагося до-
ма, подъ семейственнѣмъ кровомъ; или
опратишь въ училище, подъ надзоръ наспа-
вниковъ общественныхъ? Послѣднее мнѣ-
ніе принимается какъ законодателями
извѣстнѣйшихъ народовъ, такъ и оплич-
нѣйшими писателями.

Надобно однакожь признаваться, что
многіе опшвергають сей почти общепри-
нятый обычай. Они приводятъ на по-
два доказательствва. Первое, что чрезъ
удаленіе ребенка опъ толпы воспитан-
никовъ одного съ нимъ возраста, весьма
наклонныхъ къ порокамъ, гораздо легче
предохранишь нравы его опъ разврата;
и второе, что каждый наставникъ у-

спремипъ все вниманіе свое на одного, не имѣя надобности раздѣляпъ оное между многими. Первая причина весьма важна: если бы извѣстно было, что въ училищахъ приобретаются успѣхи въ словесности не иначе какъ съ порчею нравовъ, то, кажется, я предпочель бы благонаравіе всякому краснорѣчію. Но, по мнѣнію моему, качества сіи столь тѣсно соединены, что одно безъ другаго не бываетъ. Только честной человекъ можетъ быть Орапоромъ; и я желалъ бы, чтобъ сіе иначе не случалось. И такъ обратимся сперва къ сему предмету.

Полагаю, что нравы портятся въ училищахъ: портятся иногда, но почно такъ же, какъ и дома. Много есть съ одной и съ другой стороны примѣровъ, какъ опровергающихъ совершенно, такъ и подтверждающихъ съ величайшею достоверностію сіе мнѣніе. Все зависитъ отъ свойства и усилія каждаго. Имѣй мысли склонныя къ распустиву, имѣй небреженіе о святости и храненіи невинности съ самаго малолѣтства: тогда предшавишя и въ уединеніи столь же удобныя случаи къ худымъ поступкамъ. Можетъ случиться въ домѣ развратный на-

спавникъ; не менѣе также опасности отъ дурныхъ служителей и отъ нескромности всѣхъ вообще домашнихъ. Но если дитя отличныхъ свойствъ, если родители чужды слѣпой и закоренѣлой безпечности: по останеніи избрать самаго благонаправнаго наставника, на что благоразумные обращаютъ особенное вниманіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ надежнѣйшій способъ воспитанія; а при томъ приспавить къ дитяти друга изъ мужей почтенныхъ, или вѣрнаго дядьку, коего непрерывный надзоръ дѣйствителенъ къ поправленію дѣтскихъ свойствъ даже сомнительныхъ.

Незапруднительное средство было отвратить такое сомнѣніе. Ахъ, если бы мы сами не портили нравовъ дѣтскихъ. Младенчество пошчасъ расплѣваемъ нѣгою. Слабое воспитаніе, именуемое баловствомъ, превращаетъ все расположеніе и духа и тѣла. Къ чему не будетъ приспращенъ въ возмужалости шопъ, кто ползаетъ въ младенчествѣ на пурпурѣ. Еще не говоришь ни слова и уже различаешь алой цвѣтъ, желаетъ наряднаго плащя, Чувство вкуса направляется въ дѣтяхъ прежде, нежели рѣчь. Они

распушь въ носилкахъ. Касаюся земли не иначе, какъ поддерживаясь оповсюда и вися на рукахъ. Мы восхищаемся дерзкими ихъ рѣчами. Слова, непозволяемая въ самыхъ распушныхъ домахъ, принимаемъ ошь нихъ со смѣхомъ и поцѣлуемъ. И неудивительно: мы сами научили ихъ — ошь насъ они переняли. Каждый пиръ оглашается неблагоприсойными пѣснями. Посыдное для слуха предспавляется очамъ. Опсюда родисья навикъ и обращается въ природу. Нещастные вдаюся въ пороки, не имѣя о нихъ даже поняшя. Симъ способомъ развращенные и избалованные не заемлюшь зло сіе въ училищахъ, но въ училища приносяшь.

Ушверждаюшь также, что занимашься ученіемъ одному съ однимъ досужнѣе. Но ничшо не мѣшаетъ сему одному (я не знаю какъ назвашь его), бышь съ учащимся и въ училищѣ; а хопя бы шо было и невозможно, я предпочель бы славу общеспвеннаго заведенія безызвѣспности и уединенію: поелику всякой хорошій наславникъ съ большею охощою жершвуешъ способностями своими общеспву, щияя, что кругъ его дѣйспвій долженъ бышь обшириѣе; напрошивъ не-

имѣющіе равныхъ способностей самымъ чувствомъ недоспаивковъ своихъ убѣждающія служивъ частнымъ людямъ, дабы какъ нибудь удерживъ только званіе учителей. Но пусть иной по знатности, пріязни или богатству имѣлъ бы въ домѣ самаго искуснаго и превосходнаго учителя: неужели единообразность занятія чрезъ цѣлый день не упоминъ его? И можетъ ли въ самомъ учащемся бытъ столько неушомимо вниманіе, что бы оно ошъ непрерывнаго напряженія подобно взору не прищуплялось? При шомъ для иныхъ занятій нужно совершенное уединеніе. При зашверживаніи наизустъ, писаніи и сочиненіи не требуешся учительскаго пособія, и въ сихъ занятіяхъ присущіе поссторонняго дѣлаешъ помѣху. Не при каждомъ шакже чтеніи и не непрерывно нужны примѣръ и руководство, а иначе когда бы можно было прочиташъ столько сочиненій? Для назначенія занятія на цѣлой день не много времени требуешся, и преподаваемое одному можетъ опшосивъ къ большей части другихъ; а весьма многое, смотря по свойству предмета, должно предлагашъ однимъ голосомъ всѣмъ вообще. Я не у-

поминаю о разборѣ и чшеніи Рипорскомъ, что, не смотря на число учащихъ, производится шакъ, какъ бы для каждаго въ особенності. Изуспное училищельское преподаваніе ошь множествъ лицъ не можеть сдѣлаться недоспащнымъ, подобно пищѣ; но дѣйствуешь на каждаго какъ солнечный свѣшь съ одинакою пользою и силою. Равнымъ образомъ преподающій Грамматику, обучая произношенію словъ, изьясняя задачи, пересказывая исторіи и разбирая произведенія стихотворцевъ, дѣлаеть все сіе съ успѣхомъ для каждаго внимающаго.

Правда, что при множествѣ учащихся не можно поправлять погрѣшностей каждаго, и не всякому доспанеться чисташъ. Согласимся въ семь неудобствѣ (ибо что бываетъ со всѣхъ споронъ доспащнымъ?); но шупь же пропивиу-положимъ и самыя выгоды. Я не совѣшую оспавлять дѣшей гдѣ либо безъ надлежащаго надзора. Добрый наставникъ не обременить себя множествомъ, несо-размѣрнымъ его силамъ; а въ особенності надлежитъ приложитъ попеченіе о шомъ, чтобы онъ имѣлъ къ намъ совер-

шенно дружеское расположеніе, и въ наставленіи руководился не однимъ долгомъ, но и привязанностію. Тогда мужество совсѣмъ намъ не помѣшаетъ. Припомъ всякой сколько нибудь просвѣщенный наставникъ, замѣтивъ въ ребенкѣ отличную способностъ и умъ, обратишь на него для собственной чести своей особенное вниманіе. Впрочемъ хотя и надобно избѣгать многолюдныхъ училищныхъ заведеній (я не разумю и въ семъ отношеніи приобрѣвшихъ чѣмъ либо отличную довѣренностъ); но изъ того не слѣдуешь, что бы должно было уклоняться вовсе отъ училищъ. Имѣшь отвращеніе отъ училищъ и дѣлашь имъ разборъ—суть двѣ вещи различныя.

Разсмолрѣвъ прошивуполагаемая мнѣнія, предложимъ теперь собственное наше. Прежде всего будущій ораторъ, предназначаемый для многолюдныхъ собраній и отличнаго круга въ обществѣ, долженъ съ малолѣтства привыкать къ обращенію съ людьми, преодолевая въ себѣ робостъ, свойственную уединенной и, такъ сказать, заповорнической жизни. Надобно возбуждать и всегда поддерживать духъ, который, въ уединеніи сла-

бѣя, или заставляешь каждого скрываться во мракъ, или напрошивъ напыщаешь пустою увѣренностію. Не сравнивающій себя ни съ кѣмъ думаетъ, что онъ превосходитъ всякаго. Когда же надобно показать знанія, мнимый блескъ при свѣтѣ шускнешь и онъ, какъ приобрѣтшій для себя самаго свѣденія, нужныя для общества, обнаруживаетъ одностранности.

Я не говорю ни слова о дѣпскихъ связяхъ, копорыя, утвердившись нѣжнѣйшею привычкою, ненарушимо продолжаются до самой спаросши: ибо изъ всѣхъ дружескихъ союзовъ самый священнѣйшій есть попъ, въ копорый вступаемъ во время ученія.

Какъ можно приобрести самыя понятія, именуемыя общими, усстраняясь отъ сообщенія, копорое свойственно не только людямъ, но даже безсловеснымъ живошнымъ?

Прибавьше, что дѣпя можетъ замѣчать дома только то, что собственно ему, въ училищахъ же и то, что другимъ преподается. Каждой день будетъ слышать разныя разсужденія, разныя замѣчанія. Въ одномъ обнаружисья пошны-

дняя лѣнность, въ другомъ похвальное рвеніе. Похвала произведешъ въ немъ соревнованіе. Стыдно для него будетъ уступить равному, лестно превзойти лучшихъ. Все сіе воспламеняешъ души, и хотя честолюбіе само по себѣ порочно, однако часто бываетъ источникомъ добродѣтелей. Я помню, сколько для насъ полезенъ былъ обычай, введенный учителями нашими. Они, распредѣляя учениковъ на разряды, назначали очередь для чтеніе рѣчей, соображаясь съ способностями каждаго. Превосходившій успѣхами читалъ рѣчь свою прежде. Для сужденія о семъ соспавлялись собранія. Каждый изъ насъ употреблялъ все усиліе, чтобъ превзойти прочихъ. Получивъ же первое мѣсто въ разрядѣ почиталось самымъ большимъ отличіемъ. Степени опредѣлялись не на всегда; послѣ тридцати дней каждому вновь давалось право оспаривать оныя. Симъ способомъ и въ отличныхъ поддерживалась ревность, и побужденные находили случай загладишь постыдное для чести пятно. Я вѣрю, что успановленіе сіе, сколько теперь припомнишь могу, побуждало насъ къ успѣхамъ въ словесности болѣе учи-

пельскихъ напоминаній, надзора смоприпелей и самыхъ родипельскихъ увѣщаній.

Соревнованіе однако служить къ усовершенствованію только дѣйствительныхъ успѣховъ въ словесности. А для начинающихъ и неопытныхъ подражаніе поварищамъ и наставникамъ и пріятнѣе и легче. Опъ самыхъ начальныхъ основаній едва ли можно простирашь надежду до той степени, которая почищается вѣнцемъ краснорѣчія. Лучше достигать сперва ближайшей; такъ какъ виноградныя лозы, посаженныя при деревьяхъ, сперва вьются около нижнихъ вѣтвей, а потомъ восходяшь къ верхнимъ. Сіе столько достоверно, что самый наставникъ, имѣющій дѣло еще съ необразованными умами, предпочитая пользу пущому блеску, не обременяеть учащихся сверхъ возможности, но соразмѣряя силы свои съ ихъ слабостію, снисходишь къ ихъ понятию. Сосудцы съ самымъ узкимъ горлышкомъ не вдругъ наполняются жидкостями, но мало помалу, и иногда каплями: равнымъ образомъ должно поступать съ дѣтскими умами. Все то, что потребуешь усилія

разсудка, не входивъ въ умы мало причувшіеся къ размышленію. Слѣдовательно желающій превзойти нѣкогда другаго долженъ сперва ему подражать, а тамъ постепенно можетъ надѣяться и большаго усовершенствованія.

Скажу и то, что самые наставники при одномъ слушателѣ не могутъ имѣть той силы и огня въ словѣ, какими они одушевляюся въ многолюдномъ собраніи. Главнѣйшая часть краснорѣчія заключается въ духѣ. Одного должно распространять, другому живо представить изображенія вещей и какъ бы возвысить его до внушаемыхъ ему понятій. Для ума высокаго и отличнаго пребудуся и средства соразмѣрныя. Похвала возноситъ его выше себя самаго, трудности дають ему новую твердость и все необычайное производятъ въ немъ сильнѣйшіе порывы. Даръ краснорѣчія, приобретаемый многими трудами, спѣсняется при одномъ слушателѣ какимъ-то тайнымъ обращеніемъ. Спѣдно бываетъ опуститъ опъ обыкновенной рѣчи. Въ самомъ дѣлѣ, представте въ мысляхъ, будто кто нибудь передъ однимъ слушателемъ произноситъ рѣчь со всѣми дѣй-

спвіями орапорскими, голосомъ возвышеннымъ, съ видомъ и пономъ прогающими, съ внутреннимъ и наружнымъ движеніемъ спраспи, со всѣмъ усиліемъ и напряженіемъ духа и такъ далѣе: не показался ли бы такой человекъ похожимъ на сумасшедшаго? Краснорѣчіе не было бы искусствомъ, еслибъ мы говорили только другъ предъ другомъ.

А. Б.

Ш. К Р И Т И К А.

Избранныя мѣста изъ Русскихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ. Съ прибавленіемъ извѣстій о жизни и твореніяхъ писателей, которыхъ труды помѣщены въ семъ собраніи. Изданы Николаемъ Гречемъ, старшимъ учителемъ Рускаго языка въ Главноиъ Нѣмецкоиъ училищѣ Св. Петра, и гленомъ С. П. Бургскаго Общества Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ. Съ Эпиграфами:

Equidem beatos putō, quibus Deorum munere datum est aut facere scribenda, aut scribere legenda. C. Plin. Lib. VI. Ep. XVI.

Санктпетербургъ. Въ Типографіи Ф. Дрехслера. 1812.

Изданіемъ сей полезной книги Г. Гречъ оказалъ большую услугу училищамъ, которыя до сихъ поръ не имѣли еще никакого собранія лучшихъ нашихъ прозаиковъ. Но по моему мнѣнію книга Г. Греча была бы еще полезнѣе, если бы онъ

при составленіи ея имѣлъ другой планъ. Воишь правила, копорыя были ему предписаны:

„г. Избратъ мѣста изъ лучшихъ Россійскихъ сочиненій и переводовъ, для чшенія, перевода и разбора ихъ въ классахъ. Къ прудамъ знаменитѣйшихъ Россійскихъ авторовъ присовокупить сочиненія и переводы писателей вшорой степени, дабы учащися, сравнивая ихъ съ первыми, научались различать коршее и изрядное, опъ лучшаго и прекраснаго, и шѣмъ образовали свой вкусъ въ словесности (*). — Для облегченія въ преподаваніи исторіи Рускаго языка и Липшерашуры, помѣстить нѣкопорыя списашьи изъ древнихъ и старинныхъ Рускихъ книгъ и изъ сочиненій писателей, славившихся въ свое время (**).“

(*) За чѣмъ между прекрасными сочиненіями помѣщать посредшвенныя, копорыя здѣсь.

Ut gratas inter mensas symphonia discors,

Et crassum unguentum, et Sardo cum melle paraver,
Offendunt.

Horat. De arte poet.

Къ шомужъ Г. Гречъ не означиль, копорыя сочиненія принадлежатъ къ *трудоу знаменитѣйшихъ авторову*, и копорыя къ произведеніямъ *писателей второй степени*.

(**) Кажешся, это лишнее. Лучше бы было помѣстить обзоріе Россійской словесности, въ кошоромъ Г. Гречъ могъ бы говорить и о старинныхъ, забытыхъ уже нами, писателяхъ, не помѣщая ихъ произведеній между образцовыми.

„2. Наблюдашь, чшобъ каждая спашья, свержъ красоть въ отношеніи къ языку и краснорѣчію (*), заключала въ себѣ какія нибудь полезныя испицы, или имѣла нравоучительную цѣль, и чшобы въ сей книгѣ не было ничего пропивнога благоприспойности, двусмысленнаго или могущаго возбудишь въ юношахъ вредное любопытство.“

„3. Къ образцамъ писменнаго слога присовокупишь формы пѣхъ дѣловыхъ бумагъ, кошорыя необходимы для всякаго частнаго челоѡка (**).“

„4. Помѣспишь въ заключеніи краткія извѣстія о жизни и швореніяхъ писателей, кошорыхъ труды внесены въ сіе собраніе.“

Чшобы чшпашели Вѣспника имѣли ясное понятіе о книгѣ Г. Греча, назовемъ всѣ помѣщенныя въ ней піесы и замѣтимъ пѣ, кошорыхъ нельзя назвашъ даже *изрядными*.

(*) Можно ли пребовашъ, чшобы каждая спашья имѣла красоты въ отношеніи къ языку и краснорѣчію, когда выше сказано, чшобъ помѣщашъ сочиненія и такихъ писателей, кошорые славились въ свое время, ш. е. кошорые шеперь забышы и не могутъ служишь образцами для молодыхъ людей?

(**) Къ чему эпо? Не ужьли ашпешашы и росписки относятся къ сочиненіямъ лучшихъ нашихъ прозаиковъ?

Она соспоишь изъ шести главъ.

Въ первой главѣ заключающяся повѣствованія вымышленныя и украшенныя: — *Каллисвенъ*, повѣсть (Фонь—Визина^(*)); *Бесѣда Кадма съ Риласидомъ*, Хераскова; *Фролу — Силинъ*, Карамзина; *Вадимъ*, Жуковскаго; *Бедуинъ*, Бенишцакаго (**); *Кий и Дулебъ*, Нарѣжнаго (***) ; *Сраженіе Россіянъ съ Половцами* (изъ пѣсни о полку Игоревѣ съ переводомъ Шишкова); *Дервишъ въ глубокомыслии*, *Просвѣщеніе*, *Свистокъ*, переводъ Карамзина; *Великодушіе и благодарность*, Шишкова (****); *Бѣдный съ собакою* (изъ Мармоншелевыхъ повѣстей), Карамзина; *Осеннее утро* (Идиллія Геснера) Пнина; *Сраженіе при Лорѣ* (изъ Оссіана) Косипрова; *Кабудъ путешественникъ*, Жуковскаго; *Благоразумный теловѣкъ*, Карамзина.

(*) Повѣсть сія не можеть стояшь на ряду съ лучшими.

(**) Жаль, что Г. Гречъ, вмѣсто этой, не помѣстилъ другой прекрасной повѣсти Бенишцакаго: *великодушный*, которая напечатана въ Галии.

(***) Напрасно помѣщенъ сей опривокъ, писанный самымъ надупымъ слогомъ.

(****) Сей переводъ не можеть служить образцемъ хорошаго слога: въ немъ очень много ошибокъ противъ языка.

Глава вторая содержитъ повѣствованія и изображенія историческія: Призваніе Варяжскихъ Князей, изъ Нестора, съ переводомъ Языкова; Княженіе Олега, Ломоносова; Походы Великаго Князя Святослава, Елагина; О общемъ Рускія земли крещеніи при Великомъ Князѣ Владимірѣ, Плапона; Отрывки о древностяхъ Рускихъ, Болшина; О Московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича, Карамзина; Жизнь Ломоносова, Новикова (*); Правленіе Августа (изъ Тацитта) переводъ Румовскаго; Пирамиды (изъ Ролленевой исторіи) Тредіаковскаго; Битва при Иссъ (изъ Квинтіа-Курціа) Крашенинникова (**); Смерть Сократа (изъ Баршелеми) Карамзина; Человѣкъ по сотвореніи, или открытіе чувствъ (изъ Бюффона) переводъ Лепехина, Малиновскаго и Карамзина (***) ; Описаніе Аравійской пустыни (изъ Бюффона) Карамзина.

(*) Въмѣсто жизни Ломоносова, копорую Новиковъ написалъ не очень хорошо, лучше бы взялъ жизнь Богдановича, сочиненную Карамзинымъ.

(**) Тредіаковскій и Крашенинниковъ не могутъ слѣжить образцами.

(***) Не знаю, за чѣмъ Г. Гречъ напечаталъ всѣ при- Кажется довольно и одного перевода Карамзина: онъ несравненно лучше прочихъ.

Въ третьей главѣ помѣщены письма: Письмо Ломоносова къ И. И. Шувалову (*); Фонъ - Визина къ его пріятелю о планѣ Россійскаго словаря; три письма изъ писемъ Русскаго путешественника, Карамзина; четыре письма изъ путешествія въ полуденную Россію, Измайлова; одно письмо Екатерины къ Циллиерману, переводъ Карамзина; одно письмо изъ путешествія Дюпати, Маршъцова (**); четыре письма Морица изъ Италіи, Карамзина.

Попомъ слѣдуютъ: формы бумагъ, необходимыхъ для частнаго теловѣка (но совершенно лишніе въ сей книгѣ): апшесташы, росписки, вѣрющія письма и проч..., послѣ которыхъ нанечашаны образцы высшаго дипломатическаго слога: три Высочайшихъ рескрипта; Указъ Екатерины о прерваніи сообщенія со Франціею во время революціоннаго правленія; Манифестъ Императора Александра I. о возстановленіи Орденовъ Св. Георгія и Св. Владимира; Донесеніе Императору Павлу I Суворова изъ Швейцаріи.

(*) О смерти Рихмана. Г. Гречъ напрасно помѣспилъ оное въ числѣ хорошихъ писемъ: оно не споешь того.

(**) И взято не лучшее.

Четвертая глава заключаетъ въ себѣ разговоры:—О щастіи, Карамзина; Стародумъ и Правдинъ Фонъ-Визина; Разговоръ Александра Великаго съ Аннибаломъ (изъ Лукіана) переводъ Ломоносова; Даметъ и Дориса, Шишкова; Маркеллъ въ городѣ Нолъ (изъ Мейснера), Подшивалова.

Въ пятой главѣ помѣщены учебныя сочиненія: О любви къ отечеству и народной гордости, Карамзина; О пользѣ Физики, Ломоносова; Нравственныя размышленія, Сумарокова (*); Размышленіе о суетной жизни теловѣтской, Фонъ—Визина (**); О Богѣ (изъ Цицерона), переводъ Карамзина; О досугѣ (изъ Гарве) его же; О гестолобїи (изъ Вейса), Спруговщикова (***) ; О возбужденіи, утѣленіи и изображеніи страстей, соч. Ломоносова; Сокращеніе Славянскаго Баснословія, Писарева; Объ орудіяхъ чувствъ (изъ Леске) переводъ Озерецковскаго; Отлигительныя свойства

(*) О красотѣ природы, о большихъ бесѣдахъ, о гордости, о скорости и медленности. Ни по мыслямъ, ни по слогу, не могутъ они находиться въ числѣ хорошихъ сочиненій.

(**) Написанное на случай смерти Кн. Потемкина; весьма посредственное.

(***) Взято изъ книги: Основаніе или существенныя правила Нравственности, Полиптики и Философіи; соч. Вейса. Жаль, что Г. Гречъ не взялъ еще нѣкопрыхъ спашей изъ сей прекрасной книги.

разныхъ прозаическихъ сочиненій (изъ Эшенбурга); Отрывки о высоколѣ (изъ Лонгина) Марпынова; Критики:— на книгу, Кадлѣ и Гармонія, Карамзина; на Сочиненія Дмитріева, Макарова; Рассмотрѣніе рѣчи говоренной Георгіемъ Архіепископомъ Могилевскимъ, Шишкова (*).

Глава шестая заключаетъ въ себѣ рѣчи: 1.) духовныя: Привѣтственное слово Теофана на прибытіе Петра Великаго въ Кіевъ;— Слово при слугахъ совершаемыхъ молитвахъ надъ гробомъ Петра Великаго, Плафона (**); Рѣчь на прибытіе Екатерины II въ Мстиславль, Георгія Конисскаго; Слово, говоренное при погребеніи Бецакаго, Анастасія; Отрывки изъ Массильона, переводъ Яспребцова; Какъ должно размышлять о смерти (изъ Мозгейма), Каченовскаго; 2) свѣтскія: Отрывки изъ похвальнаго слова Елисаветѣ I, Ломоносова; Рѣчь, говоренная отъ лица Сената и народа Россійскаго Екатеринѣ II. по заключеніи мира съ Турками въ Яссахъ; Рѣчь о пользѣ просвѣщенія, Державина; Побѣды

(*) Въ этомъ рассмотрѣніи ничего нѣтъ, кромѣ восклицаній. Г. Гречъ могъ бы взять прекрасный разборъ похвальныхъ словъ Ломоносова, сдѣланный Каченовскимъ.

(**) Почему Г. Гречъ не помѣстилъ прекраснѣйшей Плапоновой рѣчи на возшествіе на престолъ Императора Александра I?

Екатерины, Карамзина (*); три рѣчи изъ Тита Ливія, переводъ Серязевскаго; двѣ рѣчи изъ Тацита, Карамзина; Похвальное слово Марку Аврелію (Томаса) перев. Фонъ - Визина.

Въ концѣ книги напечатано извѣстіе о жизни и твореніяхъ писателей, коихъ труды помѣщены въ семъ собраніи. Сіе извѣстіе весьма недостапочно. Изъ него можно узнатьъ только, когда родились нѣкоторыя наши писатели, и когда были производимы въ чины; лучше бы Г. Гречъ говорилъ правдѣ свое о ихъ слогѣ, дабы молодой человекъ, читая книгу его, зналъ кому изъ нихъ должно подражать и кого осперегаться. Какое ученику дѣло до чиновъ Карамзина и Жуковскаго? ему нужно знатьъ только то, что они лучшіе наши писатели, и что, подражая имъ, онъ самъ можешь со временемъ писать хорошо; а подражая толпѣ безграмотныхъ Славянофиловъ, будешь также смѣшонъ какъ и..... Но за чѣмъ договаривашь?

Болташь, друзья, неосторожно;
Другаго и обидѣшь можно,
А Боже упаси того!

И

(*) Изъ Историческаго похвальнаго слова Екатерины вшорой.

Басни и скаски Николая Невѣдомскаго, изданныя Д. Въ Санктпетербургѣ, въ Типографіи В. Плавильщикова, 1812.

Написашь басню пакъ, что бы съ удовольствіемъ можно было прочесть ее, не споль легко, какъ многіе воображаютъ. Сей родъ стихопвореній не пернишь посредственнаго: посредственная басня споль же несносна, какъ худая игра на скрипкѣ. Сколько у насъ было баснописцевъ, похожихъ на худыхъ скрипачей! Трѣдіаковскій, Барковъ, Леонщевъ, Майковъ и даже самъ Сумароковъ (*), не говоря уже о другихъ, упонувшихъ давно въ рѣкѣ забвенія, безъ милоспи уродовали бѣднаго Езопа, Фѣдра и Лафоншена. Кажется, никшо изъ сихъ нашихъ писателей не имѣлъ поняшя о помъ, какой слогъ и украшенія приличны баснѣ: нѣтъ у нихъ той любезной простоты и ошкро-

(*) Въ басняхъ Сумарокова встрѣчаются изрѣдка хорошіе стихи: но у него нѣтъ ни одной порядочно обработанной басни. Не смотря на это въ нынѣшнее время, когда мы имѣемъ Жемницева, Дмишріева и Крылова, нѣкопорые люди восхищаются прищцами Сумарокова и предпочитаютъ его Лафоншену, потому, что у Сумарокова *Ворей дуетъ, плюетъ, суетъ и въ носъ, и въ рыло, и въ бока.* — См. *Драматическій Вѣстникъ*, Часть V, стр. 85.

венности, копорья соспавляющъ главнѣйшее достоинство поэта баснописца; нѣшь пѣхъ нашуральныхъ красокъ и разительныхъ черпъ, копорья живо предспавляющъ воображенію описываемый предметъ; нѣшь пѣхъ щаспливыхъ стиховъ, копорые врѣзываются сами собою въ память читателей и спановятся пословицами; словомъ, нѣшь почти ничего, кромѣ обыкновенныхъ рифмъ, пуспословія, плоскихъ шупокъ, варварскаго языка, низкихъ и часпо нѣблагоприспойныхъ выражений. Можно утвердительно сказать, что на нашемъ языкѣ не было до Хемницера хорошихъ басенъ. Онъ весьма близко подошелъ къ Лафоншену своею опкровенностію и простотою разсказа; но онъ не былъ Поэтъ и не владѣлъ живопворною кистію Лафоншена. Дмипріевъ упопробилъ ее первый съ особеннымъ искусствомъ. Хопя картины имъ писанныя суть большею частію копія, но копія такія, изъ коихъ многія не уступаютъ ни въ чемъ оригиналамъ перваго мастера, а нѣкопорья даже и превосходятъ оныя. Послѣдователь его Крыловъ также съ большимъ успѣхомъ началъ украшать остроумныя

свои басни цвѣтами Поэзіи.

Симъ лучшимъ баснописцамъ нашимъ и прочимъ стихотворцамъ весьма *сильно* подражаетъ Г. Невѣдомскій. Я выпишу здѣсь, для сличенія, изъ его басень тѣ мѣста, въ которыхъ онъ близко подходитъ къ извѣстнымъ писателямъ. Напримѣръ:

„И дряхлой спаросью лишень послѣднихъ
силъ,
Любныхъ юношей и *дѣвъ* *младыхъ*, *прекрасныхъ*

Въ могилу проводиль!..“ (*)

(Басня IV, *Старикъ и Юноша*, стр. 6.)

Эпигнетъ *любныхъ* здѣсь не у мѣста; ибо рѣчь идетъ не о *любности*, но о *лѣтахъ* и *смерти*. — *дѣвъ* *младыхъ*, *прекрасныхъ*! Разумѣется, что прекрасная дѣвица должна быть молода; следовательно слово *младыхъ* совершенно лишнее. Припомъ въ баснѣ также нельзя сказать *младыхъ* *дѣвъ*, какъ написанъ въ *одѣ* *молдыхъ* *дѣвушки*.

„И можешь быть, что я—какъ знашь?
 На спароси глубокой, хилой,

(*) Ахъ! въ спароси моей прекраснѣйшихъ дѣвиць
 И крѣпкихъ юношей я провожалъ въ могилу.

(Крыловъ въ баснѣ: *Старикъ и црое*
молдыхъ.)

Приду въ часъ упренній *смотрѣть изъ нѣдра*
водѣ

Свѣшила дневнаго восходѣ

Надѣ свѣжею швоей могилой!!—“ (*)

(памь же.)

Смотрѣть изъ нѣдра водѣ свѣтила дневнаго восходѣ — шемно. По расположенію словъ выходить здѣсь шаконъ смысль, что спарикъ, кошорый эшо говорить, кошѣль, стоя въ водѣ, смотрѣть на восхождение солнца, а не шо, что солнце должно было показаться изъ нѣдра водѣ. —

„Быть сильнымъ хорошо: согласенъ;

Но добрымъ быть, *мильи* спо разъ!—“ (**)

(Басня XI, *Борей и Зефирѣ*, стр. 17.)

Хорошо въ уравнишельной степени имѣеть *лучше*, а не *милье*; да и безъ шого слово *милой* было бы здѣсь не у мѣста.

„На дикомъ берегу сѣдаго Океана,

Какъ кедръ на высокохѣ Ливана,

Въ *могугей* красотѣ дубъ гордый *процвѣталѣ*;

(*) Ахъ ! можетъ быть и шо, что вашъ безумецъ хилой

Заспанеть мѣсяца восходѣ

Надѣ вашей розами усыпанной могилой.

(Дмитріевъ въ баснѣ шого же содержания.)

(**) Быть сильнымъ хорошо, быть умнымъ лучше вдвое.“

(Крыловъ въ баснѣ: Левъ и Человѣкъ.)

Спихій и времени надмѣнный повѣлитель,
Споэль какъ будто бы Аплантъ — Небодержишель.“ (*)

(Басня XV, Дубъ, спр. 24)

Могутими называли у насъ въ спарину однихъ только богатырей; а *могучей красоты* и слыхомъ не слыхано. Можешь бышь, Сочинишель разумѣешь подь симъ *мужественную красоту*. — Дубъ ни когда не процвѣтаетъ и не повелѣваетъ спихіями, но прошивишься имъ, или сражаешься съ ними; приличнѣе его назвашь побѣдишелемъ, какъ Воспоковъ сказалъ о камнѣ.

„У дуба корни запрещали —

И онъ упаль —

Упаль!!! — “ (**)

(шамъ же спр. 26)

Какъ масперски окончена у Дмитриева однимъ словомъ *упалъ* прекрасная его басня! Г. Невѣдомскій сіе же самое слово повпориль и все испорчилъ. По

(**) Среди шумящихъ волнъ сѣдаго Океана

Спихій надмѣнный побѣдишель

Сей камень какъ Аплантъ споишь небодержишель.

(Востоковъ въ Дивирамбѣ: Тлѣнноспъ.)

(*) И пошь, на коего съ прудомъ взирали очи,
Кто ада и небесъ едва не досягалъ...

Упаль.

(Дмитриевъ въ баснѣ: Дубъ и Тросъ.)

крайней мѣрѣ спасибо ему за то, что
онъ пославилъ здѣсь при удивитель-
ныхъ знака.

„Любимцы щаспія! смиришесь—вамъ урокъ!—

Не таколь пошупаешь съ вами,

Ожесточенной рокъ!—“ (*)

(Басня XXIV, *Водопадъ*, стр. 43.)

„Открылся судъ его—въ судѣ дѣла пошли —

И что же сдѣлалось?—Маршѣшки и Ослы—

Лисицъ съ ума свели.—“ (**)

(Басня XXVII, *Левъ учредившій судъ*, стр. 48)

„Ихъ смертной поцѣлуй, споль сладокъ,
спрасень былъ,

„Какъ въ первые часы, когда ихъ обвѣн-
чали.“ (***)

(Басня XXVIII, *Щастливое супружество*
стр. 50 и 51.)

„Я голоденъ и слабъ, о милая овца!

Нѣшь пищи у меня—ахъ! дай въ займы сѣнца,

Хотя клочечикъ небольшой,

(*) Вельможи гордые! здѣсь вамъ урокъ.

Вы сильны, но и васъ сильнѣе люшій рокъ.

(*Остолоповъ* въ баснѣ: *Фіалка* и *Подсолнечникъ*.)

(**) Дѣла совсѣмъ другимъ порядкомъ пошекли:

Ослы Слоновъ съ ума свели!

(*Хелницеръ* въ баснѣ: *Левъ учредившій*
Совѣсть.)

(***) Послѣдній поцѣлуй, когда ужъ умирали,

Такъ спрасень былъ, какъ пошь, когда ихъ об-
вѣнчали.

(*Хелницеръ* въ баснѣ: *Щастливое Супружество*.)

Я съ лихвою ошдамъ, въ помъ волкъ порука
 мой.“ (*)
 (Басня XXXIV, *Олень и Овца*, спр. 59.)

Изъ сихъ выписокъ можно видѣшь, что такое подражаніе не спoiло Г. Невѣдомскому большаго пруда. Желатель-но, чшобы никто изъ молодыхъ нашихъ писателей не слѣдовалъ его примѣру.

Не должно также слѣдовать нѣко-торымъ его ложнымъ нравоученіямъ и дурнымъ совѣщамъ. Въ баснѣ: *Роза и Тюльпанъ* онъ говоритъ:

„Красавицы! вамъ здѣсь урокъ!—ахъ! не гор-
 дитесь,
 Какъ милой юноша со вздохомъ и слезой
 Вамъ скажетъ искренно: люблю со всей ду-
 шой.

Красавицы! въ его объятія спремилесь...“
 (спр. 15.)

И въ другой подъ заглавіемъ: *Мушкетъ и Филинъ*:

„О вы! которымъ Богъ
 Умъ здравый даровалъ, не пращайте словъ
 напрасныхъ;
 Не думайте того, чшобъ разумъ вашъ воз-
 могъ
 Наспавишь, научишь людей слѣпыхъ, несчаст-
 ныхъ.“ (спр. 10.)

(*) Въ займы себѣ просилъ олень сѣнца:

Пожалуй, говорилъ, сударыня овца;

Суди меня и дай мнѣ сѣна два при пука,

А я ошдамъ тебѣ, въ помъ волкъ тебѣ порука.

(Сцмароковъ въ баснѣ: *Олень и Овца*.)

Худо, очень худо будетъ, если красавицы, при первомъ объявленіи имъ любви, спанупъ бросаешь ко всѣмъ молодымъ юношамъ на шею, а люди одаренные здравымъ умомъ не сдѣлаюпъ изъ него самаго лучшаго употребленія. Въ баснѣ Пушкина: *Филинъ и Мудрецъ*, которой довольно близко подражалъ Г. Невѣдомскій, сказано иначе. Тамъ Филинъ говоритъ мудрецу, избавившему его отъ галокъ и воробьевъ:

„Къ согласью и любви хотѣлъ ихъ обращашь
И правду говорилъ, но говорилъ напрасно:
Моя вина вся въ помъ, что ночью вижу ясно.“

Нравоученіе сей басни видно само собою; оно состоипъ въ слѣдующихъ словахъ: *опасно говорить неприятную истину злымъ невѣждамъ*. Это весьма справедливо. Но думаешь, что бы совершенно умный человекъ не могъ насшавишь и научишь людей, пропивно здравому разсудку и обидно для человечества. Мы видимъ на опытѣ, что крошкими средствами дѣлаюпъ иногда изъ самыхъ злыхъ преступниковъ добрыхъ и полезныхъ гражданъ.

Надобно замѣпишь еще, что Г. Невѣдомскій, заимспвуя у извѣстныхъ фабу-

лишновъ содержанія для своихъ басенъ, дѣлалъ въ нихъ весьма дурныя перемѣны. На примѣръ, басня его: *Левъ учредившій судъ*, такого же поочно содержанія, какъ и Хемницера *Левъ учредившій Совѣтъ*. У Хемницера Левъ, не могши набрашь къ себѣ въ Совѣтъ полного числа Слоновъ, добавляетъ ихъ Ослами — проповоложность самая разительная; ибо Слонь почитается умнѣйшимъ, а Осель глупѣйшимъ животнымъ. Г. Невѣдомскій вздумалъ перемѣнить дѣйствующія лица и перемѣнилъ весьма неудачно. Послушаемъ, какъ говоритъ онъ:

„Какой-то *судъ* Царь *Левъ* изволилъ учредитишь,
 За *красной* столь *лисицъ* задумавъ посадишь,
 Еще прибавилъ къ нимъ почтенными судьями,
 На мѣсто *тигровъ* и *волковъ*,
 Маршешекъ и ословъ;

Не знаю что за складъ!“ и проч. (спр. 47)

Подлинно, что за складъ! Хороши были бы судьи и *тигры* съ *волками*!

Дмишривъ и Крыловъ перевели Лафоншену басню: *Старикъ и трое молодыхъ*, не сдѣлавъ въ планѣ ея никакой перемѣны. Но Г. Невѣдомскому вздумалось изъ трехъ молодыхъ людей убавишь

двоихъ. Спрашивается, хорошо ли онъ это сдѣлалъ? Можешь бышь, онъ скажешь въ свое оправданіе, что у Лапшинскаго Баснописца Абстемія, отъ котораго Лафоншенъ занялъ содержаніе для своей басни, смѣлся надъ старикомъ и умираешь одинъ юноша, а не шрое. Однако всякой чувствуешь, что преждевременная смерть проихъ молодыхъ людей производишь въ насъ весьма сильное впечатлѣніе, и что оно становится несравненно слабѣе, когда старикъ, вмѣсто проихъ, переживаетъ только одного. (*)

Нельзя умолчать и о томъ, что въ басняхъ Г. Невѣдомскаго не соблюдены главнѣйшія правила стихосложенія. Безпрестанно попадаетъ у него сряду нѣсколько женскихъ, а особливо мужескихъ стиховъ; на примѣръ:

„Орѣхъ себѣ нашла
И въ ротъ его скорѣй,
Но онъ былъ не по ней,
Такъ скушать не могла
И наконецъ его“ и проч. (спр. 4)

(*) То же самое говоришь объ эптомъ просвѣщенный Издапель Лафоншеновыхъ басень Г. Гильонъ. Вотъ его слова: *On sent, combien trois jeunes gens, au lieu d'un seul, opposés au vieillard, qui leur survit à tous, multiplient l'intérêt.* — *La Fontaine et tous les fabulistes par Mr Guillon, tome II, page 336.*

„Которые сплетяся широкими вѣпьями,
Склонились надъ волнами,
Гарунъ, Визирь Могола“ и проч. (стр. 27)

Встрѣчающся даже и семиспопные
спихи :

„Что бь въ препенъ всѣхъ привестъ, доволь-
но взора одного.“ (стр. 53)

„Паспужь дуракъ! вчерась своими видѣль я
глазами.“ (стр. 37.)

Сии послѣднія ошибки произошли, можетъ быть, не отъ самаго Сочинителя, а отъ переписчиковъ, или наборщиковъ. Г. Д..., издавшій въ свѣтъ басни Г. Невѣдомскаго, оказалъ ему весьма дурную услугу. Я не видалъ еще ни одной книги, въ которой бы такъ много было опечатокъ.

Чтобы читатели наши могли судить сами о слогѣ Г. Невѣдомскаго, я выпишу двѣ басни. Вошь, по моему мнѣнію, самая лучшая со стороны опдѣлки:

Мальчикъ и Змѣя.

„Смотри какъ хороша собою!“ —
Такъ мальчикъ говорилъ, увидѣвъ подъ правую
Лежащую змѣю— „и какъ песпра она,

„Черна, красна.

„Ужъ ешь чѣмъ поиграшь! — тоббъ съ нею
я разстался?“

Онъ долго на змѣю смотрѣлъ и любовался
 И наконецъ хотѣлъ поймать.
 Змѣя шипишь, пускаешь ядъ
 И жалишь бѣдняка — мальчишка весь въ
 слезахъ
 Со крикомъ прочь бѣжишь: „ахъ! ахъ! какая
 злая!

„Негодная, дурная!
 „И видь ея одинъ меня приеодишь въ страхъ!—
 (спр. 18.)

Вошь другая подлиннѣе и гораздо по-
 хуже.

Мужъ и Жена.

Была жена,
 Прямая сапана;
 Супругъ былъ глунъ, и шакъ она
 Не только имъ повелѣвала
 И каждой день ему рога ковала,
 (Дивисься нечѣму! когда супругъ дуракъ,
 То испари ведется шакъ!—)
 Но даже и бивала
 Рукою сильной по щекамъ,
 А иногда подъ часъ и палкой по плечамъ. —
 Съ примѣрной швердосшью супругъ сносилъ,
 молчалъ,
 Лишь только иногда ошъ боли въздыхалъ —
 Но время ешъ шерфню! —
 Такъ наконецъ и онъ успалъ
 И день и ночь сносишь удары, огорченьи.
 Однажды какъ она его

Побила по щекамъ *среди гнѣва* своего,
 За моську можешь бышь, — за что нибудь
 другое,
 Иль онъ ей помѣшалъ къ несчастью своему,

Когда она ему

Готовила рога — но вѣрно за пустое? —
 Отъ боли охая и съ битою спиною
 Одумался супругъ и разсуждалъ съ собою:
 Да долголь мнѣ терпѣшь! что развѣ я ду-
 ракъ? —
 Вѣдь мужъ глава женѣ, и всякой скажешь
 такъ! —

Нѣшь! полно ей шумишь со мною! —

Ей! ей! кто шамъ? подай дубину мнѣ скорѣй,
 Развѣдаюсь я съ ней! —

Извольте, вошь она. — И сильною рукою
 Дубину полстую берешь,

На брань противъ жены идетъ —

Постой, голубушка! теперь то я съ побою!

Весь долгъ свой заплачу:—да гдѣ она?—

Подай ее сюда, прибью и изувѣчу!—

Услышавъ грозной крикъ коварная жена,
 Взяла большую плѣшь, идетъ ему на вспрѣчу.—
 Что вздумалъ ты? вошь я!... и плѣшию
 грозить. —

Ай, ай! супругъ кричитъ

И въ сѣни поскорѣй съ дубиною бѣжитъ:

Кто шамъ! кто шамъ! спасите!

Отъ плѣши защитите —

И спрясался въ чуланъ пустой. —

Супруга въ слѣдъ за нимъ—могущею рукою

Махаешь плѣшию большою —

Не думая и въ немъ найти себѣ спасенья,
Нашъ новой Геркулесъ прокрался и ушолъ—
А чѣшобъ избавишься опѣ тяжкаго мученья

Онъ спряшался, куда жъ?—подѣ сполѣ!
Прижался къ уголку—меня здѣсь не найдетъ
Прокляшая жена, шакъ говорилъ съ собою—

И ежели придетъ,

Не спрушу я и самъ съ дубиною большою.

Она какъ шупь—и съ плѣшю припомѣ,
И чшо же? бѣдняка *цзрѣла* подѣ споломѣ:

А! а! куда залѣзь—подика пы сюда —

Теперь не шакъ прибью, голубчикъ мой! по-
болѣ!

И бѣдненькой супругъ былъ долженъ по не-
волѣ

Ошшуда вылѣзашъ — шенерь пришла бѣда!

Трепещетъ предѣ женой — бросаетъ прочѣ
дубину

И подспавляетъ ей съ покорносшю спину.—

Какъ! какъ пы смѣль? —

Не вась, сударыня, я Федьку бишь хошѣлъ.

(спр. 60, 61 и 62.)

И.

П Р И Б А В Л Е Н І Е.

I.

Выпуска изъ книги: Brief remarks on the character and composition of the Russian army &c. (*).

Почти всѣ иностранныя сочиненія, въ коихъ описываются нравы и обычаи Россійскаго народа, столько наполнены неправдами и клеветами, что нельзя ихъ читать безъ душевнаго огорченія. Иностранцы, кажется, стоворились разсѣвать и вкоренять дурное мнѣніе о нашемъ опечесствѣ. Но сколь велико должно быть въ истинномъ Россіянинѣ негодованіе при чтеніи шаковыхъ злословій, сиюль напрошивъ того пріятно ему находить въ самыхъ же иностранцахъ людей приверженныхъ къ правдѣ и возражающихъ прошиву неосновательныхъ писаній о Россіи. — Таково было въ насъ чувствованіе, когда мы разсматривали полезное сочиненіе подъ названіемъ: *Краткія замѣтанія о свойствахъ и составѣ Русской арміи* и проч: (**)

(*) Доспавлена отъ Г. Почетнаго Члена Общества Его Превосходительства Алексѣя Николаевича Оленина.

(**) Въ 1810 году, во время разрыва нашего съ Англіею, издана въ Лондонѣ книга извѣстнымъ въ Руской ар-

Сочинишель, исполненный любви къ справедливости, необинулся въщашь истинну и обличашь нелѣпности выдуманнаго прошиву нашего отечества. — Онъ, выхваляя добрыя качества Русскихъ, не оставилъ однакожь безъ должнаго замѣчанія нѣкоторыя ихъ недоспапки. Мы ласкаемъ себя надѣждою, что Публика

мнѣ и достойнымъ всякаго уваженія Англинскимъ Офицеромъ Серъ-Робертъ Вильсономъ подѣ слѣдующимъ наименованіемъ :

Brief remarks on the character and composition of the Russian army, and a sketch of the campaigns in Poland in the years 1806 and 1807. — By Sir Robert Wilson, aide de Camp to the King, knight of the military order of Maria Theresa &c. &c. &c. London 1810. то есть :

Краткія прилѣжанія о свойствахъ и составѣ Россійскаго войска и описаніе войны бывшей въ Польшѣ въ 1806 и 1807 мѣ годахъ, издана въ Лондонѣ 1810 года.

Одинъ томъ въ четвертку, содержащій въ себѣ 276 печатныхъ страницъ, карпу военныхъ дѣйствій и 7 плановъ башалій.

Сіе сочиненіе содержитъ въ себѣ :

1. Крашкое посвященіе отъ Авшора Герцогу Торскому.
2. Предисловіе.
3. Краткія замѣчанія о свойствахъ и составѣ Россійскаго войска, раздѣленныя на слѣдующіе предметы:

Вспупленіе.

О легкой пѣхотѣ.

О Императорской Гвардіи.

О Руской конницѣ.

Объ Артиллеріи.

О Козакѣхъ.

О Башкирахъ.

Объ Офицерахъ.

О Рускомъ Генералѣ - Штабѣ.

удоспойшь своего вниманія предлагаемыя здѣсь выписки изъ сей книги — и можеть бытъ, что сіе возбудишь охоту въ людяхъ, имѣющихъ способность и досугъ, все сіе твореніе переложить на Руской языкъ и доставить соопчичамъ нашимъ удовольствіе видѣть, что естъ правдивые писатели, копорые, въ изображеніе приспрасія и клеветы самыхъ своихъ единокотцовъ, чистосердечно свидѣтельствуютъ истинну о Россійскомъ народѣ.

О Коммисаріатѣ.

О Гошпиалахъ.

Общія замѣчанія.

За симъ слѣдуетъ второе отдѣленіе сей книги, а именно:

Описаніе войны бывшей въ 1806 и 1807 годахъ между Руской и Французской арміями въ Польшѣ. — Къ сему описанію приобщено прибавленіе, содержащее официальные докуменшы о произшествіяхъ сей войны, какъ по:

Французскіе докуменшы или Бюлетени Французской арміи.

Россійскіе докуменшы.

Рапорты Главнокомандующаго и проч.

Прусскіе докуменшы.

Разныя бумагы къ сему предмету относящіяся — и наконецъ описаніе Пулпускаго и проч. сраженій.

Предисловіе Автора.

Разсмапривая изданное на Фрэнцузскомъ языкѣ экстраофициальное описаніе войны бывшей въ 1806 и 1807 годахъ и недавно вышедшую въ Англии книгу о нравахъ, обычаяхъ и обрядахъ Рускихъ, съ разборомъ сего сочиненія, я наполнился негодованіемъ прошиву сихъ писателей, и дабы защитить отъ нихъ сей храбрый народъ, не смотря на то, что дружественныя сношенія Рускаго и Англинскаго Правительствъ перерваны, я рѣшился обнаружить здѣсь ложь и злонамѣренныя увеличенія общаго нашего непріятеля, прошивуоставая имъ вѣрное описаніе происшествій, по коему бы историкъ нѣкогда въ состояніи былъ разобрать истинну отъ клеветы.

Выгоды Россіи и Англіи сопряжены неразрывно. Но и въ самое то время, какъ мы сожалѣемъ о перемѣнѣ, послѣдовавшей въ политической системѣ вопреки *сему правилу*, неблагоприятно опчуждаемъ отъ себя дружбу великаго народа разказами, наполненными по крайней мѣрѣ грубостію, а особливо когда войска его приобрѣли сполько правъ на

благодарность къ нимъ и удивленіе— войска, съ такимъ безкорыстіемъ пролившія кровь свою для защиты общаго дѣла и выгодъ.

Таковыя причины побудили меня къ сему предпріятію и я надѣюсь, что многіе благомыслящіе люди возмутъ мою сторону и дадутъ возпоржествовать истиннѣ.

Лордъ Гупченсонъ безъ сомнѣнія есть свидѣтель, заслуживающій всякое довѣріе. — Хотя о семъ сочиненіи я съ нимъ не сносился, но надѣюсь, что онъ не опречетса подтвердить все сказанное мною вообще о Россіи и особенно о храбрости, поведеніи и достоинствахъ Россійской арміи; онъ равномерно опдаеть справедливое чувствованіемъ чести, пламенной любви къ Отечеству и гражданскимъ добродѣтелямъ, составляющимъ опличительное свойство Рускихъ; онъ конечно вмѣстѣ со мною пожалеть о томъ, что завистники силящся унизишь достоинство сего народа, коего нравственные и физическія способности споль быспро усовершенствовались; но всего болѣе пожалеть о томъ, что человекъ, впрочемъ достоинный по великимъ его

дарованіямъ и припомъ знаменипый писатель, изъ одного уваженія къ обстоятельству спвамъ времени, споль невыгодно и опврапительнo описаль общія качества Рускаго народа.

На замѣчаніе сего Сочинителя, будпо „госпепрїимспво и обходительность Рускихъ ничпо иное, какъ чванспво,“ Лордъ Гупченсонъ, равно какъ и всякой благородномыслящій Англичанинъ, копорый бываль въ Россїи, скажутъ, что это еспь сущее злословіе, само себѣ пропкворѣвающее: Точно шаковъ же и слѣдующій упрекъ: „Во время прежняго разрыва, когда знакомспво съ Англичанами подвержено было большой опасности, хопя дворяне въ Москвѣ и принимали ихъ ласково въ своихъ домахъ, не смопряна весь спрахъ, и даже запирали ворота, скривая опъ Полиціи шаковое госпепрїимспво; но какъ все сіе происходило изъ одного тщеславія и дабы выказать свою пыщность, що кажется и нѣшь нужды присоветкуплять, что въ шакомъ госпепрїимспвѣ не видно ни прямаго человѣколюбія, ни благородспва чувствованій.“

Кто не скажеть, что люди подвер-

гающіе себя столь великимъ опасностямъ, единственно для того, чтобы помогать изгнанникамъ, достойны большей пощадѣ и уваженія; да и какое можно предполагать тщеславіе и желаніе выказывать свою пышность въ такихъ поступкахъ, которые по существу своему не дозволяли никакой огласки.

Англинскій купецъ, корабельщики, мапросы, будутъ ревностно защищать Россіянъ отъ сихъ грубыхъ упрековъ и подтверждать, что во время высылки Англичанъ въ Сибирь въ прошедшія неблагопріятныя обществельства, какъ высшаго, такъ и низшаго сословія людямъ, богатымъ и бѣднымъ безъ разбору, особливо въ Москвѣ, была оказываема самая безкорыстная, благородная и челоуколюбивая помощь, не смотря, что такое великодушное изъявленіе дружбы подвергало Рускихъ большой опвѣщественности. Всѣ находящіеся въ Англинскихъ конторахъ не только подтверждаютъ сіе, но еще къ тому прибавяють, что самыя искреннія услуги, безкорыстныя въ дѣлахъ сдѣлки и честное наблюденіе доброй вѣры даже до сего времени продолжаютъ уменьшать зло, производящее отъ поли-

ническихъ обстоятельствъ.

„Таковы-то сіи варвары,, ибо шаки-ми они предспавлены къ несчастію по ложному объ нихъ понятію нѣкоторыхъ писателей, въпрочемъ искусныхъ, коихъ мнѣніе въ обществѣхъ принимается за законъ. „Столько-то низокъ и строптивъ нравъ сего народа,“ котораго поспановленія и заведенія пошъ же писательъ порицаетъ съ равнымъ негодованіемъ.

„Городъ населенный (говорить онъ) и образованный посреди Сибири, за 1500 миль отъ Петербурга, есть столько же уродливое и трезвестественное явленіе, какъ и основатель онаго. Не уже ли Всемогущій Творецъ создалъ какую либо часть земнаго шара, которую просвѣщеннымъ людямъ возбранено воздѣлывать? Развѣ намѣреніе разпротранить просвѣщеніе за 1500 миль отъ Петербурга есть преспупленіе противное природѣ, и какъ бы насильспвенное вшорженіе въ предѣлы, назначенные для жизни дикихъ? Не уже ли Россійскіе Садодержицы заслужили порицаніе за то, что дозволили обрабашывать непроходимыя степи и сдѣлали ихъ пріятными для шѣхъ, копорымъ опредѣлено жить на

нихъ? Развѣ Петра Великаго должно почи-
ташь врагомъ рода человѣческаго за то,
что онъ выбралъ берега прекраснѣйшей
рѣки въ свѣтѣ и морскую приспань мѣ-
сположеніемъ одной изъ великолѣп-
ныхъ еѳо споліць, кошорая ежегодно
возраспая въ величїи и важности, разли-
ваешъ обилїе и возбуждаешъ промышлен-
ность во всѣхъ предѣлахъ проспраннѣй-
шаго Государства?

Самыя дѣла Правительства ясно дока-
зываютъ, какъ оно далеко отъ того,
чтобъ налагать новыя цѣны рабства; но
что на противъ, оно всѣми мѣрами спа-
раешся разпространить благоразумную
свободу. (*)

(*) Съ чувствомъ и съ правилами со всѣмъ противны-
ми *продавцу невольниковъ* я утверждаю, что самое
большое несчастіе, могущее постигнуть Россїю,
было бы внезапное и общее изшребленіе крѣпост-
наго права; никакое предпрїятїе не могло бы возро-
дить равныхъ бѣдспвій и споль великаго негодова-
нїя. Чтобы сдѣлалось съ больными, хворыми и пре-
спарѣлыми, еслибъ они вдругъ лишились прокорм-
ленїя? (**). Чтобы сдѣлалось даже съ здоровымъ, ко-
шорый, не имѣя никакой собственности; нигдѣ въ
скоромъ времени не нашелъ бы мѣста для своего
промысла? *Защитники революци* не спрашиваютъ
всѣхъ сихъ затрудненїй; но человекъ Государствен-
ный, добрый гражданинъ, разспатривая оныя, уваживъ
последствїя, прежде нежелд приметъ всѣ сіи умсп-
вованїя. Отъ многихъ знашныхъ особъ въ Россїи мо-
жно удосповѣришьсѣ, сколько людей опущенныхъ
на волю и пришедшихъ въ спарость просящъ убѣ-
жища у ихъ прежнихъ помѣщиковъ.

(**) *Приштъ: Переводъ:* Прокормленїя, кошорое имъ нынѣ
обязаны давать помѣщики.

Еслибъ нужно было еще доказывать крошосць Россійскаго правительсва, то я привелъ бы въ примѣръ повѣденіе завоеванныхъ обласей. Въ несчастное для Россіи время, когда неприятельская военная сила приближалась къ ея границамъ и когда предспавлялся многочислинному завоеванному народу удобный случай къ возмущенію, онъ конечно бы имъ воспользовался, еслибъ подданство Россіи было для него опягопительно. Но гдѣ являлись возмущители? Гдѣ измѣнники содѣйствовали нападающему неприятелю? Гдѣ оказался хоть малѣйшій признакъ неудовольствія? Лифляндцы, Финляндцы, Курляндцы, Поляки, Ташары и проч. покорены силою оружія; но однакожь они непокомо ничего не умѣшляли въ прошивность Россійской власпи, но даже не обнаруживали никакого желанія къ улучшенію ихъ соспоянія. Такъ ли бы вели себя народы, копорые были бы жертвами несказанной жестокоспи, безпрестаннаго поруганія и обидъ, „которыхъ при-
 „бъжищель была бы смерть, и пристани-
 „щель гробъ“?

*Краткое прилѣжаніе о свойствахъ и
составѣ Россійской Арміи.*

Пѣхопа вообще соспавлена изъ лю-
дей аплешическаго (самаго крѣпкаго)
сложенія опъ 18 до 40 лѣтъ, одаренныхъ
великою силою, но роспомъ вообще не
высокихъ; видъ ихъ и спроеіе шѣла со-
вершенно воинскія; они привычны ко
всѣмъ перемѣнамъ погоды и нуждамъ, къ
самой худой и скудной пищѣ, къ похо-
дамъ днемъ и ночью, къ шруднымъ рабо-
памъ и шягосшямъ; свирѣпы, но покор-
ливы; упорно храбры, но удобно возбуж-
дающся къ славнымъ подвигамъ, преданы
своему Государю, начальникамъ и опече-
спву; — набожны, но непомрачены суе-
вѣріемъ; шерпѣливы и сговорчивы; они
соединяющъ всю силу характера необра-
зованнаго народа, со всѣми преимуще-
спвами просвѣщеннаго.

Недоспашки, приписываемые Россій-
скому войску, супъ шокмо послѣдспвія
несовершенной военной системы, а не
личной неспособности воіновъ. Сила
ихъ шребуешъ шолько направленія, а
храброщъ опыша.

Природа одарила ихъ самыми лучшими существенными способностями къ военнымъ дѣйствіямъ. Для устройства сего войска не нуженъ творческій геній, но нуженъ порядокъ въ управленіи и искусство въ начальствѣ.

Штыкъ есть истинное оружіе Русскихъ. Одни Англичане могутъ спорить съ ними о исключительномъ правѣ на сіе оружіе; но поелику Рускій солдатъ выбирается изъ большаго числа народа съ великимъ вниманіемъ къ его штыковымъ качествамъ, по и полки ихъ должны имѣть гораздо большее превосходство.

Храбрость Рускихъ въ полѣ безпримѣрна. Но движенія ихъ войска, не соответствующія рускимъ правиламъ войны и тактикѣ Суворова, даютъ предприимчивому и даже слабѣйшему непріятелю всѣ выгоды, производяція отъ разстройства свойственнаго имъ военного порядка; самое трудное дѣло для человѣческаго ума (въ 1807 году) состояло въ томъ, чтобы управлять Рускими во время ошупленія.

Когда Генераль Беннигсенъ, стараясь избѣгнуть нападенія непріятеля, реши-

ровался ошь Янкова во время темныхъ ночей Польской зимы, шо не смопря на превосходство Французскихъ силъ, проспиравшихся до 90 тысячъ человекъ, негодование Рускихъ солдатъ было споль дерзко, пребываніе сраженія споль сильно и неоспупно и начавшійся ошь того безпорядокъ сдѣлался споль великъ, что Генераль Беннигсень принужденъ былъ обѣщать исполнишь ихъ пребываніе...

Рускій, приученный съ самыхъ молодыхъ лѣтъ считаешь Рускихъ за народъ первый въ свѣтѣ, почищаетъ самага себя Членомъ необходимо нужнымъ въ составѣ непреоборимаго Государства. Суворовъ зналъ сей образъ мыслей и, пользуясь онымъ, достигалъ съ самыми малыми способами блистательнѣйшихъ успѣховъ; и хопя онъ менѣе дорожилъ человѣческою кровью, чѣмъ его предшественники, но солдатами былъ любимъ, какъ отецъ; и народная гордость, равно и личное къ нему удивленіе споль много его возвеличили, что Суворовъ по нынѣ признается божествомъ присушествующимъ при ихъ сраженіяхъ. Извѣстный составъ его Арміи, малозначущее число

солдашь ея, внутреннiя препяшспвiя всегда ему встрѣчавшiяся, въ самомъ дѣлѣ возвышая достоинство подвиговъ его, дають ему все право на имя первѣйшаго военачальника, какой когда либо сущеспивоваль въ свѣпѣ.

Руской солдашь вообще чрезвычайно наблюдаеть повиновенiе и привязань къ своему Офицеру; а Офицеръ обходится съ нимъ весьма ласково и не шакъ, какъ съ машиною, но какъ съ разумнымъ сущеспивомъ, котораго привязанность онъ долженъ приобрѣшашъ. Наказанiя у Рускихъ не сполько часты и не шакъ жестоки, какъ въ Армiяхъ другихъ народовъ. Рускiе имѣли случай удивляться какъ образу, шакъ и частому употребленiю наказанiй въ войскахъ ихъ союзниковъ.

Руской солдашь, хотя родился въ рабствѣ, но духъ его не униженъ, и даже въ присущствiи Государя, коему повинуется, какъ Самодержцу, онъ всегда сохраняетъ достоинство человека и воина.

Объ Офицерахъ.

Рускіе Офицеры весьма ласковы къ солдатамъ, и съ веселымъ духомъ раздѣляютъ съ ними всякую нужду. Весьма желательнo, чшобъ и въ другихъ войскахъ Офицеры сему подражали. Они пользуются удовольствіями жизни, если въспрѣчаютъ ихъ, но не ропщутъ, если ихъ лишены. Съ удивленіемъ иностранцы должны взирать на то ихъ равнодушіе къ покою, нѣгѣ и даже къ необходимымъ нуждамъ въ общежитіи, съ каковымъ самыя Бояре, приобыкшіе къ роскоши въ Споллицахъ, владѣльцы огромныхъ домовъ и доходовъ равныхъ царскимъ, выдерживаютъ трудности самыхъ тяжелыхъ походовъ.

Храбрость ихъ достойна Рускаго воина. Въ душѣ ихъ всегда горитъ любовь къ отечеству и непреодолимое желаніе славы, безпрестанно побуждающія ихъ къ подвигамъ и къ заслугѣ опличій.

Самая искренняя дружба, самое доброхотное хлѣбосольство соединяетъ Офицеровъ и составляетъ изъ нихъ нѣкопорый родъ братства. Ихъ безкорыстіе такъ велико, что собственность каж-

даго почипаешся собственностію всѣхъ его приятелей и даже каждаго иностранца. Какъ богатый пирь, пакъ и насущный хлѣбъ раздѣляютъ они равно между звананаго и незвананаго гостя. Обычаи Москвы и Пешербурга сохраняются и въ спанѣ, и духъ щедраго хлѣбосольства не измѣняешся ни скудостію средствъ, ни шягостію обстоятельствъ. (*)

Высоко цѣнятъ свою землю свойственно рускому Офицеру, какъ и солдапу. Онъ досадуешъ, если на счетъ одной дѣлаешся какое либо замѣчаніе или рассказываетя происшествіе, кошорое по его мнѣнію уменьшаешъ достоинство его опечесства. (**)

(*) Когда накрытъ столъ, по всякому добро пожаловать. — Ихъ почтеніе къ правиламъ гостепріимства пакъ велико, что высшіе воинскіе чины и самыя почтеннѣйшіе особы, пришедши поздно къ столу, никогда не пошерпятъ, чтобы Иностранецъ оставилъ для нихъ свое мѣсто.

(**) Нѣкогда Англинскій Офицеръ, удивляясь выраженію Рускаго Генерала, воскликнулъ въ воспоргѣ, что чувствво его естъ Римское. А что пакос Римское чувствво спросилъ Генераль? Но поелику онъ былъ человекъ весьма хорошо воспитанный, по Англичанинъ не могъ предполагать, чтобы онъ не понималъ силы сего выраженія, однакожъ съ замѣшательствомъ началъ было полковашъ оное. Нѣтъ, любезный другъ, прервалъ Генераль его полкованіе, я знаю силу швоего уподобленія, но для чего намъ въ примѣръ приводишь Римъ и недовольствовашся Россією, сказавъ просшо, что это Руское чувствво. Въ

Высшіе воинскіе чиновники щедры, благосклонны, ласковы, честны въ ихъ поведеніи и весьма опкровенны; хорошо и скоро говорятъ многими языками, а особливо пофранцузски; но они не довольны тѣмъ, что сей послѣдній языкъ часно упопреляютъ въ походѣ и даже при дворѣ. Когда одинъ Англичанинъ смѣялся надъ нѣкоторыми ошибками своего шоварица, говорившаго пофранцузски: то Графъ Осперманъ защищалъ его въ большемъ обществѣ, которое было одного съ нимъ мнѣнія, замѣчая, что для каждаго народа похвальнѣе знатъ иностранной языкъ только до того, что бы умѣлъ объясняться на немъ, или говоришь имъ обыкновенныя учтивости; но гораздо предосудительнѣе говоришь имъ чисно единственна для того, что бы смѣяться надъ незнающими всѣхъ опличительныхъ свойствъ чужаго языка; и что ему, какъ Россіянину спыдно и

любви къ Отечеству мы не уступаемъ ни древнимъ, ни новѣйшимъ народамъ и лучше поймемъ тебя, естли ты скажешь, что сіе чувство доспойно Рускаго народа, ибо такое чувствованіе намъ природно и съ нами неразлучно; оно неподражаніе. Многимъ бы людямъ рѣчь сія была неприлична. Но въ устахъ Графа Оспермана она была истиннымъ изображеніемъ его характера и поведенія.

досадно видѣшь, что пеперь французской языкъ сполько уважается, что его скоро предпочитайшь будушь даже и природному языку.

Вредная привычка къ картежной игрѣ весьма усилилась. Въ самомъ дѣлѣ карпы соспавляютъ обыкновенное занятіе праздныхъ часовъ. Изъ знапныхъ людей не многіе получившіе лучшее воспитаніе, проводяшь свое время въ полезнѣйшихъ занятіяхъ; большая же часть губяшь его въ сей бесполезной игрѣ.

Рускіе офицеры будучи великодушны по природѣ, щедры по обыкновенію военныхъ людей, кажешся, не сполько пекутся о приобретеніи имѣнія, сколько охотно проживаютъ его съ другими. Довольные наспоющимъ, и не заботясь о будущемъ, они бывають распочительны, но добрыя ихъ качества не раздѣльны съ ихъ характеромъ; просупки ихъ не суть закоренѣлыя навыки: они исправляющся и совершенно изпребляющся ошъ времени. Порокъ пьянства ихъ непосрамляешъ. (*) Когда у нихъ естъ

(*) *Примѣч: Перевод.* Здѣсь можно замѣшшь, что изъ Европейскихъ народовъ одни сполько Рускіе въ презвомъ соспоаніи идушь неустрашимо на смершнй бой прошивъ многочисленнаго непріятели, слѣдуя въ помъ корейной Руской пословицѣ: „Смѣлымъ Богъ владѣешъ, а пьянымъ хоршъ шапаетъ.“

деньги, они бывають веселы за споломъ и любяць угощать другихъ; но у нихъ нѣтъ Бакусовыхъ пиршесствъ, гдѣ до-споинства и челоѣчество забывающся и приводящся въ уничиженіе.

Руской офицеръ, хошя и часто дѣлаешъ самыя большія движенія, однакожъ склоненъ предавашся нѣгѣ въ то время, когда онъ не занялъ должностію, любящъ опдыхашъ послѣ обѣда, не охошникъ ходитъ, или ѣдитъ верьхомъ. Онъ обыкновенно ѣдитъ въ экипажѣ, даже и при переходѣ изъ одной квартиры въ другую; многочисленность шаковыхъ повозокъ въ Руской арміи естъ одно изъ важныхъ препятствій въ ея движеніяхъ, сверьхъ сего она весьма много уменьшаешъ и дѣйствительную силу полковъ, состоящихъ подь ружьемъ.

Между нынѣшними Рускими офицерами нѣтъ недоспапка въ людяхъ способныхъ; много естъ также превосходныхъ Бригадныхъ и Дивизионныхъ Генераловъ, но непрерывнаго потомства Суворовыхъ ожидашь нельзя. (*)

(*) Недоспапокъ въ истинно великихъ Полководцахъ естъ всеобщій. Самъ Наполеонъ, однажды цѣня нынѣшнихъ своихъ Фельдмаршаловъ, называлъ инаго изъ нихъ *прагкою*, другаго *пустылю болтушкою* и

О Козакахъ.

Воинскія достоинства козаковъ также опличительны какъ и всего Рускаго народа, но наследственный навыкъ къ войнѣ, а можешь бышь и врожденное дарованіе къ оной умножаешь и изощряешь ихъ понятія и способности. По печенію звѣздъ, по направленію вѣтровъ, посредствомъ соображенія самыхъ остроумныхъ наблюдений, козакъ проходишь чрезъ незнакомыя ему земли и чрезъ непроходимыя лѣса достигаешь своего назначенія, преслѣдуя непріятеля съ такою же точностію и упорствомъ, какъ гончій песь преслѣдуешь зайца. Ничто не можешь избѣжать его дѣятельности, сокрыться отъ его прониканія и обманушь его бдительность. Неумолимый гнѣвъ начальства и вѣчное безчестіе навлекаешь на себя козакъ, копорый небрежностію своею содѣйствовалъ успѣху непріятеля.—Вооруженный копьемъ, пистолетомъ и саблею, козакъ никогда не боится соперника въ единоборствѣ;

проч. и проч. замѣшивъ, что если онъ умретъ прежде ихъ, то такое описаніе его найдутъ совершенно справедливымъ, и что Европа удивится шому, съ какими малыми способностями были помощники его

а въ послѣднюю войну нападеніе козаковъ на всякую конницу даже въ чистомъ полѣ было непреодолимо. Спрахъ предшествовалъ ихъ *натиску*. (*) Напрасно военное искусство спарается пропивупоставитъ направленнымъ ихъ копьямъ какую либо преграду.

Изъ Французскихъ солдатъ одни кирасиры надѣялись еще нѣсколько на себя и показывали видъ, что они презирающъ силу и искусство козаковъ; однакожь въ Прейсишъ — Эйлаускомъ сраженіи, когда Французскіе кирасиры, сдѣлавъ опчаянное нападеніе на центръ Руской арміи, проскакали чрезъ интервалъ, въ то время козаки поспѣшь опрокинувъ ихъ, ударили въ дрошники, (**) сбили съ лошадей и вдругъ на полѣ сраженія явилось 530 козаковъ, одѣвшихъ въ доспѣхи убитыхъ непріятелей. Но козаки не думали надѣваться на себя желѣзныя ихъ лапы въ будущихъ сраженіяхъ; они знали, что мужественнымъ воинамъ не нужны желѣзныя кольчуги. Козаки носили ихъ только въ шопъ день, чшобъ доспѣхи сіи

(*) *Прилифт*. переводъ: Сіе слово употреблялъ великій нашъ Суворовъ на мѣсто иностраннаго слова *атака*.

(**) Козаки шакъ называютъ свои пики или копья.

сдѣлашь шѣмъ болѣе драгоцѣнными для шѣхъ, къ коимъ они назначили ихъ послать на Донъ и Волгу, гдѣ сіи непріятельскія вооруженія нынѣ храняшся, яко памятники ихъ мужества и славные трофеи ихъ народа.

Хоть козаки въ нѣкоторыхъ случаяхъ разбивали своимъ натискомъ регулярную конницу; не должно однакожь думать, чѣмъ они назначены были вообще дѣйствовать въ строю. Козаки сражаются въ разсыпную, и если они когда соберутся ударишь на непріятеля соединенными силами: по сіе нападеніе дѣлается безъ систематическаго порядка, а только толпою; но и въ семъ случаѣ оно производится не иначе, какъ по приказанію шѣхъ изъ ихъ офицеровъ, которые всего лучше знаютъ ихъ духъ и силы, или же оно должно быть, какъ сіе часто случается, дѣйствіемъ добровольнаго побужденія, которое мгновенно воспламеняетъ къ бою весь корпусъ и обнаруживается крикомъ гораздо слышнѣйшимъ и ужаснѣйшимъ, нежели вопль дикихъ ратниковъ Канады.

Умѣя ловко владѣшь лошадыю, которую управляють одной уздечкою, они

могушь на всемъ скаку изворачиваешь во все стороны въ самыхъ непроходимыхъ и шрудныхъ мѣстоположеніяхъ.

Генераль Плашовъ передь Гейльсбергомъ во время отступленія Наполеонова чрезъ рѣку Пасаргу съ однимъ своимъ полкомъ ударилъ на непріятеля въ сосновомъ лѣсу, (гдѣ Французскіе спрѣлки цѣлой день дрались съ 4000 человекъ Руской пѣхоты) опрокинулъ его въ одну минушу и рѣшилъ сраженіе.

Кто не видалъ, какъ дѣйствуютъ козаки, шопъ можеть быть по одному предразсудку не повѣришь, сколько они превосходны въ конныхъ напскахъ или ашакахъ.—И какое въ самомъ дѣлѣ войско вооруженное саблями, можеть успоаять прошивъ удара копыя, кошорое, вспрѣчая непріятеля съ лишкомъ зашесть фушовъ передь лошадиною головою и будучи укрѣплено весьма пвердо, пускаешся въ него со всемъ спремленіемъ резваго коня? Козакъ вооружаешся пикою не передь шѣмъ самымъ временемъ, когда онъ идешь на войну, или когда доспигаешъ уже совершенныхъ лѣпъ: нѣшь! онъ играешъ ею въ ребячествѣ и не выпускаешъ ее изъ своихъ рукъ въ моло-

дыхъ лѣпахъ: такимъ образомъ онъ владѣеть пикою, имѣющею опъ 14 до 18 фушовъ длины, съ шакою же ловкостію и свободностію, какъ лучшій воинъ въ Европѣ дѣйствуетъ саблею или пашемъ. Въ рукахъ, не сполько пріученныхъ къ сему оружію, оно было бы совершенно бесполезнымъ; но подъ управленіемъ споль сильного и ловкаго всадника становится ни чемъ непобѣдимымъ, кромѣ огнеспрѣльныхъ орудій, и дерзкій неприязель, опромешчиво опваживающійся на неравной бой, обыкновенно погибаетъ или вспрѣчаетъ постыдный для себя опышь.

Руская регулярная конница переходила вплавъ Двину и Вислу также какъ и козаки; но никакая конница въ свѣтѣ не можеть, подобно имъ, продолжашъ предписаннаго ей движенія непрерывно день и ночь, переходя горы, переплывая рѣки и пробѣгая равнины: такимъ образомъ судя по силѣ, свойствамъ и навыку козаковъ, нѣтъ конницы споль полезной и спрашной, если ими управляють надлѣжащимъ образомъ. Десять тысячъ такихъ воиновъ прошивустануть во всякомъ сраженіи превосходнѣйшему чи-

слу непріяшеля и въ продолженіи кампаніи всегда одолѣвать будущъ своихъ прошивниковъ чрезъ усерднѣйшее исполненіе должности и чрезъ неушомимыя воинскія движенія.

Козаковъ и ихъ лошадей, по крѣпости сложенія, можно назвасть желѣзными; никакой прудъ, никакая погода, никакая неудача не оспанавливають ихъ дѣятельности, ниже ослабляютъ ихъ службы.

Между проспыми козаками часпо встрѣчаются люди рыцарскаго духа и исполненные чувства чести: многіе изъ нихъ могли бы бысть украшеніемъ даже рыцарскаго вѣка и были бы достойны памяти въ попомспвѣ по ихъ знаменитымъ подвигамъ вѣрности и мужества.

Когда одинъ Англинской офицеръ смотрѣлъ въ зрительную трубу на опшупленіе Маршала Нея изъ Гушшпаца; по непріяшель, завидя его киверь и шелескопъ, навель на него пушку: первое ядро попало въ грязь близъ ногъ лошади и шолько забрызгало ее и офицера; второй выспрѣлъ былъ сполько же мѣшокъ. Тушь провожавшій сего офицера козакъ

крискакаль къ нему съ сердипымъ лицомъ, и указывая на его киверь, просиль его надѣль вмѣспо кивера козачью его шапку; но когда офицеръ на эшо не согласился, шо козакъ хотѣль сорвать съ его головы киверь и вмѣспо его насильно надѣль свою шапку. Во время сего спора ружейные выстрѣлы непріяшеля испугали лошадей и они разѣхались въ разныя спороны. Послѣ того, когда Ашаманъ съ пришворнымъ гнѣвомъ выговариваль козаку за его неучпивосшь; шо козакъ на сей выговоръ опвѣчалъ: „я видѣль, какъ непріяшель наводиль пушку на Английскаго офицера, примѣшивъ его по киверу и перу;—вы приказали мнѣ беречь его,—я зналь, что нашей брашны козаковъ у васъ много, а чужихъ полько одинъ человекъ; ипакъ я подумаль опвесипи опъ него бѣду на свою голову, дабы послѣ вамъ и всѣмъ козакамъ нашимъ не шужипшь, что госпнь погибъ въ нашей службѣ,,.

О Д А.

*На слугай настоющей войны съ Фран-
цузами. (*)*

Россія! дщерь небесъ избранна,
Героевъ и побѣды машь,
Одна изъ царствъ земныхъ воззванна
Чтобъ дерзость сопосшашъ карашъ;
Еще ли гнѣвъ швой не пылаешъ
Когда коварный врагъ дерзаешъ
Какъ наглый въ ярости Тишанъ.
Всщупашъ съ огнемъ въ швои границы,
И въ нихъ подобно алчной львицы
На грудь бросаешь Россіянь?

*

Тебѣль богинѣ полусвѣща
Сѣдящей на семи моряхъ,
Копорую споль многи лѣща
Зрѣль міра Беллоной на войнахъ,
Тебѣль шерцѣшь чщобъ безъ препоны,
Досщоинство швоей короны
Смѣль унижашъ надменный Галль?
Гордынѣль рогъ шы не спирала,
И злобуль въ адъ не прогоняла?
Противъ себя кшо усшояль?

(*) Сія и предыдущая піеса досщавлены Обществу въ
шо время, когда печашаніе 7 й книжки Вѣспника уже
оканчивалось; пошому и помѣщены онѣ въ прибавленіи.

Разгни времянь прошедшихъ книги,
 Гдѣ перстомъ истинны свяшой
 Начерпаны дѣла велики
 Произведенныя побой;—
 Вездѣ геройство, мудрость, сила,
 Черезъ кои жребій царствъ рѣшила
 И судъ шворила ты царямъ:
 Изчисли сѣчи всѣ кровавы,
 Не сполькожь памянниковъ славы
 Исторія воздвигла намъ?

*

Еще ты на рукахъ у Кіа
 Играла въ дѣпскихъ пеленахъ,
 Уже орлы швои младыя
 Носили въ древни грады страхъ;
 Трясли спѣнами Константина,
 Свирѣпство чернаго Евксина
 Не страшнo было для Славянъ;
 Въ пучинахъ имъ казались мѣли,
 Лишь у швоей бы колыбели
 Разсыпашъ дани чуждыхъ странъ.

*

Гдѣ дикіе орды Могола
 Чпо хищною дерзаль рукой,
 Касались швоего престола
 И осквѣрняшь въ ней скипетръ швой?
 Возри на тѣ поля пространны,
 Гдѣ вѣиценосны ЮАННЫ,
 Въ бугры смешавши ихъ какъ соръ,
 По всѣмъ распутьямъ раскидали,
 Чшобъ мимошедшіе кивали
 Главой на вѣчный ихъ позоръ.

Не всяль вселѣнна шрепешала
 Какъ на шебя Сармашы шли,
 И прахъ швой видѣшь ожидала
 Разсыпанъ по лицу земли,
 Уже на дщерь швою любезну,
 Тяжелу палицу желѣзну
 Липовскій Голіафъ взмахнулъ—
 Но чшо его гигантска сила?
 Твоя рука его сломила———
 Одинъ въ дали раздался гулъ.

*

Въ предвѣчномъ Богъ судиль совѣшѣ,
 Какъ царшвы міра Онъ швориль,
 Чшобъ ПЕТРЪ. швой Геній, въ цѣломъ свѣшѣ,
 Твое величешво явилъ;
 Облекъ шебя въ одежды новы,
 Враговъ швоихъ разрушилъ ковы,
 Невежешво прогналъ во тьму: ——
 И Чшобъ онъ могъ шебя прославиль,
 Подъ солнцемъ выше всѣхъ поспавиль,
 Своей далъ силы часъ ему.

*

Во гнѣвѣ духъ его жестокомъ
 Мятешся въ вѣчності шеперь;
 Съ смершельнымъ борешся онъ рокомъ,
 Небесъ разшоргнушь хочешъ дверь,
 Чшобъ снова на земли явишься,
 Какъ съ Шведомъ, съ Галломъ шакъ сразишься,
 И раздавивъ его пяшой,
 Взлешѣшь на небо въ блескѣ славы,
 Возставя чешъ швоей державы
 Чшо хочешъ врагъ похишишь злой.

Но се уже свои Алкиды
 Во лвы Немеиски облеклись;
 Горя опмспись свои обиды,
 Громовой шучей собрались — —
 Текушь на новаго Мамай,
 Ему шужь казнь угоповляя
 Какую древній испышалъ,
 Какъ въ жершву Роскаго покоя
 Донскаго опъ руки героя
 На полъ бранносномъ палъ.

*

Ужъ быспраго пипомецъ Дона
 Неуспрашимый твоей Полканъ,
 Не зная въ свѣшъ что препона,
 Приводишь въ ужасъ вражій спанъ:
 Лѣса, шопь, рѣки и спремнины,
 Ему все гладкія равнины,
 Ему мракъ ночи шопъ же свѣщъ;
 Вездѣ и всякою порою,
 Злодѣевъ гонишь предъ собою
 Иль въ узахъ за собой ведешь.

*

Не Марсаль Випгенштейнъ во бронѣ,
 Побѣды на крылахъ лепишь
 Къ твоей Пешрвполь оборонѣ? —
 Въ крови ужъ мечъ его и щипъ;
 Враговъ онъ силы презирая,
 Въ ихъ легіоны ударяя
 Рядами ихъ полки кладешъ;
 Въ паденьи ихъ земля шрясешся,
 Ихъ кровь смѣшавшись съ желчью льешся
 И на ряду съ Двиной шечешъ. — — —

О славы лучь ЕКАТЕРИНЫ.

Хранишель Геній нашихъ дней!
 Кого рѣшишелемъ судьбины
 Господь избралъ Европы всей,
 Кушуровъ! — предъ лицемъ вселенны,
 Яви, что мечъ швой изощренный
 На ребрахъ сопосцѣшь крупныхъ,
 Есть мечъ царей земныхъ опмисшитель
 И правъ народныхъ охранитель
 Ошъ замысловъ и козней злыхъ.

*

Освобожденные народы
 И ихъ спасенные цари,
 Тебѣ воздвигнушь въ родъ и роды
 Въ своихъ предѣлахъ олшари. — —
 Да будетъ общая ошрада
 Твоихъ великихъ дѣлъ награда;
 Въкъ АЛЕКСАНДРА . . . . , честь швоя,
 Хвала . . . . Опечество, — шрофеи . . . . .
 Лишенны силъ вредить злодѣи,
 А монументъ . . . . Европа вся.

Графъ Сергѣй Салтыковъ.

САНКТПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

АВГУСТЪ 1812. № 8.

І. СЛОВЕСНОСТЬ.

Рѣчь Аннибала къ его воинамъ.

(Изъ Ливія кн. XXI. гл. 42, 43 и 44.)

Аннибаль находилъ нужнымъ сперва ободрить воиновъ примѣромъ, а потомъ словами. Съ симъ намѣреніемъ учредилъ онъ позорище, для котораго войско со-
сшавило круговую цѣпь. На срединѣ по-
спавлены были захваченные на горахъ
плѣнные съ поверженнымъ у ногъ Галь-
скимъ оружіемъ. Аннибаль повелѣлъ чрезъ
переводчика вызывать изъ нихъ охотни-
ковъ на единоборство мечемъ другъ про-
шивъ друга, съ цѣмъ что побѣдивель
будеть свободенъ отъ оковъ и получитъ
въ даръ оружіе и коня. Когда всѣ до од-
ного пошребовали мечей для такой бип-
вы; то положено рѣшишь дѣло жребіемъ.

Каждый плѣнный умолялъ судьбу, чшобы она избрала его для сего единоборства. Показанные жребіемъ получали ошъ поварищей поздравленія, и съ живостію и восхищеніемъ прыгая по своему обычаю, схватывали оружіе. Всѣ ихъ сшибки сопровождались со стороны поварищей и самихъ зрителей одинакимъ чувствомъ удивленія къ падшимъ смертію славною и къ самимъ побѣдителямъ. Послѣ сихъ поединковъ, кой воспламенили воиновъ, позорище прекращено, и Аннибаль, какъ сказывающъ, вскорѣ попомъ говорилъ передъ войнами слѣдующую рѣчь:

Воины! Если вы съ пою же рѣшимостію, которую недавно предпочитали въ чужой крайности, пойдете сами пушемъ рока своего: побѣда наша! видѣнное вами позорище изображаетъ ваше собственное положеніе. И я не знаю, кому пригоповиль рокъ крѣпчайшія оковы и большія опасности, вамъ или плѣнникамъ вашимъ? Съ шой и съ другой стороны преградою вамъ море, гдѣ для спасенія вашего нѣтъ у васъ ни корабля. Передъ вами рѣка Падъ, гораздо большая и стремительнѣйшая самой Роны. За вами гордыя Альпы, едва успунившія силамъ

вашимъ, неупомненнымъ и бодрости совершенной. Воины! Здѣсь при первой сшибкѣ съ непріятелемъ, должно побѣдись или умереть. Здѣсь судьба приводящая васъ на битву, предоспавляетъ вамъ за побѣду награды, какихъ больше человекъ не возможно пожелать оупь безсмертныхъ Боговъ. Когдабы мужество наше способствовало намъ возвратись токмо Сицилію и Сардинію, у нашихъ опцовъ захваченныхъ: по и сіе соспавилобъ для насъ не малый выигрышь; но вамъ будеть принадлежать все: побѣды Римлянъ, ихъ приобрѣшенія, сокровища—сами Римляне. Воздаяніе чрезвычайное! Спупайте же и съ помощію Боговъ несите оружіе. Гонясь за звѣрями на пуспыхъ горахъ Лузипанскихъ и Цельпиберскихъ, не имѣли вы доселѣ награды за толь многіе шруды шягоспные и опасности преодолѣнныя. Пора воспользоваться изобильными и самими лучшими плодами, пора познать важную цѣну подвиговъ, понесенныхъ вами въ походахъ чрезъ толь многія горы и рѣки и сквозь шьмы медей непріятельскихъ. Здѣсь судьба даровала конецъ шрудамъ вашимъ; здѣсь за подвиги ваши даруетъ вамъ награду доспой-

ную. Не думайте, что побѣда будетъ для насъ споль же прудна, сколь громко имя наспоющей войны. Нерѣдко и слабый непріятель проливаешь рѣки крови, напрошивъ великіе народы и цари побѣждающся въ нѣсколько минушь. Римляне, кромѣ имени славнаго, что имѣють пакое, чѣмъ бы равнялись съ вами? Я почишаю за излишнее говоришь, о двадцатилѣтнихъ вашихъ пригошвленіяхъ къ войнѣ сей, о вашемъ мужеспвѣ и пособіяхъ, кои вы имѣете. Вы опъ сполповъ Алкидовыхъ, опъ самага океана и края земли, проникли сюда съ побѣдами надъ шоль многими и сильными народами Испаніи и Галліи. Будете имѣть дѣло съ войскомъ неопышнымъ, разбишымъ, уже побѣжденнымъ опъ васъ и держаннымъ въ осадѣ опъ Галловъ, съ войскомъ не приобрѣшшимъ довѣренности вождя своего и не имѣющимъ оной къ самому вождю. Сравню ли пакже и себя; я, пакъ сказашь, рожденный и взросшій въ спавкѣ родишеля моего, величайшаго изъ полководцевъ, я усмиришель Испаніи и Галліи, покоришель народовъ Альпійскихъ, и, что гораздо болѣе, самихъ Альпъ — сравню ли себя съ вождемъ полугодовымъ, бѣжав-

шимъ опъ воинства своего, съ вождемъ, копорый, если бы предспавиль ему вмѣспѣ Карѣагенянь и Римлянъ безъ знамень, смѣло ушверждаю, не зналъ бы, чьимъ почишашъ себя Консуломъ, пѣхъ или другихъ? Воины! Выгода важная на моей споронѣ, что я въ войнѣ имѣлъ случаи поль часпо опличашъ въ виду вашемъ, что будучи поварищемъ и свидѣтелемъ вашего мужества, могу воспоминашъ съ вами дни и мѣспа подвиговъ своихъ. Я, вашъ ученикъ въ дѣлѣ военномъ, вашъ вождь, опъ копораго тысячекрашно слышали вы похвалы, тысячекрашно принимали награды, вспуню въ сраженіе съ войскомъ и вождемъ безъ взаимныя между собою пріязни, безъ взаимныя довѣренности. — Куда ни обращаюсь, все ободряешъ меня, все увѣряешъ, что силы наши превосходны: пѣхоня заслуженная, всадники знашнѣйшихъ народовъ ополченныя и не ополченныя, вы союзники вѣрнѣйшіе и храбрѣйшіе, вы Карѣагеняне, защитники Оптечества и карашели злобы. Перенесши пламень войны въ Италию и означивъ слѣды свои опустошеніемъ, пѣмъ съ большею опважноспію и мужествомъ будемъ сражапъся, чѣмъ большія надеж-

ды, большую смѣлость приносятъ нападающіе, нежели защищающіеся. Притомъ намъ нельзя забыть злости, ненависти, коварства Римлянъ собственно противъ насъ. Они для наказанія сперва пребывали меня, попомъ и васъ всѣхъ, бывшихъ при осадѣ Сагунта. Преданные не миновали бы мы лютейшихъ казней. Народъ, властолюбивый и гордый! Онъ всѣмъ по своей волѣ думаетъ распоряжатъ. Почтиаетъ своимъ правомъ вмѣшиваться вездѣ и въ наши войны и въ наши союзы. Предписываетъ черту нашихъ владѣній и опредѣляетъ ее горами и рѣками, съ тѣмъ чтобы мы далѣе не смѣли подвигаться. Проведенную черту опять отмѣняетъ. Ему угодно, чтобы мы не переступали за Ибрь; не имѣли бы дѣла до Сагунтанъ, а Сагунтъ не за Ибромъ; нигдѣ не сдѣлали бы ни шагу впередъ. Не доволенъ захвативши древнѣйшія области наши Сицилію и Сардинію. Ему нужны Испанскія. Уступимъ сіи: тогда захочетъ перешагнуть въ Африку. Говорю захочетъ? Уже и посланы оба нынѣшніе Консулы, одинъ въ Африку, другой въ Испанію. Намъ уже не оспалось ничего. Наше одно то, что получимъ оружіе-

емь. Кто не все потерялъ, кто надеется, не вступивъ въ пуши битвы, опасней и претяжсшвъ, укрыться на своихъ поляхъ, въ своей родинѣ, тому еще можно быть робкимъ и слабымъ; но вы непременно должны быть мужами крѣпкими и не имѣя въ виду для себя совершенно ничего, кромѣ побѣды и смерти, или побѣдишь, или, если шакъ велѣла судьба, пасшь на полѣ битвы, а не въ послѣдномъ бѣгсшвъ. Когда швердо и рѣшительно положено вами въ душахъ шакое намѣреніе, еще скажу: побѣда наша! Безсмертные Боги никого не великъ ней шоль непременною дорогою.

Б.

Рѣчь Фабія Максима къ Емилию.

(Изъ Ливія.)

Когда бы поварищъ швой подобень былъ тебѣ, Емилиѣ (чего я желалъ бы всего болѣе), или шы поварищу своему; тогда бы слова мои были бесполезны. Бывши оба достойные Консулы, вы и безъ меня, изъ одного усердія къ Республикѣ, сдѣлали бы для ней все полезное. Напрошивъ если бы сана сего не заслуживали оба, не захопѣли бы ни внимашъ, ни слѣдовашъ совѣшамъ моимъ. Нынѣ же зная и поварища швоего, и швой достоинства, къ одному тебѣ обращаю всю рѣчь мою. Къ чему послужашъ въ тебѣ дарованія отличнаго Полководца, когда Республика относительнао другаго Консула не можешъ похвалиться ничѣмъ хорошимъ? При каждомъ благонамѣренномъ дѣлѣ швоемъ встрѣшишь прѣпятство съ его стороны съ правомъ и власшю равными швоимъ. Такъ, Емилиѣ, тебѣ предстоитъ не сомнѣнная и не меньшая борьба съ поварищемъ швоимъ, какъ и съ самымъ Аннибаломъ; и я не знаю, кто изъ нихъ бу-

дешь непріязненнѣе для себя, врагъ сей, или прошивникъ оный? Съ первымъ будешь имѣть дѣло шокмо во время сраженія; со вторымъ на всякомъ мѣспѣ и каждый часъ. Противу Аннибала и его легионовъ спанушь вмѣспѣ съ побою и конные и пѣшіе рапники швои; Теренцій посшавишь противу себя собспвенное швое войско. Да не сбудешия предсказаніе мое и да погибнешь самая памянь шого, что случилось съ Фламиніемъ! И шощь однако, будучи уже Консуломъ въ провинціи ему ввѣренной, принявъ начальство надъ войскомъ, впалъ въ свое безразсудство; сей же безумствоваль такимъ образомъ до объявленія шребованій своихъ на Консульство, во время самыхъ шребованій шѣхъ; какъ безумствуешь нынѣ будучи Консуломъ, но еще не выдавъ ни лагеря, ни непріятеля. Проповѣдуя въ нѣдрахъ мирныхъ семействъ крамолы, брани и ополченія, уименся ли онъ ошъ шого при видѣ вооруженнаго воинства и на полѣ рапномъ. гдѣ за словами слѣдуешь шощчасъ исполненіе? Когда же, какъ говоритъ онъ, шощчасъ приступишь къ сраженію: шо, или я не знаю вовсе ни военнаго искусств-

ва, ни произшествій насипящей войны и самаго непріяшеля, или послѣдуешь для насъ пораженіе новое, гораздо важнѣйшее Тразименскаго. Дѣло касается не до соперничества въ славу, и я пренебрегая ее болѣе, а не гоняясь за нею, подвергнуль себя нарѣканію. Но какъ бышь? Инаго способа нѣтъ, вести войну прошиву Аннибала, кромѣ того, копорымъ она мною ведена. Не токмо случай миновшій (онъ даетъ уроки глупцамъ) удостоверяешь въ епомъ; но какой способъ оставался прежде, шопъ самый остается и остается безъ всякой перемѣны, пока не послѣдуютъ обстоятельствова другія. Мы ведемъ войну въ Италіи, между своими жилищами, среди земли своей. Во всѣхъ мѣстахъ около насъ лежащихъ обитаютъ наши сограждане или союзники, копорые доставляютъ намъ и оружіе и воиновъ, и коней и потребности военныя и все шо доставлять и впредь не ошрекуются. Въ епомъ порукою ихъ вѣрность въ противныхъ для насъ обстоятельствахъ. Время ошъ времени открывається посреди насъ болѣе добродѣтелей, благоразумія, посшоянства. Аннибаль на про-

пивъ въ спранѣ чуждой, непріязненной, гдѣ все дышетъ на него злобою и мщеніемъ; далеко отъ родины, далеко отъ опечесива; ни земля, ни море не представляють ему спасенія; никакіе города, никакія крѣпости не опворяють ворошь предъ нимъ. Онъ ничего не имѣетъ своего. Всякой день живетъ хищнически. Едва у него оспаешся уже и прещія часи воиновъ, перешедшихъ съ нимъ черезъ Ибрь. Голодь испребиль ихъ болѣе, нежели самый мечъ. Остальные, не многіе числомъ, не имѣють чѣмъ питаться. Какъ же думать, чѣмъ мы безъ сраженія, не воспоржесивовали надъ непріятелемъ, которій день ото дня приходитъ въ безсиліе, и лишенъ съшсныхъ припасовъ и денегъ? Возможно ли ему держаться въ Геронскомъ замкѣ, среди пуспой Апуліи, такъ какъ бы въ укрѣпленіяхъ Каррагенскихъ? Я ни сколько не помышляю щеславиться передъ побою. Тебѣ извѣстно, съ какимъ искусствомъ избѣгали шакже сраженія съ нимъ Консулы наши Сервилій и Апилий. Въ семь состоишь единственное средство къ спасенію нашему, и средство шакое, котораго успѣхи зашруд-

няшь и оспановяшь развѣ одни сограж-
 нане наши, а не сами непріятели. Такъ,
 въ семь случаѣ войны швои помогутъ
 непріятельскимъ; въ семь случаѣ самъ
 Теренцій, Консуль Римскій, послужилъ
 видамъ Карѳагенскаго Военачальника Ан-
 нибала. Тебѣ надобно будетъ успоять
 прошиву покушеній обоихъ предводише-
 лей сихъ; а успоишь тогда, когда ника-
 кая молва, никакіе толки народныя не
 поколеблютъ швердоспи швоей; когда
 оспанеешься равнодушнымъ и къ пустой
 славѣ шоварища и къ мнимому безче-
 сшю своему. Истина рано или поздно,
 какъ говорится, воспоржествуетъ. Не
 ослѣпляющійся слагою минушною до-
 стигнетъ всегдашней. Пускай не назо-
 вушь шебя осмопрішельнымъ, но роб-
 кимъ; не назовушь благоразумнымъ, но
 медлишельнымъ; ниже искуснымъ, но
 безопышнымъ въ дѣлѣ военномъ. Уваже-
 ніе непріятеля споишь похвалъ сограж-
 данъ неразсудительныхъ. Дерзкаго пре-
 зираешь Аннибаль, осторожнаго боишься.
 Я не то говорю, что бы ты ничего не
 предпринималъ, но чтобъ предпріятіями
 швоими, управлялъ расудокъ, а не слу-
 чай. Все въ швоей власпи сосшояшь,

все служить себѣ долженъ ступить. Стой съ оружіемъ въ рукахъ и въ готовности сразиться. Умѣй пользоваться выгодами своими и опнимай ихъ у непріятеля. Не шоропясь, все обозришь въ видѣ ясномъ и вѣрномъ; поспѣшность напропивъ никогда не бываетъ ни пронцапельною, ни дальновидною.

На рѣчь сію послѣдовалъ опъ Емилиа опвѣль, кошорымъ подпверждаа испину сказаннаго, представиль нѣудобства въ исполненіи. „Дикшапоръ, говориль онъ, со всею властію своей, не могъ принудить начальника, конницы къ провиненію; какуюжъ возможность и право найдеть Консуль обуздать злонамѣренное неисповство поварища? Въ прежнее Консульство мое поспрадала моя честь опъ безпокойныхъ головъ въ народъ, желашельно, чшобъ насшощее было для меня удачнѣе. Но когда случился какое нещасіе, скорѣе паду опъ мечей непріятельскихъ, нежели спану внимать приговору оскорбленныхъ согражданъ.“

Б.

*Отрывокъ изъ Шекспировой
Трагедіи Троилъ. (*)*

Агамемнонъ и Цари Греческіе.

А г а м е м н о н ъ.

Цари! Опъ чего такое уныніе помрачаешь ваши лица? Во всѣхъ предпріятіяхъ на землѣ начинаемыхъ, пышные обѣщанія, какіе надежда даетъ человѣку, совершенно — никогда не исполняются. Препоны и несчастія рождаются въ самыхъ недрахъ подвиговъ великихъ и знаменитыхъ: такъ опъ суковъ, рождаемыхъ на нѣтъ противоположеннымъ печеніемъ чрезмерно обильнаго сока, повреждается гордая, крѣпкая сосна, и изгибистыя жилы ея преинаются опъ быстраго и уклоняющагося опъ прямаго роста. Не странное и не новое; Цари, для очей нашихъ явленіе, что спѣны Иліона, послѣ семи-

---

(*) Отрывокъ сей есть часть того явленія въ 1 мѣ дѣйствіи упомянутой Трагедіи; но не красотъ прагматическихъ должно искать въ немъ; чистое нравоученіе, глубокія истины, коими онъ исполненъ, заслуживаютъ вниманіе; а всего болѣе превосходныя мысли, о необходимости шепльннн и швердоспи въ важныхъ предпріятіяхъ и о бѣдспнннхъ происходящихъ опъ нарушенія порядка и повиновенія начальству.

дѣтняго облежанія, споятъ еще незыблемы. — Вѣки пропекшіе, о коихъ преданіе сохранило память, свидѣтельствуютъ, что начинанія всегда встрѣчали препоны, опдалявшія ихъ отъ цѣли; что во всѣхъ дѣянiяхъ человѣческихъ усилiи никогда не были увѣнчаны шѣмъ блескомъ, какимъ воображеніе въ мечтахъ себя плѣняетъ. — Почшожь, о Цари, взираете вы на дѣло наше съ такимъ смущеніемъ? Почшо находите вы сполько безчестiя въ сей медлѣнности, которая вѣрно есть испытаніе, всемогущимъ Зевсомъ продолжаемое, чпобы укрѣпиль посшоянство въ сердцѣ челоѣка. Не во дни благополучiя, не во время ласканiй Форшуны познаешь сила высокой, испинной доблести: въ сіе время малодушный и мужеспвенный, мудрый и несмысленный, челоѣкъ жестокой и челоѣкъ чувспвительный подобяшся другъ другу и являющся въ видахъ единого рода. Въ бурѣ, воздвигаемой гнѣвомъ сей Богини, подъ силою грозного ея дыханiя совершаешся раздѣленіе: ея дхновение далеко разсѣваетъ пущую и легкую плеву; но все, что имѣетъ существо и шѣло, пребываетъ неколебимо своею шажестію, своимъ до-

споинспвомъ, и наконецъ являешся безпримѣсно и число.

Н е с ш о р ь.

Агамемнонь, я примѣню рѣчь мою къ послѣднимъ словамъ твоимъ. Когда море тихо, сколько малыхъ и легкихъ людей дерзають пускашся по его мирному и спокойному лону и плавашь близъ великаго корабля. Но когда Борей раздражишь Тетииду, посмотришь, какъ корабль широкими и крѣпкими ребрами сѣчь горы волнь и, какъ бурный Персеевъ конь, скачешъ межъ двухъ спихій. Гдѣ тогда дерзкая ладя, копорая смѣла, нѣшь еще мига, спорить съ силою и величьемъ. Она убѣгла въ приспань, или уже какъ червь поглощена Непшунемъ. Такъ, въ бурѣ бѣдствій обнажается ложная доблесь и являешся доблесь правая. Насѣкомыя только въ ясный день тревожатъ спада осприемъ жаль своихъ; когдажъ вѣпръ возшумишь надъ главою дуба, они скрываются подъ сѣнь его; но животное беспрашное и сильное, но шигрь воспальешъ ярость свою яростию бури; воспламеняешся, люшѣешъ съ нею, и на свирѣспво и грозу враждебныхъ

спихій отвѣчаешъ своимъ грознымъ ревомъ.

Улиссъ.

Агамемнонь, знаменишый вождь воинства Греческаго, Неспорь, долгопою лѣпъ почпенный, должно воздашь хвалу вашимъ рѣчамъ; но удоспой, великій Царь, и шы мудрый спарець, выслушашъ Улисса.

Агамемнонь.

Вѣщай Царь Иекскій; мы вѣдаемъ, чпо шы не начинаешъ суепныхъ вѣщеній.

Улиссъ.

Иліонъ, до нынѣ въ основаніяхъ швердый, былъ бы разрушенъ, убійственный мечъ Гекторовъ не имѣлъ бы уже обладашеля — безъ препонъ, копорыя изчислю.—

Законъ и права начальства у насъ презрѣны. Видишели, сколько шашпровъ Ахейскихъ возвышается на сей долинь? Сполько у насъ крамоль. Шашерь царя царей не подобенъ уже улюю, въ копорый слѣшаются всѣ пчелы по полю разсѣянныя. Различіе должностей смѣшано, почшеніе къ сану забышо и послѣдній

человѣкъ подѣ личиною, является подобнымъ первому изъ смертныхъ. Самыя небеса, свѣшила и сей шаръ, среднощочіе вселенной (*), соблюдающъ чреду, первенство и взаимное распояніе; порядокъ въ пушяхъ, непремѣнный ходъ, времена года, ихъ виды и польза, все распределено, все успроено, все слѣдуешь непреложному закону. И въ силу сей всемірной гармоніи, солнце, сіе превосходное свѣшило, возсидя на пронѣ, сіяешь какъ Царь посреде другихъ его окружающихъ; свѣшлый и благошворный взоръ его опшодитъ пагубныя возрвнія свѣшилъ вредоносныхъ, и его всемогущее вліяніе, какъ повелѣніе Царя, движешь и правишь безъ препонъ и сопрошвленія свѣшилами вредными и благошворными. — Но если возмущенныя свѣшила сіи соврацаюпся съ пушей и неуспройно блуждающъ по небу, тогда (*) сколько бѣдспвій, сколько бичей опустошающихъ землю! Какое смяшеніе, какой хаосъ во вселенной! И моря свирѣпшвующъ, и земля колеблещя, и неисповсп-

(*) По системѣ Пшоломея, во время Шекспира уважаемой.

(**) Поэшь принялъ древнее мнѣніе, что блуждающія Кометы являются въ предзнаменованіе какихъ либо великихъ несчастій роду человѣческому.

вують вѣпры; буншы и раздоры, брани и кровопійсшва, моръ и гладь, всѣ лю-
пѣйшія бѣдствія разпоргають единсшво,
разрушають согласіе, возмущають все
и до основанія ниспровергають миръ го-
сударсшвъ и спокойсшво народовъ. —
Равнымъ образомъ, когда нарушено пови-
новеніе, сія лѣствица всѣхъ великихъ на-
мѣреній, предпріятія человѣческія слабѣ-
ють и рушатся. Какимъ средсшвомъ об-
щесшва и союзы въ городахъ, мирная тор-
говля между опдаленными берегами, права
природы, преимущесшва лѣшь, коронь,
скипепровъ и лавровъ геройскихъ, какимъ
образомъ, если не повиновеніемъ могутъ
быть удержаны въ своемъ законномъ по-
рядкѣ? Уничпожше повиновеніе, опними-
ше сію спруну изъ спроя, и какое раз-
ногласіе, какое разспройсшво! Каждое
сущесшво спановишся враждебнымъ, про-
шивишся и сражаешся: воды заключен-
ныя въ ихъ лонѣ, воздымають хребешъ
свой превыще береговъ и попопляють
землю. Сила спановишся власпелиномъ
и пираномъ слабоспи: и люпый сынъ —
опца проспираешъ мершвымъ у ногъ
своихъ. Насиліе похищаешъ права, или
лучше, правый и неправый, кошорыхъ

разлучало правосудіе, сидящее посредь ихъ вѣчнаго прѣнія, шеряюпъ свои наименованія и самое правосудіе исчезаешъ. Тогда все вооружается власпію, власпъ волею, воля спраспію, а спраспъ, сей шигръ ненасыпимый, шакже подкрѣпляемая власпію и волею, должна необходимо разрушитъ все и наконецъ пожрапъ самую себя. —

Вошъ, Агамемнонъ, неизбѣжныя слѣдспвія, когда нарушено и погублено повиновеніе; а повиновеніе погибаетъ, когда каждый помышляетъ шолько о своей, а не общей пользѣ, и дыша шайною зависпію проискиваетъ надъ другимъ возвысипъся. Вождь презираемъ воиномъ одною шпеленью его низшимъ, сей слѣдующимъ, и шакимъ образомъ развращеніе, рожденное примѣромъ перваго, изъ шпелени въ шпелень нисходитъ до послѣдняго, копорый высшаго себя пренебрегаетъ. Тогда все повреждается, все поражается болѣзнію зависпи, блѣднымъ и низкимъ совмѣспничеспвомъ, копорое ищепъ власпи не для шого, чшобы дѣисшвовашъ, а чшобъ кичипъся ею, копорое самому себѣ и общесшву — пагуба. И сія - шо болѣзнь зависпи сохраняетъ

спѣны Иліона, а не собственная крѣ-
пость ихъ. Иліонъ существуетъ не отъ
своей силы, но отъ нашей слабости.

Н е с т о р ъ.

Улиссъ вѣщаль мудро; онъ открылъ
зло, кошорымъ заражено все наше воин-
ство.

Съ перев. Ле Тур. Г—тъ.

О задумчивости и уединеніи.

Напрасно будемъ искать щаспія въ совершенномъ уединеніи; челоѣкъ чувствуетъ необходимость любить и бытъ любиму. Если онъ убѣгаетъ себѣ подобныхъ, то все имѣетъ привязанность къ какимъ нибудь предметамъ; онъ работаетъ цѣлы, ищетъ между живыми такого существа, которое бы принимало его попеченія, и возвращало ему ласки, отъ него получаемыя. Слабая помощь! Пустынникъ находится подъ бременемъ започенія; непрерывно ожидаетъ конца своей жизни; видитъ только въ могилѣ начало своего спокойствія и предѣлъ своимъ спраданіямъ.

Нѣсколько уединенія нужно. Кто всегда преданъ бурямъ свѣта, тотъ не можешь образовашъ ни ума, ни сердца; принадлежишь тысячѣ челоѣкъ, а не себѣ; увлекаясь пустыми предпріятіями и ложными удовольствіями, теряешь время наслаждаешься жизнью. Не будемъ пустынниками, но будемъ жить въ уединеніи.

Если въ нашей волѣ выберать себѣ мѣсто жилища, должно жить или въ деревнѣ, или въ большемъ городѣ; въ нихъ

легче провести жизнь пріятно. Малый городокъ содержишь для сего менѣе выгодъ: пачь обязанности общества чрезвычайно велики, многими наблюдающя очень строго, и взыскивающя совершенно всѣми; прибавыше къ сему несносное любопытство жителей, ушомительные разговоры объ издержкахъ, ссорахъ и дѣлахъ ихъ сосѣдей; глупые ихъ раздоры и смѣшныя прѣбванія. Словомъ сказать, въ маленькомъ городкѣ, нельзя найши ни нравовъ и спокойствія деревень, ни разнообразныхъ удовольствій столицы.

Большой городъ есть жилище просвѣщенія и удовольствій. Въ немъ сполько же средствъ занимаешься науками, какъ и увеселеніями. Каковъ бы ни былъ образъ жизни, кошорый вы будете вести; его не только не спануть порицать, но даже и не замѣшаяшь. Будучи окружены людьми всякаго рода, вы можете соспавишь для себя общество, по вашему вкусу. Одну часшь дня можно посвящипшь для своихъ занятій, другую для семейства и друзей, а прѣшью опредѣлитъ на удовольствія, доставляемыя искусствами и словесностью.

Но съ симъ множествомъ выгодъ смѣшивающся прискорбныя неудобства. Въ большихъ городахъ можно наслаждашья совершенною независимосцію только потому, что тамъ люди равнодушны одинъ къ другому. Не тяжко ли, будучи посреди ста тысячъ чловѣкъ, сказать себѣ: „Всѣ сіи люди не знаютъ другъ друга; каждой почитаешь себя существомъ отдѣльнымъ и не принимаешь никакого участія въ тѣхъ, которыя его окружають?“ — Многолюдныя города бывають шеапрямъ самыхъ подлыхъ происковъ, самыхъ гнусныхъ пороковъ. Я знаю, что живучи въ неизвѣстности, можно не взиращъ на сіе зрѣлище; но какимъ образомъ можно избѣжащъ поразительной пропивоположности между чрезвычайною бѣдностью и чрезвычайною роскошью? Она вездѣ за вами слѣдуетъ. При видѣ сихъ мѣспъ, гдѣ роскошь выказываетъ свои сокровища и глупости, невольно вспоминаешь, что близко опшуда несчастныя умирають съ голоду: можешь ли такое жилище бышь пріятнымъ для мудраго?

Мнѣ кажется, что щаспливѣе жить въ деревнѣ. Тамъ можно съ посредствеи-

нымъ состояніемъ наслаждашься довольствомъ и свободою. Въ деревнѣ рѣдко встрѣчаются предметы, могущіе возбудишь зависть, и почти всегда можно имѣшь удовольствіе облегчать судьбу несчастныхъ. Люди, копорыми мы бываемъ шамъ окружены, имѣють менѣ пороковъ, чѣмъ городскіе жители; въ нихъ нѣшь большаго ума, но за шо они имѣють довольно здраваго смысла.

И деревня имѣеть свои невыгоды, особливо для того человекъ, копорой не въ ней воспитанъ. Иногда будешь онъ съ сожалѣніемъ воспоминашь объ удовольствіяхъ столицы и о средспвахъ, копорыя находятся шамъ для образованія разума. И въ деревнѣ не всегда можешь онъ скрышься отъ скуки; часто онъ долженъ принимашъ къ себѣ своихъ сосѣдей, копорые будешь рассказывашъ ему о своихъ ссорахъ и шажбахъ, выбирашь его посредникомъ и мучишь своими приглашеніями.

И шакъ какое бы мѣсто ни избрали мы себѣ жилищемъ, нигдѣ не можемъ найши совершеннаго щаспія: ибо оно зависишь не сполько отъ мѣста, сколько отъ насъ самихъ. Кто умѣеть зани-

матсья, бышь выше людскаго мнѣнія и смопрѣшь съ снизхожденіемъ на слабоспи людей, шопь вездѣ можешь жишь щаспливо.

Не довольно удалишья опъ свѣпскаго шуму, чпобъ бышь щаспливымъ; иногда нужно предаватьсь совершенному уединенію. Въ уединеніи мы принадлежимъ самимъ себѣ: тогда наслаждаемъ мы сладоспными оцущеніями, копорья доспавляющся намъ размышленіемъ, воспоминаніями и надеждами. Всѣ пѣ, копорые одарены добрымъ сердцемъ и живымъ воображеніемъ, безъ сомнѣнія почипають часы, проведенные ими въ уединенныхъ прогулкахъ, въ числѣ щаспливѣйшихъ часовъ своей жизни.

Часто вкушалъ я совершенное блаженство, но я признаюсь, что сладоспнѣйшія оцущенія онаго я имѣлъ не въ нѣдрахъ моего семейства, не среди друзей моихъ. Я чувствоваль поспребность находишья, на нѣсколько времени, въ удаленіи опъ всякаго общества, и бышь, шакъ сказашь, одному съ моимъ щаспиемъ. Я искалъ шакого мѣспа, гдѣ бы я ничего не видѣлъ, кромѣ природы,—гдѣ бы меня никшо не видѣлъ, кромѣ

Творца ея. Тамъ, вспоминая мои радости, увѣрясь, что не сновидѣнія, не мечты обольщаютъ меня, я переставалъ размышлять, думать и только чувствовалъ мое блаженство. Когда я приходилъ въ себя, по первое чувство, которое находилъ я въ своемъ сердцѣ, было пламенное желаніе содѣлать тѣхъ людей, которыми я любимъ, споль же щасливыми, сколько былъ я въ то время. Послѣ сихъ-то обворожительныхъ часовъ узнавалъ я, что всѣ плоды честолюбія, тщеславія, корысти, суть не иное что, какъ пѣнь удовольствія, и никогда не въ сошояніи дасть понятія о томъ щастіи, коперымъ человекъ наслаждаться можешь.

Иногда, побуждаемый другимъ чувствованіемъ, я предавался уединенію, что бы облегчить снѣдающую меня скорбь. Оно было моимъ утѣшителемъ. Въ мѣсцахъ уединенныхъ господствуетъ какое-то спокойствіе, которое испребляетъ безпокойство душевное; и можешь быть, человекъ менѣ имѣть слабостей по мѣрѣ удаленія своего отъ пребыванія людей.

Уединеніе должно быть пріятно и

въ то время, когда душа не ощущаетъ ни радостей, ни печалей. Воображеніе спановишся въ немъ живѣе, надежды производяшъ болѣе сладостныхъ мечтаній; словомъ сказать, въ немъ научаюшся познавать всѣ прелести задумчивости.

Когда удовольствія наши очень сильны, то съ ними соединяется умиленіе. Рожденіе дитяти, выздоровленіе отца, возвращеніе друга извлекаюшъ слезы изъ глазъ нашихъ. Природа даетъ иногда удовольствію нѣкоторыя знаки печали; кажется, что, опредѣливъ намъ испытывать попеременно оба сіи чувствованія, она хотѣла сдѣлать не столько оцупительнымъ переходъ отъ одного къ другому.

Не тѣ воспоминанія самыя пріятнѣйшія для насъ, которыя могушъ возбуждать въ насъ веселость, какъ наприкладъ воспоминаніе о шумныхъ увеселеніяхъ и праздникахъ; но тѣ, съ которыми соединяется умиленіе: воспоминанія нашего дѣтства, первой любви, опасностей, которыхъ избѣжали мы, добра, которое сдѣлано нами. Вспомните счастливѣйшую минуту своей жизни — и вы почувствуете умиленіе.

Не будемъ смѣшивать задумчивости съ мыслями мрачными; онѣ мало между собою сходствуютъ и ихъ дѣйствія весьма различны. Сочиненія страшныя, которыя въ разное время хотѣли ввести въ моду, могутъ производить иу задумчивость, которую должно исцѣлять искусствомъ; но никогда не произведутъ той, которая нравится душамъ истинно чувствительнымъ. Съ прудомъ могу повѣрить, что нѣкоторые думали вдохнуть ее страшными драмами и ужасными романами, въ которыхъ гнусныя лица представляютъ отвратительныя дѣйствія. Не ужели, по вашему мнѣнiю, эта большая фигура, блѣдная и изсохшая, покрытая саваномъ, изображаетъ Меланхолю?... Изображенiе Меланхолии есть изображенiе невинности; сладостныя мечтанiя ее занимаютъ; въ глазахъ ея появляются слезы, а на устахъ улыбка.

Люди, которые стараются увеличивать ужасы могилъ, дожидаясь ночи, чтобы ихъ посѣщать, и терзая воображенiе свое, чтобы населить ихъ призраками, сiи люди имѣютъ душу холодную. Если они одарены чувствительностію,

по за чѣмъ употребляшь сполько усилій, чшобъ бышь пронушу.

Въ прошломъ году я былъ на кладбищѣ. Я увидѣль много памятниковъ съ надписями. Сей видъ меня поразиль. Хорошо, думаль я, чпо мершвые не забыты шѣми, копорые ихъ пережили: и ихъ шакже будущъ помнишь. Я со вниманіемъ прочель множештво надписей, въ числѣ коихъ есть много прогашельныхъ. Въ одной говориль ошець, чпо у него было пяперо дѣпей и чпо сія могила, скрываетъ послѣдняго, копорый ему оспавался. Въ другой ошець съ маперью говориль, чпо дочь ихъ умерла на семнадцатомъ году, будучи жершвою безразсудной моды. Я былъ сильно пронупъ, однакожь находиль нѣкопорое удовольствіе раздѣлять груспъ шѣхъ семействъ, копорыхъ познаваль я нещастія, и плашилъ имъ шу дань, копорую они шребовали ошъ прохожаго, приведеннаго случаемъ въ сіе мѣспю. Одно обстоятельствво оспавило во мнѣ горешное чувствво. Я замѣшилъ, чпо родишели воздвигнули много памятниковъ своимъ дѣшямъ, мужья женамъ, жены мужьямъ; но чпо

только два памятника было сделано дѣшьями ошчамъ.

Можно иногда наслаждаться прелестями задумчивости на развалинахъ и гробницахъ; но привычка видѣть печальныя предметы опасна. Она прищупляетъ чувствительность и побуждаетъ всегда искать сильныхъ ощущений; сверхъ того она пинаетъ душу мрачными мыслями, несомвѣсными съ совершеннымъ щасіемъ. Я знаю, что есть такіе люди, которые, ничего не желая кромѣ смерти, могутъ находить нѣкоторое утѣшеніе въ предметахъ печальныхъ. Юнгъ, лишась своей дочери и просивъ щедро уголка земли для сей несчастной, былъ принужденъ самъ приготовить ей могилу. Юнгъ могъ убѣгать людей и любить только ночь, уединеніе и гробы. Такимъ образомъ иные осуждены злополучіемъ своимъ пинать вѣчную и мрачную задумчивость. Но нѣ, которые напрягаютъ воображеніе свое, желая подражать имъ; смѣшны и скучны. Ежели имъ пріятно прищворяются несчастными, я не хочу лишать ихъ этого удовольствія; но будемъ остерегаться, чтобы не жерпывать своимъ щасіемъ смѣшному удо-

вольствію опличається своєю спротно-
стію.

Нужно ли окружаешь себя гробами,
чтобъ извлекаешь слезы изъ глазъ своихъ?
Всѣ предметы могутъ возбуждать въ
насъ печальныя мысли, когда спанемъ
разсмащриваешь ихъ глазами Философа.
Чтобъ почувствовать печаль, не доволь-
но ли помыслишь о томъ, что человекъ
гонится за мечтами? Не довольно ли
помыслишь о томъ, съ какою быспро-
стою исчезаютъ наши удовольствія?

Р.

Гораціева ода къ Лицинію.

(Rectius vives Licini).

Коль хочешь щасливъ бышь, Лициній,
не стремися
Всегда въ открышый понтъ; но такъ же не
всегда
Въ унылой робости близъ берега держися.
Какъ дерзость, такъ и страхъ опасень
иногда.

Умѣешь кшо найши посредственностъ
злашую,
Далекъ отъ зависши и сожалѣнья шомъ:
Ни пышный онъ Дворецъ, ни хижину прос-
шую
Въ жилище никогда себѣ не избересть.

Валишся гордый дубъ, сраженный Акви-
лономъ;
Гроза свирѣпствуетъ сильнѣе на горахъ,
И съ прескомъ падаюшь низверженные
Крономъ
Тѣ башни, что главы скрывали въ облакахъ:

Мудрецъ, предвидящій переворошы рока,
Спокоень въ щасіи, покоень среди бѣдъ.
Не вѣчно царствуетъ въ поляхъ зима же-
спока;
Прелестная весна всегда спѣшитъ ей въ
сладъ.

Сегодня, злобною судьбою угнетѣнный,
 Заутра ожидай улыбки счастья твоего.
 Не вѣчно Аполлонъ лукъ держишь напря-
 женный
 И часто по струнамъ звучашъ его персты.

Коль буря грозная въ валахъ тебя заспа-
 нешь,
 Мужайся и руля изъ рукъ не выпускай;
 Но также и—когда попушный вѣтръ по-
 тянешъ—
 Не всѣ вѣтрила распускай.

Н. Федоровъ.

Къ Меценату.

Когда люшѣйшій сынъ, корыстью ослѣ-
 пленный,
 Прерветъ родителя преклонны дни священны:
 Для изверга сего извлечь бы должно въ ядь
 Чесночный злѣйшій огонь, а не цыкушы хладъ.

Пусть каменная чернь чеснокъ упо-
 шребляетъ!
 Онъ внутренность мою палишь и разры-
 ваешь,
 Какъ бы сосалъ въ землѣ змѣй ядовитыхъ
 кровь,
 Или оправщицы въ немъ шился злобный ковъ.

Не сокомъ ли его Медея окропила
 Язона, чѣмъ предъ нимъ смирилась злая сила?
 И не его ль огонь влила въ коварный даръ,
 Чѣмъ сжечь совмѣстницу, произвѣсти по-
 жаръ?

Подъ небомъ пламеннымъ Апуліи без-
 водной
 Не можешь моему найшиться жаръ по-
 добной;
 Не большимъ пламенемъ въ одеждѣ роковой
 И самъ Иракль сгоралъ, свершивши прудъ
 земной.

Но вѣдай, Меценатъ, что кушанье шакое
 Впредъ за меня тебѣ готовишь мщенье злое:
 Ты будешь милыхъ устъ лобзанія лишень
 И на одрѣ любви уснешь уединень.

А. Бирюковъ.

Къ моимъ друзьямъ, Ж. Б. и С.

Гдѣ вы поварищи — друзья?
 Кто разлучилъ соединенныхъ
 Душой, руками соплеченныхъ?
 Одинъ безъ сердцу драгоценныхъ,
 Одинъ теперь поскую я!

И можешь быть, сей сердца сонъ
 Вопще по воздуху несется,
 Вопще средь ночи раздается;
 До васъ онъ, можешь, не коснешся,
 Не будетъ вами слышенъ онъ!

И можешь быть, въ сей самый часъ,
 Какъ ночи сонъ превожитъ вьюга,
 Одинъ изъ васъ въ борьбахъ недуга,
 Угасимъ гласомъ имя друга
 Въ послѣднй произносишь разъ!

Почій, счастливецъ, крошкимъ сномъ!
 Спремлюсь надеждой за тобою...
 Отъ бури, ты идешь къ покою.
 Пловецъ, помившійся грозю,
 Усни на берегу родномъ!

Но долго ль васъ, друзья, мнѣ ждешь?
 Когда просвѣтитъ день свиданья?
 Иль — жершвы вѣчнаго изгнанья —
 Не будемъ чаши ликованья
 Другъ другу мы передавать?

Иль суждено, чтобъ сердца хладъ
 Уже во мнѣ не согрѣвался,
 Какъ вѣтръ въ пустынѣ спонъ шерялся,
 И съ взглядомъ друга не встрѣчался
 Бродящій мой во мракѣ взглядъ?

Давноль съ любовью пополамъ
 Плели намъ рѣзвья Харипы
 Вѣнки, изъ свѣжихъ розъ увишы,
 И пѣли юные Пипы
 Гимнь благодарности Богамъ?

Давно ль? — И сладкій сонъ исчезъ!
 И Гимны наши — голосъ муки,
 И дни воспогровъ — дни разлуки! —
 Вошце возносимъ къ небу руки,
 Пощады нѣшь намъ ошь небесъ!

А вы поварищи — друзья
 Явишесь мнѣ хопъ въ сновидѣньи,
 И оживя въ воображеньи
 Часовъ прошекшихъ наслажденьи,
 Обманомъ счастливь буду я!

Но вопль ужъ мракъ сошелъ съ полей;
И вьюга съ ночью удалилась,
А васъ душа не допросилась;
Зарей окрестность озлатилась....
Пришлиль когда зари моей?

К. В.

Вологда.

Октябрь, 1812 году.

П о с л а н і е к ъ П. Н. П * * *

Любезный родственникъ, Поэтъ и Камергеръ!

Пожалуй на досугъ
Похлопочи о другъ!
Ты знаешь мой манеръ;

Хозяинъ я плохой и не на мѣспѣ вѣчно;
То въ Пиперѣ живу, шапаюсь по въ Москвѣ,
И скоро—проживусь конечно;

Подъ часъ приходишь жутко мнѣ....
Но дѣло не о помѣ. Башмашникъ мой, повѣса,
Картежникъ, пьяница, въ больницу отданъ
былъ,

И чтожь? Опъ доктора онъ лыжи навострилъ,
Въ Тверской губерніи пойманъ среди лѣса
Въ Юнѣ мѣсяцѣ, подъ спражу пошчасъ взяшь,
И скоро, по дѣламъ, онъ въ рекруты назначень.

Я очень радъ,
Что онъ солдашъ;

Онъ молодъ, силенъ, врачень,
И спрогий Капитанъ исправишь въ мигъ его;
Но мнѣ квипанцію взять должно за него.

Башмашника зовуть Кузьмою,
Опець его былъ Фроль, прозваньемъ Карпу-
шовъ,

И такъ, безъ лишнихъ словъ,

Скажу, что новому герою
Желаю лавровъ я, квипанціи себѣ.
Въ селеніи моемъ, благодаря судьбѣ,

Хотя крестьяне пьютъ, за то шудятся,
пашутъ;

Пусть съ радости поютъ и пляшутъ,
Узнавъ, что опдали въ солдапы бѣглеца,
И что остался сынъ у бѣднаго отца.
Опѣшшувуй мнѣ скорѣй, хоть прозой, хоть
спихами,

Но будь здоровъ и помни обо мнѣ.
Въ прелестной юности содѣлавшись друзьями,
Въ какой бы не былъ ты спранѣ,
Повѣрь, что мысль моя стремится за тобою;
И если лѣтнею порою,
Поѣду въ Пиперь я, останусь дни два, при,
У друга моего въ Твери;
Возсяду съ лирой золотою
На Волжскихъ берегахъ крупныхъ
И тамо, съ пламенной душою,
Блаженство воспую я жипелей Тверскихъ.

Пушкинъ.

Любовь и мудрость.

(Подражаніе.)

Неосторожное дитя

Амуръ однажды разшаллся,

И темнымъ вечеркомъ за Нимфами бродя,
Набрелъ на яму — оступился.

И въ ямѣ онъ сидитъ — заплакался,
взмолился

Минервѣ: (а она по близости спала
Въ сосѣдномъ храмѣ)

„Помилуй, помоги!“ — На крикъ его пришла,
Да полько безъ свѣчи, Минерва къ ямѣ,
И руку помощи подавъ Божку, —

Не плачь, голубчикъ мой! Богиня говорила;
Охотно бы я тебѣ и посвѣтила;

Да вопшь что: вѣдь тебѣ, любезному дружку,
Когда бы все увидѣшь ясно;

Не приносилъ бы ты намъ радость, но все-
часно

Ввергалъ въ мученье и въ тоску.

А. В.

Эротъ, Юноша и Минерва.

Однажды юноша, занявшись,
 Задумчивъ съ книгою сидѣлъ;
 Эротъ, изъ за двери подкравшись,
 Спрѣлой сразить его хошѣлъ.
 Минерва юношу укрыла
 Щипомъ, сказавши: *занятъ онъ!*
 Эротъ вздохнувъ, вложилъ уныло
 Спрѣлу въ колчанъ и вышелъ вонъ.

И. В.

Эпиграмма.

„Что изъ деревни ты такъ скоро возвра-
тился?“,

— Ахъ! спрашно умирать въ цвѣтущія лѣта! —

„Чего же спрусиль ты?“ — Чуть жизни не
лишился;

Въ моемъ селѣ падежь рогатаго скота.,

Н.

II. НАУКИ и ХУДОЖЕСТВА.

Шиллерово разсужденіе о Вы- сокомъ.

„Kein Mensch muß müſſen (человѣку не должно по неволѣ начинатьъ что нибудь),“ говоритъ Наванъ Дервишу (*); и изреченіе сіе, въ смыслѣ обширнѣйшемъ, нежели какъ думаютъ, справедливо. Воля есть то, что опличаетъ человѣка отъ другихъ тварей; ибо и самый разумъ въ немъ есть ничто иное, какъ правило воли. Разумно поступаетъ (т. е. сходственно съ разумомъ дѣйствуетъ) вся природа: человѣка же преимущество въ томъ, что онъ по совѣсти и по волѣ поступаетъ разумно. Всѣ другія вещи принужденіемъ управляются: человѣкъ управляется хотѣніемъ.

Пошому то самому недостойнѣйшій съ человѣкомъ поступокъ есть приневоліваніе, или принужденіе его силою; ибо оно, уничтожая свободу, уничтожаетъ самаго человѣка. Кипо принуждаетъ насъ

(*) Въ Лессинговой Трагедіи Nathan der Weise (*Наванъ премудрый*), на отъзы отъ Дервиша „ich mußte“—говоритъ Наванъ вышеприведенныя слова.

силою, оспориваетъ намъ драгоценнѣйшее достояніе наше — человѣчество. Кипо малодушно дѣлаетъ что по неволѣ, отвергаетъ свое человѣчество. Но таковое претребованіе, оправдываясь совершенно свободнымъ отъ приневоливанія, предполагаетъ существо одаренное достаточною силою, для опраженія силы чуждой; ежели же претребованіе сіе возродится въ такомъ существѣ, которое не есть могущественнѣе всѣхъ окружающихъ его, то произойдетъ изъ того шокмо несчастная распря между желаніемъ и возможностью.

И въ такомъ положеніи находится человекъ. Окруженный шоль многими силами, кои всѣ его могущественнѣе, и коихъ онъ бываетъ игралищемъ, претребуетъ онъ по природѣ своей не бытъ ни отъ которой изъ нихъ одолѣннымъ. Правда, что онъ посредствомъ ума искусственно возвышаетъ естественныя свои силы, и до извѣстной степени дѣйствительно удается ему физически господствовать надъ всѣмъ физическимъ же. Отъ всего, кромѣ отъ смерти, избавиться можно; говоритъ пословица. Но сіе единственное исключеніе — ежели подлинно оно

шаково въ спрогомъ смыслѣ—рушило бы все понятіе о свободѣ человѣческой. Не будешь челоѣкъ уже существомъ, которое управляется хотѣніемъ, ежели хотя одинъ останешся случай, въ коемъ онъ непремѣнно долженъ нести то, чего не хотѣлъ бы. Сіе одно спрашное, гдѣ онъ *не хотѣтъ*, а *долженъ*, повсуду будешь подобно привидѣнію соучастствовашь, и предавашь сточію и бываешь съ большою частію людей — въ добычу слѣпымъ спрахамъ воображенія. Хваленая его, *неограниченно* понимаемая, свобода, вся будешь ничтожна, ежели онъ въ одномъ только пунктѣ связанъ. Ипакъ надлежишь, *чтобъ образованіе* (или *воспитаніе нравственное*) сдѣлало челоѣка свободнымъ и помогло ему доспичь предполагаемаго имъ совершенства челоѣческаго. Отъ *образованія* долженъ челоѣкъ получить возможность поступашь по своей волѣ; ибо челоѣкъ есть существо, которое управляется хотѣніемъ.

А сіе двоякимъ образомъ возможно, либо *вещественно*, когда челоѣкъ силѣ прошивупоставляетъ силу: когда онъ какъ вещество, другія вещества превоз-

могаетъ; либо *мысленно*, когда онъ изъ
 границъ вещеспва выпсупаетъ, и пакимъ
 образомъ, относительно къ себѣ, уничшо-
 жаетъ идею *силы*. Къ первому приводишь
 онъ *образованіемъ физическимъ*, когда воз-
 дѣлаешь въ себѣ смыслъ и чувспвенныя
 способносши до того, что, либо умѣшь
 будешь обращаться съ окружающими
 его силами Естеспва, какъ бы съ ору-
 діями собспвенной своей воли, — познав-
 ши законы, коими онъ управляющъ; либо
 умѣшь будешь предохраняшь себя отъ
 шакого ихъ дѣйствія, коимъ онъ самъ у-
 правляшь не можетъ. Но силы Естеспва
 допускають собою управлять или себя
 опводить до извѣстной токмо степе-
 ни: преспунивъ за оную, посмѣвающъ
 онъ власти челоувка, и подклоняющъ его
 подъ свою.

Тутъ бы ему слѣдовало потерять
 свободу, ежели бы онъ неспособень былъ
 ни къ какому другому образованію кромѣ
 физическаго. Но онъ долженъ безъ изъ-
 яшнія бытъ челоувкомъ; слѣдовательно
 ни въ какомъ случаѣ не долженъ прине-
 воливашься. А когда онъ не возможешь
 уже чуждымъ силамъ физическимъ про-
 шивупоставишь собою равную физичес-

кую же силу, тогда одинъ только оспа-
нешся ему способъ прошивъ насилія, а
именно: прервать совершенно се столь
невыгодное для себя *отношеніе*, и — наси-
ліе *въ самой вещи* прерываемое, *въ*
понятіи или *въ умѣ* уничтожишь, а
уничтожишь *въ умѣ* дѣйствіе силы ка-
кой либо чуждой, не иное что значишь,
какъ, приняшь на себя оное добровольно.
Образованіе, его къ сему ведущее, назы-
вается нравственнымъ.

Нравственно образованный человекъ,
и онъ только одинъ, совершенно свобо-
денъ. Онъ, либо силами превосходитъ о-
кружающую его вещественную природу;
либо уступаетъ превосходству силъ ея,
и въ такомъ случаѣ все, что она надъ
нимъ ни дѣлаетъ, не есть насиліе: поели-
ку еще прежде нежели до него коснеш-
ся превращается оно уже въ *собствен-
ное* его добровольное *дѣяніе*, и природа
динамическая (силами своими воору-
женная) никогда сама до него не достигаетъ,
потому что онъ опъ всего, до чего она
достигнуть можетъ, произвольно опрѣ-
щается. Но сей образъ мыслей, кпоторо-
му учишь философія, называя оный по-
кореніемъ себя необходимости, а рели-

гія — преданіемъ себя въ волю Божію, — сей образъ мыслей, чшобъ бышь въ чело- вѣкѣ плодомъ единаго разсудка и свобод- наго выбора, предполагаешъ въ немъ боль- шую ясность мыслей и высшую бодрость воли, нежели каковыя ему даны въ обык- новенномъ кругу жшпейскомъ. Однако же ешь, по счастью, не только въ духов- номъ его ешесствѣ моральная способ- ность, копорая можешъ воздѣлана бышь разумомъ; но и въ чувственнo-умномъ, ш. е. въ *теловѣтскомѣ* его ешесствѣ, на- правленіе къ тому Эстетическое, копо- рое пробуждается отъ извѣстныхъ чув- ственныхъ предметовъ, и чрезъ посред- ство очищенныхъ въ немъ чувствъ, къ сему мысленному воспорту души воспа- ряешъ. О сей-то по понятію и по суще- ству своему мысленной (идеальной) шокмо способности, копорую однако и сами Реалисты (вещественники) въ жи- шейскихъ опытахъ довольно ясно на себѣ обнаруживающъ, холя въ системѣ своей ея не признающъ (*), — о сей-то способ- ности нынѣ говоришь буду.

(*) Какъ и вообще нѣтъ ничего такого во всемъ, что называютъ совершенно идеальнымъ, чего бы совер- шенный Реалистъ не познавалъ дѣйствительно въ

Уже и однѣ разкрывшіяся въ насъ чувствованія изящнаго или прекраснаго доспапочно къ содѣланію насъ до извѣстной степени независимыми отъ природы *динамической*. Душа, которая до того уже облагородствована, что болѣе бываетъ пронуша формою, нежели матеріею вещей, и которая, не ища ни мало обладанія ими, отъ одного размышленія о образѣ ихъ явленія не принужденное почерпаетъ веселіе, — такая душа носитъ сама въ себѣ внутреннее неизпошное обиліе жизни, и поелику она не имѣетъ нужды присвоивать себѣ окружающіе ее предметы, по и не спрашивая попері ихъ. Но наконецъ, и для всякаго явленія формы или вида, нужно шло, на поверхности коего видъ образуется; а съ потребностію прекрасныхъ видовъ будешь потребно бытіе самихъ предметовъ, и слѣдственно спокойствіе наше еще останешся зависящимъ отъ природы какъ отъ *силы*, виновницы всякаго бытія. Ибо великая разность въ томъ, когда мы желаемъ, чтобъ только доброе и изящное намъ предспавлялось;

практикѣ самъ на себѣ, но что онъ по несоображенію только отрицаетъ въ теоріи.

или когда желаемъ только, чтобы пред-
 спавляющееся намъ было добро и изящ-
 но. Последнее желаніе совмѣстно съ ве-
 личайшею свободою духа; первое напро-
 шивъ. Чтобы въ предспавляющихся намъ
 предметахъ видѣть изящное и доброе,
 это опъ насъ зависипъ; и мы этого опъ
 себя можемъ пребовать. Но чтобы изящ-
 ные и добрые шокмо предспавы были
 намъ предспавляемы, этого, — какъ не
 опъ насъ зависящато — можемъ мы толь-
 ко желать. То соспояніе духа, которое
 симъ бесплоднымъ желаніемъ не зани-
 маенся и не заботишся, существуешь
 ли изящесиво, добра и совершенство,
 но которое со строгою разборчивостію
 требуетъ, чтобы существующее было
 изящно добро и совершенно,—называет-
 ся по превосходству *высокимъ* и *вели-*
гественнымъ; потому что обладаетъ всѣ-
 ми шѣми же наслажденіями, какими и
чувство изящнаго, не имѣя шѣхъ же не-
 удобствъ.

Знакъ добрыхъ и изящныхъ, но при-
 томъ всегда слабыхъ душь, есть: непер-
 пѣливо настоять, чтобы нравственныя
 ихъ идеалы сбылись на дѣлѣ; и при вся-
 комъ встрѣшившемся шому препятствіи

поражаешься горесью. Такие люди приводят себя въ печальную зависимость отъ случая, и навѣрно положить можно, что они, какъ въ морали, такъ и въ эстетикѣ, слишкомъ много слушаются своей плоти, и не выдержатъ надъ собою высочайшей пробы характера и вкуса. Недоспашки моральные не должны причинять намъ спраданія и горести, кои всегда болѣе означаютъ неудовлетвореніе плоти, нежели неудовольствіе духа. Последнее сопровождается бодрствуваніемъ чувствомъ, и долженствовало бы паче скрѣпить душу и придать ей твердости, нежели дѣлать насъ малодушными и несчастными.

Двухъ геніевъ дала намъ природа вожатыми на жишейскомъ поприщѣ. Одинъ, дружелюбный и кропкій, веселыми играми сокращаетъ намъ трудный путь, содѣлываетъ для насъ легкими цѣни необходимости, и ведетъ насъ, между радостями и забавами, до опасныхъ мѣстъ, гдѣ уже опредѣлено дѣйствовать намъ какъ чистымъ духамъ, сложа съ себя все плотское; — ведетъ до познанія истины и до исполненія долга. Туть онъ оставляетъ насъ, ибо только чувственный

міръ естъ область его; за рубежи онаго не можешъ прелетѣть брѣнное его крило. Но тогда заступаешъ мѣсто его другой, строгъ и безмолвень, и сильною мышцею переносишь насъ чрезъ бездонную пучину.

Въ первомъ изъ сихъ геніевъ узнаемъ чувство изящнаго или прекраснаго, во второмъ чувство высокаго или возвышеннаго. И ощущеніе красоты естъ уже признакъ свободы; но не той, которая возносишь насъ надъ область природы вещественной, и отъ всякаго тѣлеснаго вліянія освобождаетъ, а той, которою мы въ предѣлахъ сей природы, человѣчески, наслаждаемся. Мы чувствуемъ себя свободными при *изящномъ*; потому что пусть чувственные склонности наши согласуются съ законами разума; мы чувствуемъ себя свободными при *высокомъ*, потому что пусть чувственные склонности не имѣютъ ни власти ни вліянія на законодательство разума; потому что пусть душа такъ дѣйствуетъ какъ будто бы ни отъ кого, кромѣ отъ себя самой не принимала законы.

Чувство высокаго естъ смѣшенное чувство. Смѣсь горести, коей высшая

степень есть пренепный ужасъ, и радости, которая достигъ можетъ до восхищенія, и хотя не есть въ собственномъ смыслѣ *удовольствіе* или *услажденіе*, однако же для душъ тонко чувствующихъ несравненно предпочтительнѣе всякаго услажденія. Сіе совмѣщеніе двухъ несогласныхъ ощущеній въ одномъ чувствѣ, доказываетъ моральную нашу самосущность неопровержимымъ образомъ. Ибо какъ само по себѣ невозможно, чтобъ одинъ и тотъ же предметъ состоялъ въ двухъ противоположныхъ къ намъ отношеніяхъ, то и слѣдуетъ, что мы сами въ двухъ разныхъ состояніяхъ относимъ къ предмету: что слѣдовательно два противоположныя состоянія должны въ насъ соединены быть и принимать въ себя представленія предметовъ совершенно противоположнымъ другъ другу образомъ. И такъ узнаемъ мы по *чувству высокаго*, что состояніе духа нашего не имѣетъ необходимаго съ состояніемъ плоти соотношенія; что законы Физическіе не суть необходимо законами для насъ, и что мы самобытное имѣемъ въ себѣ начало, отъ чувственныхъ движеній независящее.

Предметъ высокаго можетъ разсма-
триваться въ двоякомъ отношеніи. Либо
относимъ мы его къ разуму нашему и
признаемъ за невозможное вмѣстѣ съ его
въ воображеніи, или составимъ о немъ
понятіе. Либо относимъ мы его къ ду-
шевному силамъ нашимъ, и признаемъ
въ немъ могущество, предъ коимъ наша
мочь исчезаетъ. Однако не смотря на то,
что мы по дѣйствию его въ обоихъ слу-
чаяхъ познаемъ мучительное чувство
ограниченности нашей: не убѣгаемъ мы
высокаго, а еще привлекаемся къ нему
непреодолимою силою. Могло ли бы сіе
случиться, когда бы границы воображе-
нія нашего были припомъ и границами
нашего разумѣнія? Могли ли бы мы охо-
дно принимая напоминовеніе о самовла-
стныхъ надъ нами силахъ природы,
если бы не имѣли въ самихъ себѣ нѣ-
что не могущее имъ стать добычею? Мы
находимъ утѣху въ изображеніяхъ беско-
нечнаго для чувствъ: потому что мы
еще думаемъ о томъ можемъ, чего уже
не принимаемъ чувствъ и не вмѣщаемъ
понятіе. Мы одушевляемся при видѣ ужа-
снаго: потому что еще хотѣвъ можемъ
того, оцъ чего плоть отвращается, и

опровергать то, чего она желаетъ. Охотно позволяемъ мы воображенію въ царствѣ явленій находить себѣ предѣлы; ибо все это значить только то, что одна чувственная сила другую чувственную же силу превосходитъ. Но до существующаго въ насъ самихъ неограниченно-великаго ни вся натура во всей безпредѣльности своей достигнуть не можетъ. Охотно покоряемъ мы физической необходимости благоденствіе и бытіе наше; увѣрены будучи, что ей не дано располагать правилами дѣяній нашихъ: человекъ находится въ рукахъ ея, но воля человека въ собственныхъ его рукахъ.

И такимъ образомъ употребила природа даже чувственное средство къ наученію насъ, что мы болѣе нежели чувственны. Такимъ образомъ умѣла она воспользоваться самыми ощущеніями, дабы насъ направить на спези онаго открытія, что мы отнюдь не должны быть рабами ощущеній. И сіе есть совсѣмъ иное дѣйствіе, нежели каковое красота или изящность произвести можетъ. Красота, говорю, вещественная; ибо въ мысленной красотѣ или изящности и высокое даже заключаешь. При красотѣ

вещественной разумъ и чувствительность другъ съ другомъ согласны, и по причинѣ сего-то согласія красота насъ пленяешь. Но за тѣмъ также, по единой только красотѣ, не узнаешь бы намъ вѣкъ, что мы назначены и способны явить себя неподвластными плоти, чистыми духами. При высокому напрошивъ того, разумъ съ чувствительностію не согласуется. И въ этомъ-то самомъ раздорѣ ихъ состоитъ очарованіе, каковымъ душу нашу объемлетъ созерцаніе высокаго. Здѣсь физическій человекъ опъ нравственнаго человека самымъ рѣзкимъ образомъ отдѣляется; ибо у такихъ именно предметовъ, гдѣ первый чувствуетъ только ограниченность свою, получаетъ другой случай испытать свои силы, а чрезъ самое то безконечно возвышается, чѣмъ другой пригнѣтенъ ко праху.

Вообразимъ себѣ человека имѣющаго всѣ добродѣтели, изъ слиянія коихъ состоитъ характеръ *изящный*. Положимъ, что онъ въ томъ свое удовольствіе находитъ, чтобы быть правдивымъ, благодарнымъ, воздержнымъ, твердымъ и вѣрнымъ. Всѣ обязанности, налагаемыя ему общепользователями, да будутъ для

него легки и пріяшны, и форпуна да не зашруднить ему никакого дѣла, къ которому бы только подвигнулось сердце его челоуѣколюбивое. Кого не воскипишь поль изящное согласіе природныхъ склонностей съ предписаніями разума, и кто не полюбитъ шакого челоуѣка? Но можемъ ли мы, при всей къ нему приверженности, почто увѣрены бышь, что онъ въ истинномъ смыслѣ челоуѣкъ добродѣтельный и что его примѣромъ доказывается вообще существованіе добродѣтели? Ежели сей челоуѣкъ искалъ только пріянныхъ для себя ощущеній, то онъ не могъ, не бывъ безумцемъ, спуснашь иначе; и былъ бы ненавистникомъ собственной своей пользы, ежели бы вдался въ пороки. Можесть бышь и основаны дѣянія его на безкорыстїи: но объ эшомъ судишься ему съ собственнымъ своимъ сердцемъ; не намъ знашь эшо. Мы видимъ его исполняющаго только то, что исполнишь долженъ челоуѣкъ *благоразумный*, обожашель своего шокмо удовольствїя. Слѣдовашельно площю или чувстввенностїю изьясняешся весь феноменъ его добродѣтели; и намъ со всѣмъ не нужно искашь причину ея внѣ площї.

Но сей самый человекъ вдругъ, положимъ, впалъ въ великое несчастіе. Лишень имущества, добраго имени, — недугами повержень на мучительный одръ, — всѣхъ, кои ему любезны были, видишь смертію похищенныхъ, — всѣхъ, коимъ онъ довѣрялъ, видишь покидающихъ его въ нуждѣ. Въ такомъ состояніи поищемъ его, и потребуемъ теперь отъ несчастнаго исполненіе тѣхъ добродѣтелей, къ копорымъ счастливый сполько прежде готовъ бывалъ. Ежели въ семь пунктѣ найдемъ мы его по прежнему; ежели бѣдность не умалила въ немъ благошворительности, людская неблагодарность — услужливости, болѣзнь — швердости, собственное бѣдствіе — участія принимаемаго въ чужомъ благѣ; еспли переменна его обстоятельство примѣтна только по его наружности, а не по поступкамъ, по скуднѣйшему составу его дѣлъ, а не по худшему ихъ образу. Тогда конечно нельзя уже изъяснить сего понятіями въ Физикѣ почерпнутыми (по коимъ необходимо пребуется, чтобъ наспоюще основывалось на прошедшемъ, какъ дѣйствіе на причинѣ): нельзя, — поелику самое явное прошиворѣчіе было бы, пола-

гасть, что поже дѣйствіе происходитъ
отъ другой уже несогласной съ преж-
нею причиною. И такъ надобно опложишь
всякое при этомъ физическое изъясне-
ніе, и не приписывая вовсе обстоя-
тельствамъ или впечатлѣнію предме-
товъ такое поведеніе, искашь лучше
причину онаго не въ порядкѣ міра веще-
ственнаго, а въ порядкѣ инаго міра, до
каго разумъ идеями своими хоща и до-
лепаешь, но каго не можешь чувствен-
ность вмѣстить въ свои понятія. Сіе
открытіе неограниченной нравственной
силы независящей отъ условій физиче-
скихъ, придаетъ горестному чувству,
при видѣ такого человѣка нами овладе-
вающему, ту особенную не-изъяснимую
прелесть, которая находится въ высо-
комъ, и кромѣ его нигдѣ — ни въ какомъ
чувственномъ удовольствіи, коль бы
оное ни утончено было.

И такъ *чувство высокаго* служитъ
намъ способомъ выйти изъ чувстви-
тельнаго міра, въ которомъ *красота* охотно
бы желала навсегда задержашъ насъ плѣн-
ными. Не мало помалу (ибо отъ зависи-
мости нѣтъ постепеннаго перехода къ
свободѣ), но вдругъ, и чрезъ попрясеніе

изпоргаешъ [оно] самосуцный духъ изъ сѣпей сплешенныхъ ему ушонченною чувстввенноспію и кои пѣмъ неразрывнѣе, чѣмъ шонѣ ихъ сплешеніе. Хопя бы чувстввенноспь, непримѣпнымъ вліяніемъ изнѣженнаго вкуса, сполько уже взяла власпи надъ человѣкомъ,—хопя бы удалось ей уже подъ обольспишельною личиною *красоты духовной* вкраспья въ сердце, и завладѣвъ памо пресполомъ законодапельспва нравспвеннаго, оправишь свяшпость правилъ въ самомъ ихъ испочникѣ,—бываешъ однако нерѣдко одинъ ударъ *высокаго* доспашочень къ тому, чпобъ разпоргнушь сіе сплешеніе обмана и возврапишь связанному духу однимъ разомъ опяшь всю его упругоспъ, предспавишь ему предъ очи истинное предопредѣленіе его, и принудишь его хопя на минушу возчувспвовашъ свое доспоинство. Красота, подъ именемъ богини Калипсы, очаровала сына Улисова и могущеспвомъ прелеспей своихъ долгое время удерживала его на оспровѣ своемъ плѣннаго. Долго мечпаль онъ безспертпному въ ней Божеспву воздавашъ почпненіе, обожая шокмо Роскошь.— *Новысокое* впечашлѣніе мгно-

венно обымаетъ его во образѣ Меншора:
онъ воспоминаетъ благороднѣйшее пред-
опредѣленіе свое, бросаешь въ волны
и спановишся свободень.

(Окончаніе впродъ)

Ш. К Р И Т И К А .

Похвальное слово Императору Петру Великому, отцу отечества, мудрому преобразователю Россіи. — Сочиненное Гатчинскииъ первой гильдіи Купцоиъ Григорьеиъ Зубчаниновииъ 1811 года. С. П. Б. въ Типографіи И. Байкова, 1812 года.

Купецъ - литераторъ, естъ рѣдкое явленіе не только въ Россіи, но даже и въ нѣхъ спранахъ, гдѣ ученость давно процвѣшаетъ, и на множайщія соспоянія разироспраняется. Тѣмъ любопышнѣ видѣть опышъ Рускаго купца въ шакомъ родѣ сочиненій, копорый почищается однимъ изъ шруднѣйшихъ, — вишійшвѣ. Чипапель, можешъ бышъ, шакъ какъ и рецензеншъ, съ сомнипельною улыбкаю разкрылъ сочиненіе Гна Зубчанинова; не ожидая чтообъ *купецъ* могъ написашъ въ эшомъ родѣ что нибудъ пушное, когда уже и записные авшоры неувидили насъ *Похвальными Словами*

своими: однако, продолжая чипать съ шerpцвнiемъ, найдешь онъ дѣйспвипельно хорошія мѣста, — и ежели не всѣмъ будешь совершенно доволенъ, покрайней мѣрѣ безъ скуки до конца дочипаешь. Но и какой панегирикъ можешь бытъ правдивѣе и занимательнѣе для Рускаго! Кто изъ насъ не одушевится воспортомъ благодарности, чипая (въ самомъ даже дурномъ повѣспивованіи) жишіе величайшаго, человѣколюбиваго изъ царей, героевъ, законодательей Пешра Великаго! Мы уже видѣли силу сего чувства надъ Папріюшами Рускими: купецъ *Голиковъ* съ помощію шого сдѣлался испорикомъ Пешра Великаго, — покрайней мѣрѣ, прудолюбивымъ собирашелемъ его дѣяній. Сіе же чувство могло другаго купца шеперь сдѣлать панегиришпомъ его, даже послѣ Ломоносова.

Новый сей панегиришпъ не можешь конечно сравнишься съ Ломоносовымъ, въ правильности разположенія рѣчи и въ искусствѣ размѣщенія фигуръ рипорическихъ. Но въ замѣну шого можно найти у него шо, чего у Ломоносова нѣтъ; а именно: болѣе разнообразія въ предметѣ, болѣе испиинности въ чув-

спвахъ, благородную свободу мыслей и Философію, кошорая преподааетъ уроки Царямъ, предспавляя имъ въ безпрестанный примѣръ Петра Великаго, а въ прошивуположность къ нему нирановъ и чесполубцевъ, враговъ челоѵческаго рода.

Выпишемъ два, или при мѣста, для показанія чипашелю слога и образа мыслей Автора:

Спран. 30. „Герои познаются на по-
 „лѣ брани; но они часпо пожинають
 „лавры ошважноспію и крѣдоспію мышць
 „воиновъ своихъ, военною хипроспью,
 „не искусвомъ и ошибкою сопротивна-
 „го вождя, выгоднымъ мѣспоположеніемъ,
 „а нерѣдко и щаспиемъ, сопущспвую-
 „щимъ оружію. Но великія души позна-
 „ются въ великомъ бѣдспвіи. И чѣмъ бо-
 „лѣе бѣдспвіе, тѣмъ величеспвеннѣе яв-
 „ляется великая душа. Подобно какъ по-
 „знается искусный кормчій, поспигну-
 „шый бурею посреде неизмѣримыхъ пу-
 „чинъ, когда корабль его поглощаютъ
 „волны, когда молніи вокругъ его блиспа-
 „ють, когда разражаются надъ нимъ гро-
 „мы, когда мачпы сокрушаются, а онъ
 „и тогда не спращася разпоряжаетъ;
 Часть III. 13

„онъ крѣпкою рукою держишь кормило и
 „управляешь; онъ не спѣшишь спасаешь
 „жизнь свою, но ободряешь всѣхъ. Обо-
 „дряешь — и сохраняешь драгоценный
 „грузъ ему ввѣренный. Тако великій Мо-
 „нархъ въ крайнемъ бѣдспіи явилъ без-
 „примѣрное присушствіе духа своего.
 „Брега Пруша, вы свидѣтели тому! Онъ
 „въ военномъ станѣ окруженъ ополчені-
 „емъ враговъ. — Враги, какъ враны по-
 „крыли собою необозримую степь: пѣмо-
 „численное оружіе и стрѣлы ихъ подоб-
 „ны были мрачной тучѣ, сокрывающей
 „свѣтъ солнца. Онъ удаленъ отъ предѣ-
 „ловъ Россіи, всѣхъ средствъ и пособій.
 „Онъ во время темной нощи, когда у-
 „пруденные бранію воины сомкнули вѣ-
 „жди свои, и когда сладкій сонъ погру-
 „зилъ ихъ въ забвеніе, входилъ въ ша-
 „перъ свой. Онъ шамъ не покоился; но
 „размышляетъ, и размышляетъ не о со-
 „храненіи жизни своей и свободы, но о
 „славѣ Россіи и благоденствіи народа
 „своего. Онъ размышляя начерпалъ пи-
 „саніе Сенапу. „Я бѣдспивую! и когда
 „нещасіе постигнетъ меня, изберише
 „себѣ достойнаго *Монарха*, не внимающе
 „моимъ повелѣніямъ доколѣ меня не у-

„зрите : щастіе любезнаго моего опече-
 „схва да будешъ непоколебимо, нещастіе
 „мое да не пошрясешъ могущесхва и ве-
 „личія Имперіи. „ Мужъ мудрый и вели-
 „кій, кто подобень тебѣ бысшь ! Тотъ
 „еще не великъ, кто не умѣешъ пережитьъ
 „своего нещастія. Кашонъ ! ты сохра-
 „нилъ свою вольность; но оставилъ опе-
 „чесиво и не спасъ Римъ. “

Спран. 54. „Полководцы Рима, завое-
 „ватели вселенной, правящіе по зако-
 „намъ народомъ даннымъ, нарушающъ
 „законы. Мамершинцы напоминающъ на-
 „рушишелямъ, и гордый Помпей отвѣ-
 „чаешъ : преспанеш ли намъ швердидъ
 „о законахъ, — намъ препоясаннымъ ме-
 „чами.—Но Царь Россовъ, держай скипшрь
 „въ десницѣ, царь безпредѣльной власпи,
 „слѣдуешъ законамъ. Къ вамъ обращающъ
 „народы вселенной ! Васъ вопрошаю : чего
 „желаешъ ? Царя ли мудраго, правящаго
 „по законамъ, или законовъ безгласныхъ,
 „попираемыхъ препоясанными мечами? “

Панегирикъ оканчивается слѣдую-
 „щимъ воззваніемъ : „Россы ! я не вишя ;
 „но гражданинь. Я не могу украсишь до-
 „бродѣтелей *Великаго Монарха*. И къ че-
 „му украшенія добродѣтели ? Дѣла *Петро-*

„вы и добродѣтели его естъ (надлежало
 „бы: *суть*) неизобразимая красота! И
 „дерзая повѣспововать о дѣянїяхъ его, не
 „могу я изчислїшь подвиговъ его; но мо-
 „гу засвидѣтельствовать предъ попомъ-
 „спвомъ и вселенною о любви нашей и
 „преданности такому *Императору*, ко-
 „шорый трудами своими содѣлалъ вели-
 „кою Россїю; кошорый имѣлъ попеченїе
 „не о своемъ величїи и славѣ, но о на-
 „шей. Кошорый давъ намъ новое бышїе,
 „далъ и новыя чувства. Мы оныя умѣ-
 „емъ сохранять, умѣемъ наслаждаться
 „свободою и щасїемъ на насъ имѣ излі-
 „яннымъ. Да познаеть вселенная, что
 „мы слѣдуемъ не примѣрамъ другихъ на-
 „родовъ (рабоуспивующихъ безъ разли-
 „чїя); но чувствуемъ нашимъ и воскли-
 „цаемъ шѣмъ кого любяшь наши сердца.
 „Что мы благошворимъ шѣхъ, кошорые
 „дѣйствительна и нашего и вселенной
 „восклицанїя и обожанїя достойны. Да
 „познаеть вселенная, что народъ по-
 „мнишь Великаго благодѣтеля Ошца оше-
 „чества, и приносишь нелесное, но при-
 „яшнѣйшее благоговѣнїе и праху его. Да
 „познаеть вселенная, что народъ чувст-
 „вуя тако естъ и пребудеть великъ.“

Чищашель замѣшишь при семь не-
свойственное употребленіе слова: *вос-*
кличаніе (вмѣсто хвалебнаго или поздра-
вительнаго клика, воскликновенія, *asla-*
matio) и другія неисправности въ слогѣ,
о каковыхъ мы будемъ говорить послѣ.

Сіе *похвальное слово* можно назвашь
Историческимъ, въ тѣснѣйшемъ еще смы-
слѣ, нежели Карамзинаго похвальное сло-
во Екаперинѣ II. — Вишнѣя начинаеть по-
вѣщивать о герояхъ своемъ съ отроче-
скихъ его лѣтъ, и продолжаетъ по по-
рядку времени до самой его кончины.
Разсмаприваетъ его государственныя и
частныя, военныя и мирныя добродѣше-
ли, по мѣрѣ какъ оныя предспавляющся
ему съ произшествіями. Исправно ссы-
лаеться на авторовъ: Голикова, Туман-
скаго и пр. изъ коихъ заимствоваль дово-
ды свои и утвержденія. Въ приличныхъ
мѣстахъ приводитъ и собственныя Пе-
тра Великаго письма къ разнымъ осо-
бамъ — драгоценныя докуменшы, кои вся-
кой Россіянинъ съ удовольствіемъ пере-
читываешь будешь, не смѣря на пест-
рый ихъ *Голландско-Русской* языкъ: этошь
языкъ служиль выраженіемъ великихъ на-
мѣреній, добраго сердца, и проищашель-

наго, всеобъемлющаго ума. Одними документами сими, собранными вмѣстѣ, могло бы уже соспавишься прекраснѣйшее похвальное слово великому преобразителю Россіи.

Замѣтимъ теперь тѣ мѣста въ сочиненіи Гна Зубчанинова, кои пребуиють поправленія.

Во первыхъ, неловко самое вступленіе рѣчи. Оно начинается такъ:

„Россы!„

„Едва предки наши свергли иго Татарскаго порабощенія, едва только начинали забыватьъ шяжкую неволю, какъ паки настали времена смятеній и безначалія, — времена ложныхъ Дмиріевъ.“ — Эшо уже слишкомъ издалека начашо! Но посмопримъ, какъ свяжешся эшо начало съ продолженіемъ рѣчи о Пепрѣ? Вишя изчисляетъ за симъ бѣдствія, прешерпѣнныя въ тѣ времена Россіею опъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ; упоминаетъ о вѣроломномъ опшорженіи Шведами сѣверозападныхъ областей Россіи, и о подвигахъ Минина, спасшихъ Россію опъ владычества Польскаго. „Но—продолжаетъ Вишя — Россія

„съ скорбію еще взира́ла на спрану и
 „на сыновъ ея, насиліемъ оптьяпыхъ. Рос-
 „сы лишѣнные отечества, родспвенни-
 „ковъ и друзей, едва не спольшіе подь
 „владычествомъ чуждымъ сносили плѣнь
 „и рабство.“—Рецензентъ долго не могъ
 догадаться, о какихъ Россахъ идешь
 здѣсь рѣчь: поелику съ воцареніемъ Ро-
 мановыхъ, всѣ собспвенно Рускія обла-
 сти, Новгородъ, Смоленскъ и пр. возвра-
 щены изъ подь чуждаго владычества. Но
 здѣсь подразумѣваешь видно Авторъ *Ине-
 рію* и *Карелію*, остававшіяся за Шведами.
 „Они (ш. е. Ижорцы и Карелы) обремен-
 „енные печалію проспирали къ ней
 „(ш. е. къ Россіи) руки, спенали и мо-
 „лили избавишь ихъ плѣна и неволи.“
 „И се опть небесъ ниспосланное Божесп-
 „во, се изваяніе избавишеля и спасишеля
 „спраны сей! Но что я сказалъ? се извая-
 „ніе *Великаго Монарха*, Героя, Побѣдише-
 „ля, Законодателя, Виновника славы,
 „величія и блаженства Россіи.“ (При
 семь выноска: „Чишатель да предста-
 „вляешь, что онъ находишь предь па-
 „мяшникомъ Петра Великаго.“—!!)

„Россы! Потомство и иноплемен-
 „ные народы всегда будушь зрѣшь, что

„изображенный въ семь изваяніи былъ ша-
 ,кой Императоръ, который для величія,
 ,славы и блаженства народа своего жер-
 ,пвоваль своею жизнію и не имѣль по-
 ,коя; который не повѣспованіями ви-
 ,шій, но дѣяніями доказаль, что онъ
 ,быль премудръ, правосудень, благъ и
 ,великъ.“

Переходъ — опъ ложныхъ Дмипріевъ
 и опъ Минина чрезъ опняшья опъ Шве-
 довъ провинціи до монумента Петра
 Великаго — довольно крупъ. Да и за чѣмъ
 сіе изваяніе? Развѣ вишія не могъ ожи-
 вишь въ воображеніи чинапелей своихъ
 образъ Петра Великаго, не приводя ихъ
 на Исакіевскую площадь? . . .

Послѣ сего присхупа разпочаетъ
 Авторъ на 4 хъ страницахъ фигуры во-
 прошенія, *единонагати* и другіе цвѣшны
 риторическіе. Слова: „что можеть бышь
 „пріашнѣ“ и пр. повпорены одиннад-
 цать разъ сряду. „Я зрю, и пр. одиннад-
 цать же разъ.

Стран. 20. „Пріавъ бразды правленія
 на *одни рамена* свои.“ — вмѣсто: *брод-
 ды* ш. е. возжи; но и сіи не на рамена,
 ш. е. не на плечи берупъ, а въ руки.

Превознося великодушіе Петра при

взяши Нарвы, гдѣ собственнѣйшій мечъ его
 былъ обращенъ на защиту враговъ. го-
 ворить Авторъ (спран. 25): „Выписана-
 „нія не являють намъ поликаго снзхож-
 „денія, ни въ царяхъ, ни въ полководцахъ.
 „Они являють намъ разореніе городовъ,
 „огнь и смерть побѣжденнымъ.“ Въмѣсто
снизхожденія посшавиль бы я здѣсь при-
 личнѣйшее слово: *гелдѣрколюбіе*.

Черезъ нѣсколько спрокъ слѣдуешь
 сравненіе или пропивуполуженіе со-
 всемъ неумѣспное между мечемъ, копо-
 рый опъ Траяна врученъ былъ одному
 Римскому Трибуну, на жизнь его поку-
 шавшемуся, и мечемъ, копорѣтъ Пепръ
 воздержаль необузданность своихъ вой-
 новъ при взятіи Нарвы. Мы выпишемъ
 сіе мѣсто: „Траянъ, подавая мечъ Началь-
 „нику Рима, сказалъ: возьми сей мечъ,
 „есъли я буду царствовать по законамъ,
 „шо упошреби его за меня, есъли буду
 „пиранъ, шо обрати прошивъ меня. — Но
 „здѣсь мечъ, изъятый прошивъ враговъ,
 „обращенъ на защиту ихъ.“

Спран. 38. „Но что я зрю! Не мечта
 „ли, не видѣніе ли, не обманываетъ ли
 „меня воображеніе мое! — Нѣтъ! не мечта;
 „но истинное бытіе! „— Что шакое?—

„Императоръ шествуесть къ шемницамъ
 „и отверзаесть ихъ, разрѣшаесть узы ви-
 „новныхъ; прощеніе! свобода! рекъ Опець
 „Опечества! о радость неизъяснимая! и
 „вселенная вѣщаесть: Монархъ Россовъ
 „Опець Опечества!“—Даруемое прощеніе
 виновнымъ для радости какого нибудь
 торжественнаго дня есть поступокъ въ
 обычай вошедшій у всѣхъ Государей,
 въ которомъ сколько же можешь участво-
 вавъ полишка, сколько истинное ми-
 лосердіе; а потому и кажется, что сей
 поступокъ такихъ эмфатическихъ вос-
 клицаній не заслуживаетъ.

Стран. 41. „Въ странѣ, гдѣ не было
 „просвѣщенія, гдѣ народъ не чувствовалъ
 „славы и чести, гдѣ народъ былъ порабо-
 „щенъ, гдѣ не было другаго имени, кромѣ
 „имени холопъ.“ Это говоришь Авторъ о
 состояніи Россіи до Петра Великаго.
 Но не слишкомъ ли уже униженъ!
 Такъ могушь отзываться только ино-
 странцы, которые злы на Россію!..

Стран. 90. „Они (т. е. Русскіе до Пе-
 тра) не имѣли гражданскаго книгопеча-
 „танія единственнаго средства къ про-
 „свѣщенію.“—?? Развѣ нельзя бы было съ

буквами церковной печати достигнуть до просвѣщенія?

Спран, 92. „Уже воспочныя поселенія наши на берегахъ Америки. Мы и шамъ производимъ свободно, удобно и безопасно, шакъ какъ переходимъ въ со-сѣдній домъ на пирь:“— Производимъ—что?

Спран. 95. „Повелѣніе произвело „справедливостъ, защищу царства и щасіе народа;“ и шамже чрезъ нѣсколькo „срокъ:„ хотѣлъ лучше престать бытъ „царемъ, и не царствовать, нежели нарушить увѣреніе.“ Кто пойметъ, что здѣсь повелѣніе значить искусство или умѣніе повелѣвать; а *увѣреніе*: вѣрностъ, храненіе даннаго слова?

На спран. 154. Вишія зоветь слуша-телей своихъ въ храмъ, гдѣ покоишься прахъ Пепра Великаго, и надъ гробницею его заспавляешь ихъ сказашъ дѣшьямъ своимъ какіе-то стихи Богдановича:

„Сей камень, камень покрываетъ
И тошъ камень кто о немъ слезъ не про-
ливаетъ.“

Но мы надѣмся, что слушатели не скажутъ дѣшьямъ своимъ такихъ дурныхъ стиховъ, кои изъ одной игры словъ.

состоять и содержатъ въ себѣ самую нелѣпую похвалу.

Замѣшимъ еще нѣкоторыя, такъ скажемъ, дурныя привычки нашего Автора: у него вездѣ *Порфира и Виссонъ*, когда говорится о царскомъ облаченіи; хотя Виссонъ совсемъ не принадлежишь къ оному. *Князья и Бояра*, когда говорится о Вельможахъ; хотя довольно бы было однихъ Бояръ, ибо и при Алексѣѣ Михайловичѣ уже точно такъ какъ теперь Князья у насъ не были урожденными Вельможами. Шведовъ вездѣ называешъ онъ *Готвалми*, а Татаръ *Гуннами*! *Источники Сибирскихъ горъ*; стр. 90: изъ *источниковъ* Пошозскихъ стр 92: вмѣсто *рудниковъ*!

Ингермоландія (стр. 24); преобрѣспи, преобрѣшешъ, (стр. 15); непрекосновенну (стр. 29); вмѣсто приобрѣспи, неприкосновенну. Не говорю уже о типографскихъ ошибкахъ, о не соблюденіи препинаній и пр.

В.

*О фосфорной кислотѣ, яко вѣрнѣйшемъ
средствѣ противѣ гнилости, сочиненіе
Карла Эккартсгаузена. Перевелъ
У. М. Вѣ С. Петербургѣ, въ Типогра-
фіи Дрехслера, 1811 года. (*)*

Нѣсколько лѣтъ уже извѣстно въ сло-
весности нашей имя Нѣмецкаго писате-
ля *Эккартсгаузена* по переводамъ мно-
гихъ его сочиненій, и не смотря на то,
что сей писатель въ Германіи никогда
не имѣлъ имени истинно ученаго писа-
теля, и что большая часть его творе-
ній сколько темна и непонятна, столь-
коже и бесполезна, если не вредна, — у
насъ, къ сожалѣнію, доселѣ ошъ многихъ
почищается онъ насоящимъ Оракуломъ
просвѣщенія. Сіе предубѣжденіе, совер-
шенно неосновательное, и молчаніе ре-
цензентовъ, какъ бы одобряющее ложныя
мнѣнія о *Эккартсгаузенѣ*, побудили ме-
ня сдѣлать замѣчанія на сіе сочиненіе.

Авторъ ссс павиль оное изъ хими-
ческихъ и врачебныхъ положеній о до-
брошѣ воздуха, о кислотахъ, о чистощѣ

(*) Сія рецензія прислана въ Общество ошъ неизвѣстнаго.

и порчѣ воздуха, о составныхъ частяхъ онаго, о произхожденіи заразы въ воздухѣ, о шрехъ разныхъ заразахъ онаго и ихъ дѣйствіяхъ на тѣла, о порчѣ воздуха во время скопскаго падежа, и на послѣдокъ о фосфорной кислотѣ въ особенноти; все же сіе прикрасиль по обыкновенію своему Мешафизико - моральнымъ введеніемъ о вредныхъ дѣйствіяхъ спрасшей человѣческихъ, а Г-нь У. М., переводчикъ и по видимому искренній почишатель *Эккартсгаузена*, не забыль съ своей стороны напечатать VIII спраницъ Предувѣдомленія въ похвалу опличныхъ достоинствъ своего Авшора и его сочиненій.

Слѣдуя порядку книги, мнѣ надлежало бы начать мои замѣчанія съ предувѣдомленія: но по долгу предпочтенія начну съ Авшора.

Спр. 10. „Со времени, какъ Химики опкрыли, что обыкновенный атмосферный воздухъ, коимъ мы дышемъ, разлагается еще на разныя другіе, копорыя названы газами, и копорыя сущь какъ бы составныя части его, наука естесства сдѣлала великіе успѣхи.“

Такъ начинаешь Г. Эккартсгаузенъ

свое сочиненіе, и Г. переводчикъ, сколько примѣшно, не унижилъ своимъ переводомъ слогъ Автора: но Г. Эккарпсгаузенъ, при столь пышномъ началѣ, забылъ только одно — основательность познанія о своемъ предметѣ. Атмосферный воздухъ, всегда обыкновенный, есть шѣло сложное, но не разлагающееся на разные другіе воздуха, а раздѣляющееся на сложныя же и только нѣкоторыми общими свойствами сходствующія между собою шѣла, называемыя воздухообразными жидкостями, или газами: ибо онъ есть только механическая смѣсь извѣстныхъ газовъ, а не химическій составъ оныхъ, который бы подлежалъ разложенію; изъ чего слѣдуетъ, что Г. Эккарпсгаузену не извѣстно даже опредѣленіе разложенія, химическаго сродства и механическаго смѣшенія или силы скопленія. Впрочемъ, можешь быть, съдѣсь ошибка переводчика, а не автора; но переводя ученое сочиненіе должно знать собственный, такъ сказать, языкъ науки, дабы не подать повода къ заблужденію.

Далѣе Г. Эккарпсгаузенъ пишетъ: „Къ числу чудесъ нашего вѣка принадлежишь и открытіе разныхъ родовъ воздухавъ,

между коими пакъ названный *обезгорюженный*, копорый Присплеемъ справедливо наименованъ *жизненнымъ*, естъ Царь надъ всѣми. „

Иперболическое выраженіе Г. Автора: *къ числу чудесъ*, здѣсь со всемъ не у мѣсте: опкрытія въ природѣ предметовъ, доселѣ бывшихъ неизвѣстными, чудесъ не соспавляющъ. Слово же *обезгорюженный* показываетъ, что Г. Экартсгаузенъ пишетъ по шой системѣ Химіи, копорая основана была Шпалемъ на мнимомъ горючемъ существѣ или флогиспонѣ, коимъ Шпаль и его послѣдователи думали дополнить пустоты, оставшіяся во время ихъ въ химическихъ изъясненіяхъ опы недоспашка опышовъ и наблюдній, произведенныхъ и объясненныхъ послѣ. Но за то почти лѣтъ до появленія въ свѣтъ разбираемаго мною Экартсгаузенова сочиненія обнаружены были несовершенства Шпалевой теоріи, Флогиспонъ опровергнутъ совершенно и система Химіи получила вовсе прошивной видъ; изъ чего слѣдуесть, что нашъ Авторъ долженъ бы уже, выдавая себя за Химика, знасть Химію Антифлогистическую и писать по ней, оставляя прежнія выдумки, дабы

самому ему исполнишь симъ обязанность истинно свѣдущаго Химика, не ввеси менѣе свѣдущихъ въ заблужденіе и доспавишь своимъ сочиненіемъ надлежащую пользу. Если же онъ зналъ сиспему Аншифлогистическую, а шерминами противной сиспемы хотѣлъ показатъ только, что ему извѣстно и Шталевое ученіе: то онъ сполько же не правъ и съ сей стороны, помрачая понятія ложными шерминами и умаляя симъ достоинство своего сочиненія. — Но что разумѣетъ Экарпстаузенъ подѣ словами: *разные роды воздуха*: то вѣрно извѣстно только ему и его послѣдователямъ; мы же знаемъ одинъ воздухъ — атмосферный, а воздухообразныя постоянныя жидкости называются въ наше время и за долго до сочиненія Экарпстаузенова, п. е. до 1797 года, назывались газами, кои впрочемъ особенными своими свойствами вообще отличны отъ атмосфернаго воздуха и не соспавляютъ родовъ онаго.

Спр. 10. „Узнавъ свойства сего воздуха, нашли, что онъ по особенной своей чистотѣ удобнѣе всѣхъ къ дыханію; ибо человекъ дышущій имъ чувспивуетъ нѣкое особенное удовольствіе, и симъ

воздухомъ можно бы не сказанно долго продлить жизнь челоуѣка и пр.,

Здѣсь видно, что Г. Авшоръ не знакомъ съ понятиями о газахъ, кои называешъ воздухами; и хопя мнѣнїя свои излагаешъ онъ споль увѣришельно, что не знающій Химїи не осмѣлился, можешь бышь, въ нихъ ни мало усумнишься, но разборъ ихъ покажешъ, что всѣ они совершенно ложны. — Обезгорюченный воздухъ его, справедливо именуемый по системѣ анпифлогистической кислороднымъ газомъ, не по особенной чистотѣ, какъ говоришь Экартсгаузенъ, но по особенному свойству своему и свойству органическихъ швъ, удобнѣе прочихъ газовъ для дыханїя живопныхъ: ибо прочіе газы въ самомъ чистѣйшемъ состоянїи вовсе не способны для дыханїя и даже убійственны. Не менѣе погрѣшилъ нашъ Авшоръ и въ заключенїи своемъ о удобности кислороднаго газа для дыханїя по ощущаемому удовольствию при вдыханїи онаго: ибо въ Химїи извѣстенъ одинъ газъ неспособный для дыханїя, но при кратковременномъ вдыханїи доставляющій особенное удовольствїе. Сей газъ естъ ничто иное, какъ окись удушливаго

газа: но видно Г. Эккаршгаузенъ не зналъ объ ономъ. — Также ошибся Г. писатель и въ томъ, чшобы помощію кислоторнаго газа можно было несказанно долго продлить жизнь человѣческую: опыты сему совершенно прошиворѣчанъ. Кислоторный газъ ускоряетъ дыханіе, произведеніе живошной теплошы, кровообращеніе и зависящія отсюда отправления живаго организма: но за то дышущій имъ организмъ скорѣе и умираетъ, нежели въ обыкновенномъ атмосферномъ воздухѣ, гдѣ дѣйствіе кислоторнаго газа умѣряется примѣсью удушливаго; а по сему чистый кислоторный газъ, по справедливому сравненію Шапшала, столь же мало полезенъ для дыханія живошныхъ, какъ перегнанная вода для пищи. — Сіе болѣе вредное, нежели полезное дѣйствіе чистаго кислоторнаго газа на живой человѣческой организмъ извѣстно какъ въ здоровомъ состояніи организма, такъ и въ болѣзненномъ, не смотря на то, что въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ доставлялъ онъ временное облегченіе, и что есть вещество необходимо нужное для дыханія и жизни. — Отсюда явствуешь, что Г. Эккаршгаузенъ совсемъ не зналъ того, о

чемъ писалъ. Вооружимся однако шерпѣ-
ніемъ и послушаемъ его далѣе.

„Онъ (кислотв. газъ) естъ жизнен-
ная сила челоуѣка — бальзамъ цвѣповъ,
причина цѣлебныхъ свойствъ правъ, наи-
драгоцѣннѣйшій подарокъ природы, чи-
стѣйшій источникъ здравія и жизни жи-
воныхъ. „

Здѣсь Г. Экарпсгаузенъ открываесть
намъ великую тайну природы. Смѣлою ру-
кою совлекая непроницаемый покровъ, до-
сель скрывавшій основаніе жизни нашей,
онъ показываесть намъ сіе непоспижимое
существо и нарекаесть оное кислотвор-
нымъ газомъ но вмѣстѣ сего спайнспвенна-
го существа мы видимъ полько одно чудо-
вищное произведеніе его невѣжества. Ки-
слошворный газъ соспавляесть необходи-
мую поспребноспъ жизни; но не соспав-
ляесть основаніе оной, шочно такъ, какъ и
разныя другія веществва необходимо нуж-
ныя для жизни, и сія испинна дознана
всѣми; опкуда же Г. Экарпсгаузенъ по-
черпнулъ свое нелѣпое мнѣніе, какъ не изъ
невѣжества своего? — Но взглянемъ на
мнѣніе его еще съ другой спороны, и
шогда увидимъ, что онъ самъ вѣришь и

своихъ чисташелей заставляешь вѣришь чистому материализму: ибо признавая жизненную силою человека кислородный газъ, онъ признаетъ основаніемъ жизни вещество, не смотря на то, что невещественность жизненной силы, возбуждаемости или (что все одно и тоже) души, не подлежатъ ни малѣйшему даже сомнѣнію, а не только опроверженію, и самому ему стоило только взглянуть на живой и мертвоу организмъ, чтобы увѣришься въ общей истиннѣ. Столь же ложны и прочія его мнѣнія, что кислородный газъ есть бальзамъ цвѣтущей и причина цѣлебныхъ свойствъ травъ: ибо бальзамы и газъ сей суть тѣла совершенно различнаго рода, а цѣлебныя свойства травъ не зависятъ отъ сего газа, поколику оный не находится въ растеніяхъ, какъ соспавшая часть; если же, какъ показываютъ опыты, изходитъ изъ нихъ при дѣйствіи свѣта, то сіе зависитъ отъ разложенія воды, содержащейся въ растеніяхъ, а не отъ того, чтобы газъ сей былъ соспавшая часть растеній. — Правда, выраженіе Г. Эккартсгаузена могло бы подходить ближе къ истиннѣ, если бы онъ, на мѣсто обезгорю-

ченнаго воздуха или кислороднаго газа, послѣдовалъ основаніе онаго — кислородное вещество, которое дѣйствительно принадлежитъ къ составнымъ частямъ растений, и оныя котораго нѣкоторыя изъ нихъ, но не всѣ, имѣютъ извѣстные врачевныя свои свойства: но Г. Экарпсгаузену неизвѣстно сіе различіе; а изъ сего видно, что онъ не имѣетъ самыхъ первыхъ понятій въ Химіи, хотя и силится показать себя знающимъ. Дабы же еще болѣе увѣрился въ его невѣжество, стоить прочесть слѣдующее за вышеприведеннымъ выраженіе:

„Многіе вѣки оставался онъ невѣдомымъ, скрываясь во всѣхъ царствахъ природы: въ горахъ, корняхъ и минералахъ, и заблуждавшіе Химики мучительно выгоняли его изъ оныхъ вонъ чрезъ свои респираторы.“

Съ давнихъ временъ принято всѣми естественными вообще раздѣленіе природы на 3 царства: царство животныхъ, растений, ископаемыхъ, и сіе раздѣленіе извѣстно всякому, кто хотя самонаибольшее имѣетъ понятіе о природѣ, исключая знаменитаго нашего Автора, который вопреки разсудку раздѣляетъ въ при-

родъ sprawy и кореня, какъ будто сущесва совсемъ различнаго рода, соспавляешъ изъ нихъ два царсва природы и между шѣмъ исключаетъ изъ еспесва — живошныхъ. Изъ сего видно, сколь ничпожны познанія Г. Экартсгаузена и сколь нелѣпы его сужденія. — Я не хочу уже оспанавливатъся на словахъ: *зблуждавшіе Химики*, и доказыватъ, что онъ несправедливо называетъ древнихъ Химиковъ заблуждавшими въ томъ, чего они вовсе не знали: неосновательность Г. Экартсгаузена видна здѣсь сама собою. Осспавляю также и слѣдующія далѣ положенія его, равно неосновательныя; въ разсужденіи же такъ названныхъ имъ 11 ши правилъ, напечатанныхъ на II, 12 и 13й спраницахъ, скажу только то, что они не заслуживаютъ даже никакого возраженія, какъ совершенный вздоръ. Но какъ на 14й спраницѣ Г. Экартсгаузенъ опъ теоріи переходитъ къ практикѣ, и общаетъ опытами доказыватъ свои мнѣнія, то и я перейду къ онимъ.

Спр. 14. „Химическіе опыты подтверждаютъ: 1. Что чистый жизненный воздухъ упругимъ своимъ веществомъ препятсвуетъ гніенію. — Положи ку-

сокъ гнилаго мяса въ бушылку наполненную чистымъ жизненнымъ воздухомъ; увидишь, что оно въ короткое время сдѣлается опять свѣжимъ., ,

Упругость газовъ, слѣдственно и кислоторогаго, зависящъ отъ теплошвора, содержащаго основанія оныхъ въ распвореніи; теплошворъ же не только не препятствуюетъ гніенію, но способствуюетъ оному и даже необходимо нуженъ для того; а изъ сего слѣдуешь, что Г. Эккартсгаузенъ опять сказалъ неправду. — Несвѣжее мясо и сгустившаяся кровь краснѣютъ, правда, въ кислоторожномъ газѣ, но гнилые не дѣлаются свѣжими; а напрошивъ сего изъ опытовъ извѣстно, что сей газъ способствуюетъ гніенію живошныхъ шѣлъ и что гніеніе возпящается, коль скоро прекращень доступъ кислоторогаго газа къ гнющему шѣлу.

3. „Чистый жизненный воздухъ непременно нуженъ къ сохраненію какъ растительныхъ, такъ и живошныхъ шѣлъ. Опыты подшверждають, что безъ него ни свѣча горѣтъ, ни живошное жишь не можеть: слѣдовательно онъ есть начало жизни въ Физической природѣ., ,

Что чистый кислородный газ не непременно нужен для растений и животных, о томъ я говорилъ выше. Хотя же и справедливо то, что горѣнія нельзя произвести безъ кислороднаго, но только не газа по необходимости, а вещества, и что животные, только дышущія, безъ сего газа жить не могутъ: однако изъ этого не слѣдуетъ, что газъ сей есть начало жизни въ физической природѣ (симъ прилагательнымъ, кажется, Экаршгаузенъ хочеть поправить свой материализмъ, выше мною замѣченный); ибо онъ, или почтѣе сказать, основаніе его есть только необходимо нужное, но не единственное необходимое побужденіе для явленій жизни, о чемъ я также говорилъ выше. Не смотря однако на уловку, кою Экаршгаузенъ хотѣлъ прикрыть здѣсь свой материализмъ, чрезъ 10 спрокъ, изъ коихъ первыя пять, къ удивленію, совершенно справедливы, опять обнаруживаешь оный слѣдующимъ Софизмомъ:

Стр. 15. „б. Какъ для жизни животного необходимо нужно поглощеніе жизненнаго воздуха: то чѣмъ болѣе бываетъ сіе поглощеніе, тѣмъ веселѣе, бодрѣе и силь-

нѣе бываетъ живошное. Ипакъ жизненный воздухъ естъ начало живошныхъ силъ. „

Сей софизмъ послѣ представленныхъ мною опроверженій не заслуживаетъ никакого особеннаго вниманія; не понятнo здѣсь шолько то, какъ Г. Эккартсгаузенъ, при всей своей всеобъемлемости, которую превозноситъ въ немъ переводчикъ его (Предувѣдомл. спр. VI), могъ не знать или забыть, что живошное, находящееся въ матернемъ чревѣ, бываетъ живо и при томъ не дышетъ, или, иначе скажешь, не поглощаетъ жизненнаго воздуха до самаго своего рожденія, и что живущій безъ дыханія зародышъ имѣетъ силы, и слѣдственно бодрость. Непонятно еще и то, какъ Г. Эккартсгаузенъ могъ впастъ въ материализмъ, будучи *трансцендентальнымъ Богословомъ*, какъ называетъ его Ширенгель, и какимъ выказываетъ онъ себя въ мрачныхъ сочиненіяхъ своихъ, къ сожалѣнію, переведенныхъ на нашъ языкъ и хвалимыхъ многими. — Опдадимъ однако должную справедливостъ ему въ томъ, что въ разбираемомъ мною сочиненіи изрѣдка открываются истинны, оправданныя несомнѣнными доказа-

пельспвами; пакъ на пр. на той же 15й страницѣ весьма справедливо сказано: „что основаніе чистаго воздуха въ атмосферѣ есть начало всѣхъ кислотъ, которыя прежде почитались за особенныя сущности, но въ самомъ дѣлѣ онѣ суть составныя существа;“ жаль только что сія истинна выражена переводчикомъ не только неправильно, но и превратно: вмѣсто *основаніе чистаго воздуха въ атмосферѣ* должно было сказать: *основаніе кислотворнаго газа*; вмѣсто *особенныя сущности*, *особенныя вещества*; а вмѣсто *составныя существа — сложныя вещества*, каковыя погрѣшности показываютъ, что нашъ переводчикъ споль же мало знакомъ съ Химією, какъ и его Авпоръ. — Впрочемъ истинна сія, при всей своей несомнѣнности, служить новымъ доводомъ неосновательности познаній Г. Экарпсгаузена: ибо она показываетъ, что ему извѣстно основаніе Антифлогистической Химіи и что онъ признаетъ ея истинны, но не зная оной сполько, сколько потребно для настоящаго Химика, смѣшиваетъ съ Флогистической, по есть: бышіе съ ничпожесствомъ, и симъ производить нелѣпности,

свойственныя только его воображенію. Доказательства сего находяща на всѣхъ страницахъ разбираемаго мною сочиненія; а посему дабы не упоминуть вниманіе читателей, я оканчиваю разборъ химической части Экарпсгаузенова сочиненія и перейду къ части врачебной.

На стр. 44 Экарпсгаузенъ, начиная разсужденіе о *заразахъ*, говоритъ: „Заразы воздуха различны; но всѣ онѣ различающа мѣрою пресыщенія атмосферной влажности мепфическимъ, горючимъ, или постояннымъ воздухомъ.. Но удушливый (мефическій) и водопорный (горючій) газы не только не могутъ пресыщать атмосферную влажность (воду), но и насыщаютъ ее; ибо съ нею не соединяются, и избытокъ сихъ газовъ въ атмосферѣ заразъ не составляетъ, хотя каждый изъ нихъ можетъ произвести болѣзненные явленія въ живомъ организмѣ и даже смерть, при большемъ, или меньшемъ недостаткѣ газа кислороднаго.

„По разности смѣшенія сихъ газовъ происходитъ такая или такая кислота, и по качеству составныхъ ея час-

шей, она есть либо мефитическая, либо горячая, либо постоянная. Ни ость какого смѣшенія сихъ газовъ не производится и не можешь произойти никакая кислота: ибо для образованія кислотъ попребно кислотворное вещество, безъ коего не можешь бытъ ни одна кислота, и Г. Экартсаузенъ забылъ здѣсь то, что говорилъ на страницѣ 15, проповорѣча самъ себѣ. По сему нѣтъ никакой кислоты собственно мефитической, либо горячей, либо постоянной.

Спр. 45. „Каждый заражающій ядъ можешь бытъ разложенъ и изслѣдованъ, ешьли достанешь его кислоту и оную разложишь на воздуха. — Прочитавъ сіе выраженіе не лзя не удивиться, сколь плодовитъ Г. Экартсаузенъ въ своихъ бредняхъ и съ какою безстыдною увѣришельностію предлагаетъ оныя. Не зная различія ни между ядами, ни между заразами, бредишь о кислотахъ, какъ будто объ основаніяхъ оныхъ, не помысливъ о томъ, что не всѣ яды кислоты, и что до сихъ поръ въ разныхъ заразахъ не только никто не могъ открыть присутствія кислотъ, но на противъ того замѣченъ недоспапокъ кислотворнаго вещества,

какъ то подтверждаетъ особенная польза употребленія различныхъ кислотъ въ заразительныхъ болѣзняхъ. — Я не вхожу уже въ разборъ прочихъ его бредней, на койже страницѣ помѣщенныхъ: но въ доказательство рѣдкой неосновательности замѣчу, что на слѣдующей 46 страницѣ онъ проповорѣчиваетъ тому, что сказалъ на предшешей и опровергаетъ самъ себя. Увѣряя, что каждый заражающій ядъ можешь быть разложенъ и изслѣдованъ, ниже говоришь о невозможности разлагать и изслѣдовать оныя. На слѣдующей же 47 страницѣ опять впадаетъ въ прежній бредъ: „присупая къ леченію заразительной болѣзни, должно прежде всего изслѣдовать ядъ ея, и стараться разложить оный химически, дабы узнать настоящія составныя части онаго.“ Вотъ Логика мудраго и всеобъемлющаго Экарпсгаузена! Вотъ достоинство его сочиненія, къ спыду времени нашего переведеннаго на языкъ нашъ! — Я останавливаюсь на половинѣ онаго: ибо остальная часть наполнена такимъ же вздоромъ; но въ заключеніе разбора моего не могу не упомянуть о главномъ предметѣ сочиненія. Г. Экарпсгаузенъ

предписываетъ растворять фосфоръ (спр. 81 и слѣд.) въ шепломъ укусуѣ и выхваляетъ употребленіе сего раствора въ скопскомъ падежѣ: но неосновательность, съ какою Экарпстаузенъ описалъ предметъ свой, нелѣпости, коими наполнилъ твореніе свое, опасность приготовленія, дороговизна, а не менѣе и ненадежность его средства, не смотря на похвалы ни Химіи, ни врачебной науки незнающаго Экарпстаузена, — дознанная польза и надежность другихъ средствъ, извѣстныхъ врачамъ, дешевость, и удобность приготовленія и употребленія, содѣлываютъ предложеніе и сочиненіе нашего Автора незаслуживающими никакого вниманія.

Для чего же переведено это сочиненіе. — Вѣрно для того только, что Г. У. М. есть искренній почитатель Экарпстаузена, вѣришь его бреднямъ и насъ Русскихъ, благодаря просвѣщенію времени нашего, познакомившихся уже съ Физическими науками, хочешь заславить вѣришь помуже. Доказательствомъ сего служатъ 6 страницъ предувѣдомленія Г. переводчика, и вошь слова его „Послѣ того, какъ мы осна-

Г. Эккарпсгаузена, вышли въ свѣтъ въ Москвѣ двѣ новыя книжки:—которыя разбудили любопытство, но не удовлетворили вкусу любителей сего почтеннаго писателя. — Въ первой Г. переводчикъ не попекся о ясности и пр. оныя чегомногіе усумнились въ Авторѣ ея и спрашивали у насъ: подлинноли книга сія естъ сочиненіе покойнаго Эккарпсгаузена? — Далѣе: „Эккарпсгаузенъ не то, что Бемъ; не то, что Гюнь; не то, что Шциллингъ;—онъ писалъ все для учившихся и упражняющихся въ наукахъ.“ — Но показавъ заблужденія Г. Эккарпсгаузена не лзя согласишься съ Г. переводчикомъ въ почтеніи къ его Автору, сколько бы переводчикъ ни хвалилъ и сколькобы ни любилъ его; тѣмъ менѣе еще можно согласишься въ томъ, чтобы Эккарпсгаузенъ писалъ все для учившихся и упражняющихся въ наукахъ: ибо невѣжество его столь велико, что онъ не могъ писать для учившихся и упражняющихся въ наукахъ, и самому Г. переводчику стоило бы только взглянуть въ какую либо классическую систему Химіи, каковыя естъ уже и на нашемъ языкѣ, или справиться у коголибо изъ зна-

ющихъ Химію, дабы имѣшь испинное понятіе о Экарпсгаузенѣ, разувѣришься въ мнѣніи своемъ и не перяшь пруда для перевода споль вздорнаго сочиненія. Это обспояпельство показываешь между шѣмъ, чшо переводчикъ споль же мало и самъ знакомъ съ Химическими познаніями какъ и Авшоръ его, чшо мною замѣчено уже выше: а посему гораздо бы лучше было сдѣлано, если бы онъ не прудился переводомъ своимъ обременяшь вниманіе просвѣщенной публики нашей, разсѣвашь ложныя мнѣніа въ людяхъ любопытныхъ, но не знающихъ ни Химіа, ни Медицины, и вводиль въ заблужденіе пышными разсказами о Экарпсгаузенѣ людей довѣрчивыхъ, на щепъ испиннаго просвѣщенія, которое каждому сыну опечесства должно бышь драгоцѣнно для пользы общей.

Можно согласишься съ переводчикомъ, чшо, ешь шакіе рѣдкіе, всеобщіе, или универсаленые умы, для которыхъ изъ принадлежащаго человѣку нѣшь ничего чуждаго,; но можно согласишься шолько въ шомъ смыслѣ, чшо бы признашь въ сихъ универсальныхъ умахъ охоту писашь или бредишь все, чшо ни взду-

маешься, и бредни сіи выдавашь за испинну. Въ семь смыслѣ конечно, къ числу шаковыхъ немногихъ умовъ, какъ говоришь переводчикъ, принадлежалъ и Экарштгаузенъ, не гнушавшійся опъ самыхъ вышнихъ созерцаній низходишь до самыхъ низкихъ опышовъ, опъ разсмашириванія всеобщей единицы, до изслѣдованія искусства фокус-покусниковъ, чѣмъ изумляешь онъ непривыкшихъ къ шаковой всеобъемлемости: „ибо не много можно найши шакихъ писателей, кои бы подобно ему шоль же способны были мѣшашь Мешафизику съ Арифметикою, Богословію съ Химією, нравоученіе съ скошповрачебкою наукою, пылинки испинны съ грамадами лжи, и опъ созерцанія сущесства души низходишь до опышовъ въ клѣвахъ, а опъ Философическаго разсмашириванія природы до шарлапанства. Съ сей стороны Экарштгаузеанъ неоспоримо ешь *особнякъ*, какъ называешь его переводчикъ; но, кажешься, и переводчики подобныхъ сочиненій шакже *особняки*.

Впрочемъ, поколику всякъ воленъ думать по своему произволу, шо и Г. переводчикъ воленъ думать объ Экарштгаузенѣ по своему; испинно жаль шолько

того, что сей писатель по какому-то непонятному предубеждению уважается многими соотечественниками нашими, не смогая на нелюбимы и даже вредъ вздорныхъ сочинений его, которыхъ вмѣсто того, чтобы служить къ просвѣщенію читателей, подъ маскою какого-то таинственнаго откровения водятъ только ошъ заблужденія къ заблужденію и совращающъ съ пути истины умъ нешвердый въ крипикъ. Правда, сколько мнѣ случалось видѣть и слышать любителей Эккартсгаузена, я никогда не находилъ въ нихъ людей съ основательнымъ просвѣщеніемъ, и даже примѣнилъ, что они не понимали большую часть мнимыхъ его мудростей: но предубѣждение продолжается,—и мнѣ недавно случилось видѣть, что одинъ книгопродавецъ нашъ не хотѣлъ взять менѣе 100 рублей за сочиненіе Эккартсгаузена: *Ключъ къ таинствамъ природы*, которое весьма желалъ купить нѣкто за 60 рублей, думая, что найдетъ въ немъ глубочайшую премудрость; а сіе обстоятельство показываешь уже, сколь дорого цѣнятся у насъ Эккартсгаузовы бредни, сколь много уважающъ его, и сколь мало шакковыя

любители Экарпсгаузена занимающіяся истиннымъ просвѣщеніемъ, діаметрально противоположеннымъ мнимому его просвѣщенію, — не зная, или нечувствуя того, что гораздо лучше даже оставаться съ природнымъ разсудкомъ своимъ, нежели съ слѣпою легковѣрностію искашь свѣта во тьмѣ Экарпсгаузиной, глубокой и опасной, — нежели вдаваться въ *уленія странна*. А по сему желательнѣе, что бы скоро прошла мода на умъ Г. Экарпсгаузена и никогда къ намъ не возвращалась!

981.

САНКТПЕТЕРБУРГСКІЙ В Ъ С Т Н И К Ъ.

С Е Н Т Я Б Р Ъ 1812. № 9.

І. С Л О В Е С Н О С Т Ъ.

---

*Письма Генералъ-Маіора де Геннина
къ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ и къ управляв-
шему Кабинетомъ (*).*

Письмо І.

Всемилоспивѣйшій Государь!

Два письма Вашего Величества, опущенныя съ корабля Екашерины при Рогерь - Викѣ Іюля 16 дня, я здѣсь сего Сентября въ 5 день въ новой крѣпости Екашеринбургѣ чрезъ курьера Вельямино-

---

(*) Доспавлены къ одному изъ членовъ Общества отъ Г. Обер-Бергмейстера Ш... при слѣдующемъ письмѣ:
„Препровождаю при семъ при письма Генералъ-Маіора отъ Аршиллерии де Геннина, изъ копорыхъ два писаны имъ къ Государю Императору Петру Великому, а шрестіе къ управлявшему въ то время Кабинетомъ Алексѣю Васильевичу Ушакову. Последняя моя поѣздка въ Сибирь доспавила мнѣ случай видѣть подлинныя ихъ ошпуски. Письма сіи показались

ва получили, въ которомъ Вы Государь мнѣ недостойному рабу своему благодарствуешь о репортованіи желѣзныхъ и

мнѣ столь любопытны, что я не могъ себѣ тогда же отказать въ удовольствіи имѣть съ нихъ вѣрныя копии. Надѣюсь, что и вамъ весьма пріятно будетъ увидѣть въ нихъ духъ тогдашняго времени, увидѣть какъ величайшій изъ Монарховъ занимался введеніемъ въ Россію столь важной отрасли въ Государственномъ имуществѣ, какова есть добыча и выплавка металловъ увидѣть опять и образъ мыслей сего чрезвычайнаго человека, основателя существующаго нынѣ города Екашеринбурга и различныхъ тамошнихъ мануфактуръ. Сначала онъ въ отвращеніе набѣговъ и разоренія отъ Башкирцовъ успроиваемыхъ имъ заводовъ, сдѣлалъ только крѣпость, которую и испросилъ у Государя назвать знаменитымъ именемъ супруги Его Императрицы Екашерины; въ послѣдствіи же времени составилъ изъ оной крѣпости прекрасный городъ, въ которомъ нынѣ разнаго званія жителей болѣе 12.000, и который находясь какъ бы въ центрѣ заводовъ Уральскаго хребта, снабжаетъ ихъ продовольствіемъ всякаго рода. Для сего необыкновеннаго мужа существують, но имя его весьма рѣдко или почти и никогда не вспоминается, какъ онъ и самъ очень справедливо говоритъ о томъ въ одномъ своемъ письмѣ. Почему же бы изъ признательности къ его заслугамъ не соорудилъ ему тамъ памятникъ, гдѣ Гений его открылъ вѣрныя пути къ подземнымъ сокровищамъ? Для сего весьма бы прилична была, по моему мнѣнію, колоссальная мраморная пирамида, которая начата по повелѣнію покойной Императрицы Екашерины II и немного только не окончана въ нѣкоторыхъ частяхъ, а теперь остается безъ всякаго употребленія. Желательно, чтобъ мысль сія, при щастливыхъ обстоятельствахъ, имѣла событіе.“ — и проч.

Подробное свѣденіе о всѣхъ заведеніяхъ, сдѣланныхъ въ Россіи Генераломъ де Гениномъ, также и о прочихъ обстоятельствахъ, относящихся къ его жизни, любопытныя найши могутъ въ *Историческомъ наертаніи горнаго производства во Россійской Имперіи*, сочиненномъ Г. Германомъ и изданномъ въ Екашеринбургѣ, 1810 года, стр. 42 и слѣд. — Изд.

мѣдныхъ заводовъ, кошорые нынѣ испра-
вляюпся и строюпся, шакожде о про-
щеніи Еварлакова и опредѣленіи къ здѣш-
нимъ дѣламъ Капишана Гашищева, и оныя
письма ошъ радости не могъ безъ слезъ
чипапъ и на оное всенижайше опвѣш-
спвую :

Противъ посланнаго къ Хозяйкѣ Ва-
шей Семилоспивѣйшей Государынѣ на-
шей Императрицѣ черпгежа, крѣпость
Екашеринбургъ достроена, а въ ней по-
мянутые заводы, фабрики и мануфак-
туры и мѣдная плавильня и мѣди-о-
чиспительная, хошя много строенія,
надѣюся нынѣшнею зимою привеспъ въ
дѣйство, и прошедшей недѣли съ помощію
Божіею и швоимъ шаспиемъ шакую вели-
кую новую площаду заперли, и вода въ
прудь пущена, изрядно успояла. Оная
площина слишкомъ 100 сажень длины,
четыре сажени вышины, а заложень фун-
даментъ ей шридцашъ семь сажень тол-
шпы, а на верху двадцашъ пяшъ са-
жень, шарасы доброю глиною набиты, и
воды будетъ довольно. Всѣ заводы съ фа-
бриками и мануфактурами дѣйствовашъ
будушъ, а дровъ на уголь будетъ на вѣкъ,
кошорыя мочно плавить до самыхъ заво-

довъ рѣкою, такожь и рудъ недалеко оныхъ заводовъ довольно, и прочіе матеріалы сысканы. Въ Кунгурѣ при Камѣ рѣкѣ на рѣкѣ Ягужихѣ мѣдна плавильня, копорую оныя меня спроишь посланъ, что былъ на Олонцѣ плавильной мастеръ Циммерманъ, и вершишся вскорѣ и попомъ зачнушь плавиль, уча русскихъ людей оному плавленію, Кунгурскія мѣдной руды добышо немалое число.

На Верхошурьѣ ѣздилъ я, и понеже шамо естъ, являющя добрыя мѣдныя жилы и надежныя признаки, ежели не пересѣчешся, шакожь зачалъ при рѣкѣ Ляль сорокъ вершъ оныя Верхошурья подъ деревнею Караульною плошину и мѣдной заводъ спроишь, и опредѣлилъ Екзекушоромъ, что надобно къ спроенію оныхъ заводовъ, Верхошурскаго Воеводу Беклемишева, да Саксонскаго шшейгера рудъ добывашь, и далъ ему учениковъ.

Около Каперинбургскаго Дистрикта мѣдной руды добываемъ и плавимъ и очищаемъ, а хопя не много, однако съ прибылю, и жалъ, что шшейгеровъ мало, къмъ мѣднаго рудосысканія умножишь.

Къ Соликамской послалъ я Директора Украинцова швоего посланнаго Прео-

браженскаго полку Сержанта, да съ нимъ Саксонскаго плавильнаго маспера Штоффа, для спроенiя мѣдной плавильны при Пыскорскомъ монастырѣ для плавленiя шиферной мѣдной руды, копорую Бергъ-Совѣшникъ Михаелись въ Григоровой горѣ добываль и добываетъ, и дабы онъ Директоръ Воеводу екзекуповаль, что надобно къ оному спроенiю, и надѣюсь, что оной заводъ поспроень будешь въ Ноябрь мѣсяцѣ, ежели опъ Воеводы оспановки не будешь, какъ уже и было цѣлое лѣшо.

Прочiе швои здѣшнiе желѣзные заводы, а имянно: Укшусскiе, Алапаевскiе и Каменскiе исправиль чрезъ Олонецкихъ со мною взяпыхъ масперовъ, на копорыхъ нынѣ дѣлаюшъ доброе желѣзо, копрое въ пробѣ споишъ по швоему Регламенту, а Каменскiе заводы были въ пуштѣ, а все опъ шого: нынѣшнiя веснѣ большою водою плошину всю пронесло и оная плошина нынѣ вновь доспроена, при ней двѣ домны по Олонецки для лишья пушекъ, и пишеть ко мнѣ мой доменной масперъ, копорой взяпъ съ Олонца, что нынѣшней недѣли зачнешъ первыя пушки лишъ, а впредь-будущую недѣлю поѣду на оныя заводы, копорые

восемдесятъ верстъ опсюда, оныя пушки пробовашь, какъ онѣ устоятъ здѣшнихъ рудъ, и велю лишь шѣ морширы и бомбы, о копорыхъ ты ко мнѣ писалъ для отправленія въ Астрахань.

Изъ Тобольска взялъ я нѣсколько лучшихъ оружейныхъ масперовъ, и велѣлъ имъ здѣсь дѣлать тысячу фузей солдатскихъ, для пробы, копорыя будутъ лучше и дешевле здѣшнія или въ Россіи, а что учинится, буду къ тебѣ писать; я надѣюсь, что здѣшнія будутъ дешевле и надежны, для того, что здѣсь харчъ и рабошныя люди дешевле, а желѣзо хорошо, и хопя я нынѣ пробовалъ спо спволовъ новой рабошы большою пробою, взялъ порохъ доброй, вѣсомъ противъ пули и двѣ пули и два пыжа, и изъ оныхъ разорвало двадцать, однако мало иверенья, но разорвала сила опъ такой большой пробы, опъ копорой я чаю, что опъ чужихъ краевъ ружья шоликое жъ число разорвешь, и хопя копорыя устоятъ такую большою пробою жилы желѣзныя дрогнутъ, что ихъ послѣ въ ординарной пальбѣ можешь разорвашь, того ради я тебѣ совѣшую, чтообъ ты указъ даль въ Россіи пробовашь ружье по сему: взявъ восемь

или девять золотниковъ пороха да двѣ пули, и два пыжа, и тѣ копорые успо-яшь, надежны будупь; пружины и плошки изъ новой фабрики спаль оружейные масшера очень хваляшь, и посылаю къ тебѣ одинъ замокъ, копорой можешь самъ провѣдать, а шаги, копорыя изъ новой спали дѣлающіяся, немногія въ про-бѣ ломающіяся.

И хопя я въ трудахъ разорвуся, однако заводы новые желѣзные и мѣдные не могу скорѣе спроить и умножишь, оспановка испинно не опъ меня, шо ты повѣрь мнѣ, но оспановка ешь, что у меня не много искусныхъ людей въ горномъ и заводскомъ дѣлѣ, а вездѣ самъ для дальняго распоянія бышь и указашъ не могу, а плошники здѣсь не такіе какъ Олонецкіе, но пачкуны, а буде бы были здѣсь Олонецкіе плошники, шо могъ бы скорѣе доспроить, того ради понуждай Бергъ - Коллегію, чшобъ она шшейгеровъ побольше прислала для сыску и копанія мѣдныхъ и прочихъ рудъ. И хопя здѣшніе всѣ мѣдные и желѣзные новые и старые заводы я приведу въ доброе дѣйство и успрою, однако надлежишь тебѣ прислать указъ къ Вяшскому, Соликамскому,

Верхошурскому Воеводамъ и прочимъ командирамъ, дабы они мнѣ чпо надобно къ горнымъ дѣламъ не шокмо чинили управленіе, но послушны были, и по моемъ опъѣздѣ оставшемуся опъ меня главнѣйшему командиру въ Обер-берг-амтѣ, безъ шакого указа бышь не возможно, а буде не шакъ, послѣ опяшь не ладно будешъ, и самъ знаешъ ихъ, и чпобъ они не описывались, и въ шакомъ переписываньи долго время пройдетъ, какъ нынѣ явилось у Соликамской. И понеже я шебѣ здѣсь безусыпно изъ всего сердца радѣю, и шы пожалуй шакъ же мнѣ радѣй, пришли ко мнѣ указъ, дабы я могъ изъ здѣшнихъ доходовъ взять на годъ жалованья (*), для шого уже давно годъ прошель, а здѣсь не Пешербургъ, не у кого заняшь, я не желаю мѣрскимъ попомъ кормишься или корысти опъ швоего спроенія искашь, но благословеннымъ швоимъ жалованьемъ жишь, пожалуй будь шы за меня спряпчей, а кромѣ шебя иного никого не имѣю. И въ здѣшнихъ порубежныхъ къ заводамъ приписныхъ слободахъ нынѣ починиваю

(*) Жалованья въ эпо время получаль онъ 2,077 руб. 10 копѣекъ въ годъ. *Изд.*

и укрѣпляю малыми шаншаменшами, гдѣ надобно, для того нынѣ недавно Козачья орда сообщась съ Башкирами съ пять тысячъ человекъ раззорили, Тобольскаго уѣзда близъ рубежа село Кисленское выжгли, скотъ опогнали, людей побили и увезли 85 человекъ. И оное мочно укрѣпиль порубежными крѣпостями около слободъ, и разсыпанныя деревни въ одно мѣсто собравъ и укрѣпиль шаншаменшами и полисадами, которые близко рубежа, а копорая парпія нынѣшней весны убили горнаго нашего драгуна и мужиковъ переранили и ограбили, и той парпії воровъ Ташаръ сыскалъ я чрезъ ихъ же Башкирцевъ съ воли ихъ командировъ, изъ оныхъ воровъ шестеро сюда привезены, а доспальные посланы на Уфу для розыску, и при семь посылаю къ шебѣ копию съ ихъ повинной о сожженномъ мѣдномъ промыслѣ, копорую повинную они ко мнѣ прислали.

О Демидовѣ мѣдномъ промыслѣ шебѣ доношу, что онъ прежде доносилъ, чая много бытъ мѣди, а нынѣ я былъ на шѣхъ его рудникахъ съ Берг-мейстеромъ Блериомъ для осмошру шѣхъ мѣспѣ, и усмотрѣли, что ша его руда оболгала шакъ,

сперва набрали они на доброе мѣсто, гдѣ было руды гнѣздо богато, а какъ оную смѣшану снялъ, то явилась сыворошка, руда мѣдная и имѣеть желѣзо, и желѣза очень больше нежели мѣди, и я ему нынѣ далъ плавильнаго мастера для нашей плавки, шакожъ очищенія мѣди гормахе-ра, и чшобъ учить его людей, дабы онъ не могъ опговариваться, будпо за ма-стерами ошановка, и пошлю ему нынѣ еще горнаго ученика, копорой укажеть какъ по горному обыкновенію шпольнѣ или шахшъ веспи, а онъ Демидовъ нынѣ конпеншъ и мнѣ въ спроеніи швоихъ заводовъ немалую помощь учинилъ въ добрыхъ плошничныхъ мастерахъ.

(Таковое письмо послано къ Его Величеству съ курьеромъ Вельяминовымъ Сентября 7 дня 1723 года, копорой присланъ былъ опъ Его Величества.)

Письмо II.

Всепресвѣплѣйшій Императоръ,

Всемилоштивѣйшій Государь!

Вашему Императорскому Величеству о сосшояніи здѣшнихъ дѣлъ просшранно о всемъ особнымъ доношеніемъ пред-

спавиль, а симъ всепокорно нижайше прошу, изъ начала бытія моего въ службѣ Вашего Величеспва никогда я жалованья безъ злости и спора, а фуража и весьма мѣшь съдесяшь получитьь не могъ, которое хошя и всегда не безъ шягоспи было, однакожь въ Пешербургъ для нужды до жалованья заняшь можно, здѣсь же не у, кого, а наживашь приносами не хочу, и понеже нужда мнѣ пришла, а на росписки вашихъ денегъ брашь я опасень, фуражь копорой мнѣ велѣно взяшь по твоему указу на Москвѣ на прошлой годъ, а за скороспію опъѣзда моего сюда выходить шамо не могъ, надѣясь на вашу высокую милоспіть взялъ здѣсь, пошому что оное мнѣ весьма надлежитъ, а нынѣ жалованья и фуража на сей годъ брашь мнѣ Бергъ - Коллегія воспрещаетъ, и копорой фуражь взяшь на прошлой годъ веляшь мнѣ плашитъ, и впредь ждашь указа, шокмо имъ разсуждашь о моемъ богашспивѣ сидя въ палапахъ легко, а мнѣ и не имѣя поспороннихъ доходовъ, да жалованья не получа, на что хлѣбъ купитъ не знаю, или они думаютъ, что здѣсь безъ жалованья по воеводски житъ можно, шокмо я шого дѣлашь не умью.

Покорно прошу Вашего Императорскаго Величества, дабы приказали о дачѣ моего и подчиненныхъ моихъ служителей жалованья и фуража указъ учинишь, а ежели вы не пожалуете, то мнѣ и въ годъ не дождаться, или и весьма оное пропадешъ, какъ уже много мнѣ случилось, а подчиненнымъ горнымъ и заводскимъ, ежели вскорѣ указа не получу, велю жалованье дашь, а нищенствовать или красить допустить не хочу. Я опъ сердца сожалею, что ты самъ здѣсь не бывалъ, и о здѣшнихъ Сибирскихъ соспоянїяхъ обстоятельно не знаешь. Правда что здѣсь Губернаторъ Черкасской человекъ доброй, да не смѣль, а способниковъ добрыхъ мало имѣешь, а особливо въ судебныхъ и въ земскихъ дѣлахъ, опъ чего дѣла его не споры, и часпїю болѣе народу опягчательны, и ежели его пошлешь сюда, то для своей пользы дай ему мѣщочикъ смѣлоспи, и судей добрыхъ людей, надворныхъ и въ городахъ управителей и въ слободахъ, да къ военнымъ дѣламъ Обер-Коменданта и для купечества Совѣтника опъ Коммерць и опъ Камер-Коллегїи добраго Камерира, шакожь Секретаря, безъ кошорыхъ ему бышь не можно, а

ежели ему не бытъ, по не худо бы такимъ добрымъ людямъ бытъ какъ Машюшкинъ или Ушаковъ; и такъ видна злая пакость, крещьянамъ бѣднымъ разореніе опъ судей, и въ городѣхъ, копорые посланы опъ камерирства земскихъ управителей и въ слободахъ зѣло шягостно и безъ охраненія, а купечество и весьма разорилось, такъ что уже едва посадскаго капишалиста сыскашь можно, опъ чего и пошлины умалились. Ты Государь не жалѣй здѣсь управителямъ дашь довольное жалованье, для шого что здѣсь деревень ни у кого нѣтъ, а ѣсть всякъ хочешь, и хошябъ и доброй челоуѣкъ, не имѣя пропитанія принужденъ неправдымъ пишаться, и сперва возьмешь полько для нужды, а пошомъ и въ богапство, и такъ у тебя много пропадаетъ, а людямъ разореніе, да и шѣ собравъ шакожъ не толсшѣють.

А о прочемъ нужнѣйшемъ зѣшнемъ дѣлѣ, а имянно: о Башкирахъ, о Козачьей ордѣ, о спроеніи рубежныхъ крѣпостей, о коммуникаціи опъ Кашеринбурга до Башкиръ, гдѣ я нынѣ добываю мѣдную руду богашу и много является, и объ ономъ мѣспѣ, чшобъ впредь споръ пересѣчь, ша-

кожде о ситуациі оной земли и межи, и какъ мѣдныя заводы въ Соликамской, въ Кунгурѣ и въ Верхошурѣ кромѣ здѣшнихъ, копорыя уже достроены и стро-яшся, и сколько уже при каждомъ заводѣ руды добыто, и сколько изъ оной руды мѣди выходить, и на сколько ее цѣною будешь, и о нѣкопорой худобѣ въ Сибирѣ, явспвущешъ пространно въ посланномъ при семь доношеніи и въ черпежахъ, и припомъ мое нижайшее мнѣніе.

Окпября 22 дня

1723 года.

(Послано съ деньщикомъ Иваномъ Пахоруковымъ.)

Письмо III.

Государь мой милоспивый Алексѣй
Васильевичь!

Письмо ваше получилъ я сего Окпября 4 дня чрезъ Соликамскую, въ копоромъ Ваше Благородіе воспоминаешъ о Государевѣ вапернасѣ, копорой Инженеръ Порущикъ Любрасъ взялъ изъ Кабинета прошлаго году, и прошивъ онаго опвѣшспвую: оной вапернасѣ въ то время, какъ я поѣхалъ изъ Москвы опъ канальной черпешной работы, врученъ для слѣдованія и еще исканія другихъ способнѣйшихъ

водяныхъ коммуникацій оному Порупчику Любрасу, и объпомъ писалъ я въ Астрахань до Государя съ курьеромъ моимъ Клеопинымъ, копорой шуда чертежи о коммуникаціяхъ водяныхъ опвозилъ.

И оной Порупчикъ напрасно по возвращеніи изъ Персиды Его Величеству ваперпаса не опдалъ, о чемъ опъ меня ему приказъ былъ, и нынѣ писалъ я къ нему, чшобъ онъ немедленно опдалъ; сверхъ того писалъ я къ Архисектору Трезину, чшобъ онъ такожде ваперпасъ другой, копорой Государь далъ мнѣ на Сеспрѣ рѣкъ, и оной ваперпасъ данъ Трезину на сбереженіе, чшобъ онъ опдалъ въ Кабинетъ.

Октября въ . . . день получилъ я опъ Казанскаго Губернашора пакешъ, въ копоромъ дубликашы съ писемъ Его и Ея Императорскихъ Величествъ, такожде и ваше письмо, и въ оныхъ дубликатахъ воспоминается, что Адъютантъ Шкадеръ впредь будешъ съ подлинными указами, такожь о дачѣ по при деньги солдатамъ за заводское спроеніе сверхъ ихъ жалованья на каждой работной день, и о именованіи Кашеринбургской новой крѣпости. И за шакія милосшивыя письма я

и солдапы благодаримъ Бога и нашимъ милоспивымъ Государю и Государынѣ Ихъ Имперапорскимъ Величеспивамъ, что нашъ должной шрудъ угоденъ показался, испинно сердце радуешся при шрудахъ и рабопахъ, шакую видя милоспъ, а наипаче мнѣ, и' похожу на Французовъ, хотя денегъ нѣтъ въ мошнѣ, а указу объ жалованьѣ моемъ и фуражѣ, чтообъ мнѣ здѣсь взяшь, не получилъ, а веселюся и пѣсни пою съ милоспивыми грамопками, а я мню, ежели при шакихъ милоспивыхъ и похвальныхъ письмахъ да заслуженное жалованье дастся, то впредь и еще веселѣ будешъ, и въ шо время не покмо пѣсни пѣшь, но сердце будешъ плясать безъ музыки.

На Олонцѣ жалованье мое арештовано, шого ради, что Свѣшпльишій Князь взялъ при мнѣ, а больше безъ меня Ландрапъ ему оппустилъ на щепъ его немалую сумму желѣзныхъ припасовъ, которое онъ обѣщаль заплашишь, а до сего времени не плащиль. Еспьли разсудокъ! Государь самъ велѣлъ оппускашъ взявъ деньги, а Кикинъ приказаль Князю оппускашъ безъ денегъ, для шого что онъ будшо имѣлъ щепъ съ Адмиралшей-

спвомъ, а Свѣплѣйшій Князь всегда общаешъ плашишь, да денегъ не видимъ слишкомъ 5000 рублей.

Удивительно мнѣ, что всякъ меня зовешъ щасливъ, и того ради вижу опъ многихъ въ моемъ щасіи зависъ, а я мню, что съ ними можно мое щасіе смѣнишь съ ихъ богатствомъ, здоровьемъ и покоемъ, а я не знаю въ чемъ мое щасіе состоишь; по правда, что Государь ко мнѣ милосливъ и видя шрудъ мой хвалишь и вѣришь, а другіе моя братья, шакожде и прочіе, у каковыхъ господъ въ нѣгѣ опъ лѣности и покою брюхи и икры въ ногахъ прескающа, имъ же жалованье даеша прошивъ меня гораздо больше безъ спору и ссоръ, шѣ же брюха огорожающъ еще деревнями, чрезъ что они живущъ какъ въ раю, ихъ же вездѣ зовущъ на свадьбы и въ прочія честныя ассамблеи, всякъ ихъ почишаешъ, что они богаты и умѣющъ льстишь и пошакать, а я бѣдной какъ рьяная лѣшадь и подобень гончей собакѣ, покамѣстъ мочь моя естъ показашъ службу Государю, шруджуся и тогда хвалять, а когда мочи во мнѣ больше не будетъ, по мое имя не воспоминаешся, наживка

же моя за шруды будешь скорбь безъ пропитанія и изгнаніе ошъ непріятелей моихъ, видно изъ шого, что я съ начала службы моей не могъ получитьъ жалованья безъ прошивности и великихъ диспушовъ, и слишкомъ съ го лѣшь рядомъ фуража не получаю.

Деревни, копорыя Государь самъ мнѣ пожаловаль въ Корельскомъ уѣздѣ, безвинно Камер-Коллегія опняла, а другимъ Государь пожаловаль, и хотя мнѣ Государыня Императрица сама засшупница была, и всегда обѣщаніе о дачѣ деревень слыщаль, а до сего времени не вижу двора, не шокмо деревни, а зависпи всегда и вездѣ вижу много ошъ оныхъ господъ, что на меня глядяшь съ шакими рожами съ морщинами, будшо перепелощная дудка и съ новгородскимъ кислымъ уксусомъ замазана, шакъ-кислые взгляды, испинно досадно и не безъ печали. Я искаль форшуну чрезъ шруды и шщаніе о Государевѣ интересѣ, однако вижу, копорой не умѣешь лѣспишь, манишь и лисымъ хвостомъ махашь, въ худобѣ пошакашь, и чрезъ выщеписанные шруды и шщаніе нечего получитьъ; я уже усшаль, и мнѣ не мочно спало о

Государевъ инпересѣ споятъ, для того, что подпоры моеѣ возможности свихнули, а Государю и вамъ я уже наскучилъ, и ежели пы мой Государь, послѣдняя подпора опъ меня опшашисься, (хотя и грѣхъ вамъ будешь,) то малой меня вѣшеръ бросишь подъ ноги недруговъ моихъ, кпобъ такихъ:

Я уже довольно знаю, что недруги мои желяють мнѣ смерть или изпѣсненіе выживая изъ Руси, а я люблю Государя, не хочешся мнѣ опъ него опшашь, для того я знаю, что въ оныхъ нужнѣйшихъ Государевыхъ дѣлахъ, хотя можешь бышь и выщепся кпо, токмо съ великимъ жалованьемъ и убыткомъ, однако вѣдѣисво въ Руси, въ такихъ прудливыхъ дѣлахъ и въ практикѣ въ спроеніи и чпобъ такъ узнать Государево намѣреніе и ему могъ бы въ томъ угодишь какъ я нижайшій безъ хваспанья; или чпобъ такимъ испиннымъ сердцемъ радѣль, я чаю долго сыскивашь и много времени въ томъ пройдешь, покамѣсть такой челоуѣкъ сыщепся, а и выискавшись привкнешь, и службу свою дѣиспвишельно покажешь не скоро.

А о прочихъ здѣшнихъ дѣлѣхъ, что

учинено и впредь пошребно, посылаю при семь доношеніе и черпези, а наиаче о Башкирскихъ дѣлѣхъ и спроеніи крѣпостей понужденъ я писаль не ожидая Шкадера, пошому что естѣ въ шомъ крайняя нужда, и оныя я нарочно не запечашаль, дабы Ваше Высокоблагородіе изволили высмотрѣшь и доложитѣ Государю, такожь о жалованьѣ моемъ и фуражѣ посылаю челобитную, и прошу чшобъ мнѣ, оное здѣсь повелѣно было взять, шы самъ знаешь, что здѣсь нажишь не хочу, а заняшь не у кого, безъ хлѣба же жишь по Тапарски не привыкъ.

Доносилъ я Государю, что сочиняю шпашъ здѣшнимъ начальникамъ, для шого чшобъ Берг-Коллегія не ускорила подашь, сочиня по представленію Михаелиса, коперой безъ пошребности много чиновъ написалъ, и по оному можешъ больше въ расходѣ на жалованье, нежели въ приходѣ прибыли бышь.

Окшября 22 дня

1723 года.

Рѣчь Аннибала къ П. Сципіону.

Когда такъ судьба велѣла, чтобы пошь, кто первый открылъ войну съ Римскимъ народомъ, кто сполько разъ, такъ сказать, въ рукахъ имѣлъ рѣшительную побѣду, словомъ, чтобы я добровольно просилъ мира: по одно утѣшеніе для меня, что судьба опредѣлила мнѣ просить о пошь тебя, а не другаго. Сверхъ прочихъ отличныхъ заслугъ швоихъ, шы будешь имѣшь и шу славу, что Аннибалъ, которому даровали Боги побѣды надъ многими Римскими полководцами, призналъ одного себя побѣдителей своимъ, и что шы положилъ конецъ войнѣ, прежде для насъ и попомъ для васъ кровопролитной. Щасіе швое произвело и шу игру случая, что я поднялъ оружіе во время Консульства ошца швоего; войска мои имѣли первое дѣло съ войсками Римскими, бывшими подъ его предводительствомъ; а передъ его сыномъ положивъ мечъ, прошу мира. Ахъ! всего бы лучше, по мнѣнію предковъ нашихъ, внушенному имъ самими Богами, оспашься — вамъ въ предѣлахъ Италіи, намъ въ предѣлахъ Африки. Сицилія и Сардинія и для

васъ истинно не спояшь того, чшобы поперяшь за нихъ сполько воиновъ и сполько опличныхъ полководцевъ. Но сдѣланное охуждашь не прудно, пруднѣе поправитъ. Погнавшись за чужимъ, мы принуждены были защищать свое собственное. Вы сражались въ предѣлахъ Италіи; мы въ предѣлахъ Африки. Почши при врапахъ и подъ стѣнами Рима видѣли вы развѣвающіяся знамена и оружіе непріятелей вашихъ; и мы изъ самаго Картегена слышали крикъ, происходившій въ Римскомъ лагерѣ. Теперь, при успѣхѣ вашего оружія, дѣло идешь о помѣ самомъ, чего прежде мы и слышать не хотѣли; вы всего болѣе желали — дѣло идешь о мирѣ, идешь чрезъ насъ, до копорыхъ оно касается всѣхъ болѣе, и копорые что ни посшановяшь, сограждане наши утвердитъ не опрекутся: нужно сполько намъ присшущитъ къ сему миродлюбнымъ расположеніемъ сердце нашихъ. Что принадлежитъ до меня, я возвращаясь при спаросши лѣшь въ опечесшво, опкуда выѣхаль юнымъ, и опышомъ лѣшь, и успѣхомъ и неудачею предпріятій научилсъ слѣдовашъ болѣе внушенію разума, а не внушеніямъ щаспія непостояннаго. Но

я боюсь юныхъ лѣтъ и непремѣнныхъ успѣховъ своихъ, кои всего менѣе совмѣстны съ расположеніемъ къ миру. Полагающійся на щастіе свое едва ли гошовъ вѣришь превращеніи случая. Я при Тразименѣ, при Каннахъ былъ въ подобномъ нынѣшнему положенію своему: Едва вступилъ въ лѣта война, поспѣшь получилъ начальство надъ войскомъ, съ неперемѣнимъ спремилъ путемъ славы и повсюду встрѣчалъ улыбающееся тебѣ щастіе. Горько опмстивъ смерть отца своего и дяди, опмстивъ бѣдствія постигшія домъ свой, ты оказалъ все мужество и духъ необыкновенно высокой: возвратилъ Риму Испанскія области, одержалъ надъ нашимъ воинствомъ четыре знаменитыя побѣды; возведенный на Консульское достоинство, когда другіе не имѣли столько духу, чтобы защитить Испанію, явился ты въ самой Африкѣ, двоекратно поразилъ войска наши; завладевъ въ одно и тоже время двумя лагерями, предалъ оныя пламени; взялъ въ плѣнъ владѣтельнаго царя Сифакса, завоевалъ множество городовъ и въ его царствѣ и въ нашихъ областяхъ, и послѣ шестнадцатилѣтняго пребыванія мое-

го въ Италіи заспавиль меня возвратишь-
ся въ Испанію. Признаюсь, что въ семъ
положеніи, легко можно миръ оптвер-
нуть и пожелать побѣды. Мнѣ извѣсны
блестящія мечпы славы, копорыя не всег-
да удаваться могутъ. Меня видѣли нѣ-
когда также во всемъ блескѣ щастія.
Ахъ! когда бы Боги ниспосылали намъ
вмѣстѣ съ благополучіемъ нашимъ и
большую прозорливость, тогда бы мы
обращали взоры не на одни минувшія
проеществія, но и на то, что можемъ
впредь послѣдовать. Оспавивъ прочихъ,
на мнѣ видишь живой примѣръ превра-
щеніи случая. Давно ли находился я въ
лагерь за рѣкою Аніеномъ, подѣ стѣнами
вашего града, готовъ былъ вшоргнувшись
въ Римъ: шеперь здѣсь предѣ шобок; нѣпъ
уже у меня обоихъ брашьевъ, героевъ и
славныхъ полководцевъ; въ виду у меня
почти осажденные стѣны Каррагена; я
шрепещу за мое опечешиво, какъ заспа-
вилъ было шрепешать васъ за ваше. На
великое щастіе всего менѣе полагаешь
можно. Въ хорошемъ положеніи дѣль шво-
ихъ и сомнишельномъ нашихъ, миръ, ко-
шорой ты даруешь, будетъ для васъ са-
мый выгодный и блишпательный; для

насъ, которые его просимъ, не сколько полезный, сколько необходимый. Вѣрный миръ лучше и надежнѣе побѣды чаемой. Миръ въ швоей власпи, а побѣда во власпи Боговъ. Не подвергай успѣховъ, годами приобрѣщенныхъ, удару одного часа. Не свои шокмо силы измѣряй, но и силу щасшя и успѣхъ войны обоудный. Съ шпой и съ другой спороны найдущся мечи, найдущся и люди. За успѣхъ войны всего меньше ручашься должно. Сдѣлавшись и побѣдипелемъ не сколько выиграешь славы прошиву шой, которую имѣшь будешь даровавши миръ, сколько побѣжденный поперяешь. Одинъ часъ унесешь и приобрѣщенные уже и ожидаемыя заслуги. Все опношительно мира въ полной власпи швоей, Сципионъ; въ прошивномъ случаѣ надобно будетъ довольшповаться жребіемъ, какой даруюшь Боги. М. Апилій принадлежалъ бы къ числу рѣдкихъ полководцевъ по успѣхамъ дѣйшвей и мужеству своему въ сихъ же самыхъ мѣсшяхъ, когда бы послѣ побѣды своихъ склонился на просьбы предковъ нашихъ и даровалъ миръ: не положивъ однако предѣла успѣхамъ своимъ, понадѣявшись на щасшяе ему послужившее, чѣмъ

болѣе вознесся, тѣмъ постыднѣе низри-
 нулся. Назначишь мирныя условія въ пра-
 вѣ пошъ, кто даетъ миръ, а не пошъ,
 кто его испрашиваетъ: можешь быть и
 мы споймъ пого, чѣобы самимъ себѣ
 опредѣлишь наказаніе. Соглашаемся усту-
 пишь вамъ все, за что предприняша вой-
 на, то естъ: Сицилію, Сардинію, Испа-
 нію съ островами находящимися по все-
 му проспранспву моря между Африкою
 и Ишалію. Предѣлами нашими остану-
 ся Африканскіе берега. Всѣ внѣшнія об-
 ласпи наши на сушѣ и на водахъ (когда
 шакова воля Боговъ) предоспавляемъ вамъ
 съ полною власпію и зависимоспію. При-
 знаюсь, что въ недавнемъ времени жела-
 ніе мира не слишкомъ искренное или
 слабая надежда получишь его, доспашоч-
 ны были сдѣлашь передъ вами Карѣа-
 генскую вѣрносшь подозрительною. Къ
 ненарушимоспи мира, Сципіонъ, много
 способствуетъ по, чрезъ когѣ онъ ис-
 прашиваетъ. Говорятъ, что сами Сена-
 торы ваши неоднократно опрекались
 дашь миръ по шой шокмо причинѣ, что
 посольство не заслуживало надлежащаго
 уваженія. Нынѣ видишь передъ собою
 Аннибала съ просьбою о мирѣ. Я и не

искалъ бы его, еслибъ не почиталъ для насъ нужнымъ. Не допущу нарушити сего мира по шѣмъ самымъ причинамъ, для копорыхъ рѣшилъ его искашь. Я умѣлъ сохранишь довѣренность согражданъ моихъ во все продолженіе начашой мною войны, доколѣ сами Боги не возревновали мнѣ въ побѣдахъ: равнымъ образомъ мое будущее дѣло сохранишь шу же довѣренность и въ разсужденіи мира мною приобрѣшеннаго.

На сіе Римскій полководецъ отвѣщивовалъ почти такими словами:

Не обманулся я, Аннибалъ, полагая, что Картагеняне, ободренные швоимъ присушствіемъ, опвергли свяность перемирія и самую надежду къ миру. Ты самъ совершенно обнаружилъ все, не упоминая ни объ одной сташѣ изъ бывшихъ въ мирномъ договорѣ, кромѣ относящихся къ давнимъ нашимъ владѣніямъ. Конечно ты правъ въ разсужденіи желанія своего доставишь согражданамъ большія выгоды мира: равно мое дѣло, не давъ вамъ воспользовашься нынѣ изключеніемъ пренебреженныхъ условій, не позволишь шоржешивовашь вѣроломству. Вы не искренно желаете мира, рѣшаясь для своей

пользы на новѣй обманъ, коцорый шеперь скрываете. Ни предки наши за Сицилію, ни мы за Испанію не начинали войны. Тогда угрoзами Мамертинскимъ союзникамъ нашимъ, нынѣ разрушеніемъ Сагунша, вы заставили насъ поднять праведное оружіе. Сами вы искали кровопролитія, въ чемъ и ты сознаешься, и чему свидѣтели Боги, коцорые щаспливыми успѣхами свято и праведно увѣнчали для насъ какъ прежнюю войну, такъ и настоящую увѣнчивающъ и увѣнчать не преминущъ. Чшо касается собственно до меня, слабости человѣческой мнѣ памятные; я также не забываю переменны щасстія и увѣренъ, чшо случаются тысячи обстоятельствъ, превращающихъ дѣла наши. Конечно я поступилъ бы надменно и несправедливо опвергнувъ предложеніе о мирѣ тогда, когда бы ты сдѣлалъ оное до моего вторженія въ Африку, рѣшившись оставить добровольно Испанію и посадить войска на суда. Нынѣ принудивъ себя не иначе какъ бы силою выйти изъ Испаніи и возвратиться въ Африку, я себѣ не обязанъ никакими пожертвованіями. Впрочемъ, если кромѣ шого, на чемъ положено уже было заклю-

чишь миръ, (тебѣ извѣстно все) предложися что нибудь въ замѣну захваченныхъ во время перемирія судовъ съ хлѣбомъ и въ удовлетвореніе оскорбленныхъ правъ посольства, а гошовъ вступишь вновь въ мирныя переговоры. Когда же и прежнія условія почишаеша обременительными для себя, опражайша силу силою: ибо миромъ воспользовашься не умѣли.

Такимъ образомъ оба полководца, не сдѣлавши ничего при своемъ свиданіи въ пользу мира, возвратились къ согражданамъ и сказали: щещны слова шамъ, гдѣ шолько оружіе все рѣшишь можешъ. Должно намъ бытъ гошовымъ на шо, что даруюшь Боги; и пошомъ оба вступивши въ лагерь, возвѣспили слѣдующее:

Къ оружію! войны; послѣдняя бишва предшопшь намъ, и когда сполько щасливывы будемъ, что увѣнчаемься въ ней побѣдою, увѣнчаемься не на одинъ день, но навсегда. Завпрешній вечеръ рѣшишь, Римъ или Карѣагенъ повелѣвашь будешь народами. Не Африка и не Ишалія вознаградишь побѣдшелей, но обладаніе вселенною. Награда величайшая! Равная и

опасность угрожаетъ тѣмъ, которые
къ своему несчастію пошеряють сра-
женіе.

Б.

О любви къ жизни.

Старость, уменьшающая удовольствія жизни, увеличиваетъ желаніе наше жить на свѣтѣ. Опасности, которыя мы воцвѣтѣ юности учились презирать, ужащаютъ насъ въ старости. вмѣстѣ съ лѣтами увеличивается наша предосторожность; наконецъ страхъ овладѣетъ совершенно нашимъ умомъ, и малый оспашокъ жизни упошребляемъ мы на безполезныя усилія опхранишь опъ себя конецъ нашъ, или продлишь наше существованіе.

Спранное прошиворѣчіе нашей природы! но ему подвержень и самый мудрый человекъ. Я долженъ ужасаться, когда объ оспапкѣ моей жизни буду судить по жизни проведенной мною. Опышность говоритъ мнѣ, что прошедшія мои наслажденія не принесли мнѣ истиннаго блаженства; а чувство увѣряетъ меня, что сіи прошедшія наслажденія гораздо болѣе лѣхъ, которыя ожидаютъ меня въ старости. Но опышность и чувство увѣряютъ меня напрасно: надежда, имѣющая надо мною болѣе власти, даетъ будущему видъ самый прелестный; мнѣ

кажешся, что вижу вдали блаженство, которое манишь меня къ себѣ, и я бываю похожъ на спраспнаго игрока, въ кошоромъ каждая новая неудача увеличиваетъ охоту играть.

Но опъ чего же увеличивается въ насъ любовь къ жизни? Опъ чего происходитъ, что мы дѣлаемъ величайшія усилія для сохраненія нашей жизни въ шакое время, когда она того не сшоитъ? Опъ того ли, что природа, желая сохранить родъ человѣческой, увеличиваетъ нашу любовь къ жизни, когда жизнь не приноситъ уже намъ наслажденій? или, опъемля удовольствія у чувствъ природа обѣщаетъ воображенію замѣнить сіи удовольствія другими? — Жизнь была бы несносна для шарика, кошорый, будучи обремененъ недугами, боялся бы смерти не болѣе какъ молодой челоуѣкъ. Безчисленныя спраданія разрушающагося шѣла, и увѣренность, что онъ пережилъ уже всѣ наслажденія, довели бы его до того, что онъ пресѣкъ бы собспвенною рукою плятосшное бышіе свое; но по шаспію онъ перяетъ презрѣніе къ смерти въ шо самое время, когда смерть кажешся позво-лишельною. Жизнь получаетъ мысленную

цѣну по мѣрѣ какъ лишается она цѣны
существенной.

Привязанность наша къ предметамъ,
насъ окружающимъ, увеличивается вооб-
ще отъ продолжительнаго обращенія съ
ними. Умъ, привыкшій къ какимъ нибудь
предмѣтамъ, нечувствительнаго получаетъ
спрасть къ онымъ, посѣщаетъ ихъ по
привычкѣ и распадается съ ними съ го-
рестію: отъ сего происходитъ въ ста-
рыхъ людяхъ скупость; они любятъ свѣтъ,
и все, что онъ производитъ; они любятъ
жизнь и всѣ ея удовольствія, не потому
что они наслаждаются ею, но потому
что давно уже ее знаютъ.

Чин-Вангъ *воздержной*, при вступле-
ніи на Кипайскій престоль, повелѣлъ,
чтобъ всѣ несправедливо заключенные въ
темницу во время царствованія его пред-
мѣспника, были освобождены. Въ числѣ
освобожденныхъ, пришедшихъ благода-
ришь своего избавителя, находился спа-
рикъ величественнаго вида, копорый,
повергнувшись къ ногамъ Императора,
сказалъ ему: „Великій Государь, ты ви-
дишь несчастнаго, копорый заключень
былъ въ темницу двадцати двухъ лѣтъ.
Я былъ невинень, и не могъ даже упро-

сипь, чшобъ выслушали доказательство
 моей невинности. Я жилъ въ уединеніи
 и мракъ болѣе пятидесяти лѣтъ, и уже
 привыкъ къ своему злополучію. Теперь,
 ослѣпляемый сіяніемъ солнца, бродилъ я
 по улицамъ и искалъ когонибудь изъ
 друзей моихъ, которые бы оказали мнѣ
 помощь или хотя вспомнили обо мнѣ,
 но и друзья мои, и родные, и знакомые
 давно уже умерли: меня никто не по-
 мнилъ. Позволь мнѣ, о Чин-Вангъ, кончить
 дни мои въ сей пещницѣ, изъ которой
 благость швоя меня освободила: спѣны
 ея нравятся мнѣ болѣе, чѣмъ самые ве-
 ликолѣпные дома. Мнѣ жить не долго,
 и я буду несчастливъ, если не проведу
 остатки моей жизни тамъ, гдѣ провелъ
 свою юность. “

Желаніе шарика прожить въ пещни-
 цѣ подобно нашему желанію жить на
 свѣтѣ. Мы уже привыкли къ своей пещ-
 ницѣ, и хотя чувствуемъ ея стѣны,
 но продолжительность нашего заключе-
 нія увеличиваетъ любовь нашу къ оной.
 Насажденные нами деревья, построенные
 нами дома, происшедшія ошъ насъ суще-
 ства, все умножаетъ привязанность на-
 шу къ землѣ, и принуждаетъ ужасаться

смерти. Для молодыхъ людей, жизнь подобна новому знакомству; хотя обращеніе съ человѣкомъ, котораго мы коротко не знаемъ, для насъ можетъ быть и пріятно и наставительно; хотя бесѣда съ нимъ нравится, но мы не очень дорожимъ его знакомствомъ. Чтожь касается до насъ, людей пожилыхъ, то жизнь подобна старому, испыпанному другу; хотя въ обращеніи съ нимъ мы не можемъ занять онь него ничего новаго, но мы всегда любимъ быть съ нимъ; хотя въ немъ нѣтъ никакой веселости, но мы любимъ его, бережемъ какъ сокровище, и при разлукѣ съ нимъ чувствуемъ всѣ возможныя мученія.

Филиппъ Мордантъ былъ человѣкъ молодой, прекрасный собою, умной и доброй; имѣлъ большое богатство и былъ любимъ Королемъ. Жизнь представляла ему всѣ свои удовольствія, и по всему можно было судить, что онь долго будетъ наслаждаться щастіемъ. Но онь почувствовалъ отвращеніе онь жизни, испыывалъ всевозможныя удовольствія и всѣ находилъ слабыми. Если мнѣ шягосно жить въ молодости, рассуждалъ онь, то чего долженъ я ожидать тогда

какъ посѣпшитъ меня спарость? Если шеперь жизнь не имѣеть для меня удовольспвій, то, безъ сомнѣнія, тогда сдѣлаешя для меня несносною.“ Эша мысль не выходила изъ головы его, и наконецъ со всѣмъ спокойспвіемъ духа лишилъ онъ себя жизни. Но еслибъ сей человекъ разсудилъ, что чѣмъ болѣе живушь люди, тѣмъ болѣе жившь хопяшь, то онъ бы взираль на спарость безъ отпращенія, сносилъ бы жизнь и служилъ опечеспву, которое оскорбилъ поспыднымъ своимъ бѣгспвомъ.

(сѣ Англійскаго.)

Н.

О ссорахъ писателей.

Много говорено было о вредѣ, копорый дѣлають себѣ писатели своими разногласіями и ссорами; но не довольно говорено было о томъ, сколько перяють они удовольствій и выгодъ, пропиваясь склонности, копорая всегда влечеть ихъ одного къ другому. Въ то время, когда они не ведутъ между собою войны, имъ весьма пріятно встрѣчаться другъ съ другомъ, а разсваваться очень трудно. И какъ не имѣть имъ сильной привязанности, естественной склонности другъ ко другу? они всегда могутъ говорить между собою о томъ, что имъ пріятнѣе всего на свѣтѣ.

Между большею частію людей разговоръ, составленный изъ однѣхъ холодныхъ, незанимательныхъ мыслей, ни кого не прогаеть: у нихъ находится въ дѣйствіи органъ мысли, слово; сама же мысль находится безъ дѣйствія, сердце остаеться безъ ощущенія. — Почти можно сказать, что для нихъ разговоръ есть то же, что плѣсное упражненіе; но для тѣхъ, копорые занимаються словесностию и любяють ее, онъ есть самое прі-

яшнѣйшее упражненіе ума и сердца: у нихъ разговоръ раждаешя опъ шѣхъ *обыкновенныхъ истогниковѣ*, о кошорыхъ повпоряюшъ уже лѣшъ двадцашъ; у нихъ прелешъ новешя, споль привлекашельная для ума, возбуждаешъ умъ, даешъ ему видѣшъ и говоришъ безпрешпанно новое; у нихъ каждое слово всегда выражаешъ какую нибудъ мысль или чувспвованіе и раждаешъ множештво другихъ; говорящій дѣлаешъ вдохновеннымъ слушающаго, и оба, шакъ сказашъ, поперемянно бываюшъ геніями другъ друга. Слушающіе ихъ разговоръ могушъ подумашъ, что они присуствуюшъ на шѣхъ борьбахъ ума и воображенія, гдѣ поэшы, спорящіе о наградахъ за свое искусство, описываюшъ одинакій предметъ. Сколь часшо писашель почерпалъ въ разговорѣ съ своимъ соперникомъ шопъ воспоргъ, кошорый возвысилъ его надъ нимъ! Онъ былъ въ шо время шасшливъ, но дѣлался несравнечно шасшливѣе шогда, когда въ пріяшныхъ дружескихъ разговорахъ забывалъ всѣ шѣ минушы, въ кошорыя помышлялъ о средешвахъ унизишъ своего соперника. Кшо умѣешъ плашишъ дружбою за дружбу, шопъ шакже умѣешъ наслаж-

дашься и всѣми ея прелестями. Время, въ которое души будутъ въ соспояннн видѣться и бесѣдовать, есть для большѣй части людей предметъ вѣчныхъ ихъ надеждъ. Сіе райское благополучіе писатели могутъ низводить на землю. Испребише изъ сердца ихъ чувство зависти, — и я предпочту счастье ихъ самой ихъ славѣ. Какую великую истину сказала имъ Бюффонъ: *писатели илѣютъ болѣе нужды въ согласіи, нежели въ покровительствѣ*. Сколь пріятно имъ думать, что они могутъ гораздо болѣе сдѣлать себѣ добра, нежели сколько получили отъ Ришельё и Людовика XIV, которые сами одолжены болышею частию своей славѣ тому, что были покровителями писателей.

Скифы къ Александру Великому.

(Вольный переводъ изъ VIIй книги Квинта - Курція.)

Великій Александръ, побѣдами надмѣнной,
 Сей Царь—гроза людей, сей бичъ и страхъ
 вселенной,
 Включая гибель царствъ въ число безсмерт-
 ныхъ дѣлъ,
 Готовилъ въ шоржесивѣ и Скифамъ сей удѣлъ.
 Но жишели сихъ спранъ, съ геройскими
 сердцами,
 Свободными родясь—гнушались бышь рабами;
 Равны—и не мечшавъ о суешныхъ чesпяхъ,
 Вели счастливы дни въ опеческихъ лѣсахъ.
 Одинъ изъ Скифовъ сихъ, покоршвуя народу,
 Съ геройспвомъ на челѣ, въ душѣ храня
 свободу,
 Безпрешно предсталъ предъ грознаго Царя.
 Усерднымъ рвеніемъ къ опечесшву горя,
 „О вождь!“,—вѣщашъ Скифъ власпипелю
 надмѣнну,—
 Скажи, почшо пришекъ въ спрану непро-
 свѣщенну?
 Почшо насъ угнешашъ велишь своимъ рабамъ?
 Не сдѣлавъ зла шебѣ—за чшо опмщашъ намъ?
 Скажи видалъ ли пы, чшобъ Скифы ополченны,
 Съ толпой бездушныхъ жершвъ къ убійспвамъ
 усшремленны,
 Забывъ, сколь свяшо всѣмъ спокойспвіе
 гражданъ

Впоргалися съ мечемъ въ предѣлы чуждыхъ
спрань?

Коль мы хранимъ свой долгъ — почшо ты
нарушаешь?

Знай, Скифовъ покорить напрасно ты меч-
шаешь;

Свободными родясь—мы съ младости своей

Привыкли презирашь и рабство и Царей!

Ты мнишь, что изверговъ пришелъ смирить
войною —

Но ты—копорого рушительной рукою

И царства и Цари низвергнушы во прахъ,

Копорому вездѣ предъидеть смерть и страхъ,

Кшо ты—коль не злодѣй убійствомъ знамен-
нишой?

Внимая воплямъ жершвъ и кровью ихъ омышой,

Рушитель пишины и счастья людей,

Всѣмъ жершвуя алчбѣ и люлости своей,

Убійствомъ окружень и жребій зря ужасной

Лидіи, Персіи и Сиріи несчастной,

Средь нѣги, роскоши, сокровищъ и побѣдъ,

Ужель алкаешь ты свершенья новыхъ бѣдъ?

О Царь! среди лѣсовъ, гдѣ Скифы обипакшъ,

Гдѣ дышущъ вольностью и рабство прези-
рающъ,

Гдѣ чщущъ одинъ законъ—природы и Боговъ!

Гдѣ въ сердцѣ каждаго, къ опечесшву лю-
бовь!

Вѣрь, игу чуждому никшо не покорисья.

Но бѣдствіе войны доколь побой продлишся?

Доколь будешь ты разить и угнѣшашъ?

Кто право далъ тебѣ кровь смертныхъ про-
 ливашь?
 Коль въ образѣ швоемъ — грозящемъ всѣмъ
 бѣдами—
 Зрю — свыше смертнаго — власпишеля надъ
 нами,
 Коль Богъ ты — благоспѣю равняйся самъ
 Богамъ.
 Но есшьли смертный ты во всѣмъ подоб-
 ный намъ,
 Съ какихъ ты правъ велишь народамъ — по-
 каряшья,
 Природу унижаешь и духомъ пресмыкашья?
 Знай, смертный какъ и мы — въ величествѣ
 своемъ,
 Ты славенъ лишь мечпной, но равенъ намъ
 во всѣмъ!

Н. Хмѣльницкій.

М о н а с т ы р ь.

(Э л е г і я.)

Наспалъ покоя часъ! опъ хвалъ, моленій
 помныхъ,
 Пустынной пишинѣ предавши мрачный храмъ,
 Рядъ труженицъ идешь печальныхъ и без-
 молвныхъ
 Склонись къ сладоспнымъ забвенія меч-
 шамъ. —

*

Смиренны спранницы сей жизни скоро-
 печной,
 Для коихъ на всегда веселье опцвѣло;
 Ихъ вѣра облекла въ одежду скорби вѣчной,
 Ихъ къ гробу блѣдное популено чело.

*

Всшупаешь каждая въ свой перемъ оди-
 нокой,
 Другъ къ другу скорбный взглядъ бросая при
 дверяхъ;
 Свѣшило дневное сокрылось въ поншь глубо-
 кой
 И вечеръ воцаренъ прохладный на поляхъ.

*

Все нѣмо вокругъ меня! лишь тихое мо-
 ленье
 Несется изъ среды обипели свяшой;
 Тамъ дѣва, пришаясь, въ сердечномъ сокру-
 шеньѣ
 Возносишь къ Божеству смиренно голось свой.

*

Быль можешъ, спрастию нещастною
 помима,
 Погибшихъ радостейъ взываешъ отъ небесъ—
 Или печалию ко гробу приводима,
 Послѣдній молишь часъ съ попокомъ горькихъ
 слезъ.

Какъ, скрытое во мракъ, ей внемлешъ
 провидѣнье,
 И часъ полуночи медлительный звучишь,
 Сонушницы ея вкушаюшь усиленье —
 И ихъ безбрачный одръ являешъ гроба видъ.

Свѣщильники любви для нихъ не возго-
 рятся,
 Супруги нѣжные ихъ къ персямъ не прижмушь,
 Ихъ въ чадахъ красоты уже не обновящя,
 И самыя мечпы жилища ихъ бѣгушь.

Ихъ строгое одной священи обожанье
 Кладешъ на лица ихъ угрюмости печашъ;
 Ихъ сердце хладное мерщвѣшъ въ поканьѣ,
 Въ привычкѣ горестной отъ радостей бѣжашъ.

Всѣ дни посвящены заняшямъ единымъ
 Гнѣвъ праведныхъ небесъ на милосъ прекло-
 няшъ,
 Ко промыслу несписъ хваленвемъ усщъ не-
 виннымъ,
 Свящый его олшаръ смиренно украшашъ.

О вы владѣющи возлюбленныхъ сердцами,
 Кому веселіе въ семь міръ суждено,

Не смѣйте ихъ встрѣчать надмѣнными очами,
 Все ваше щастіе мгновеніе одно.

Ни ласки милыхъ чадъ, ни ихъ лобзанье
 нѣжно,
 Ни спрасныя любви моляцій слезный гласъ,
 Ничто не опвршишь перзанье нѣизбѣжно,
 Съ копорымъ грозна смершь опкроеть гробъ
 для васъ!

Пускай, подобно вамъ, онѣ во взорахъ
 спрасныхъ,
 Величіе своей побѣды не прочтуть,
 Не встрѣшатъ ихъ во вѣкъ—и рукъ своихъ
 прекрасныхъ
 Въ объятія пламенной любви не проспрутъ—

Увы! сія краса и взоры жизнь даючи
 Лишатся нѣкогда пріятности своей:
 По розовымъ пушамъ и перновымъ идуци
 Равно скрываются подъ хладною землей.

Что самая любовь, сей жизни упоенье?
 Восшорги пламенны въ сліаніи сердець,
 Не сполько сладосны, какъ спрашно раз-
 лученье
 Копорымъ познаемъ мы жизни сей конецъ.—

Бышь можеть, нѣкогда къ гробницѣ сей
 высокой,
 Когда вы въ пишинѣ придете здѣсь бродить,
 Въ мечшанья погружась о долѣ одинокой,
 Приникнешь скорбна пѣнь и будешь говорить:

„Я юную имѣлъ во цвѣщѣ дней подругу;
 „Ее срезала смерть—последнюю ей услугу
 „Опдашь я въ горести за гробомъ текъ ея;
 „Унылый мѣди звонъ, свѣщъ шусклаго огня,
 „Мольбы, кощорья вокругъ гроба просширались,
 „Съ сщещаніемъ друзей и съ плачемъ ихъ
 сливались:

„Все скорбію мой духъ наполнило погда;
 „Но что я чувспивоваль, красавицы!... когда
 „На первый звукъ земли валимой шихо съ
 края,
 „Въ глуши ошозвалась обишель гробовая?...

М.

Возы съ сѣнолѣ.

(Басня).

„Нѣшь, нѣшь, гнѣдой! никакъ не у-
спуплю,

Я унижаешься не люблю,
Какъ сѣно повеземъ, смотрижь, спупай за
мною;
Я въ Пишерѣ возилъ Секретаря съ женою,
Да шолько иногда
Съ дворцовой приспани вода
Въ боченкѣ легонокѣ на мнѣ ващалась;
Теперь-шо черная работа мнѣ досталась,
Однако духъ мой не уныль,
Смотри, какъ впереди пойду я горделиво!“
Такъ рыжій говорилъ.—
Изволь идищи щаспливо,
Сказаль гнѣдой... и возы повезли.
Послушайшежь: когда дорогой шли,
Гнѣдой въ переднему все возу подвигался,
Щипаль сѣнцо да наѣдался,
А рыжій съ гордостью лишь удилы глодалъ
И шакъ оголодалъ
Что до ночлегу чупь добрался.

*

Подобныхъ выскочекъ я межъ людьми ви-
далъ,
У нихъ въ умѣ всегда шревога:

Чинокъ бы лишній взявъ опередишь другихъ.
Избави Господи ошъ замысловъ такихъ!
Переднему шруднѣй дорога.

Н. О...

II. НАУКИ и ХУДОЖЕСТВА.

Шиллерово разсужденіе о высокомъ.

(Окончаніе.)

*Высокое, также какъ и прекрасное, по всей природѣ щедро разсыпано, и чело-
вѣку дана способность чувствовать обо-
е; но развитіе того и другаго чувст-
ва бываетъ неравное и требуетъ посо-
бій оны искусства. Уже сама природа
хочетъ, чтобы мы сперва къ красотѣ
прилѣплялись, между тѣмъ какъ еще вы-
сокаго чуждаемся: ибо красота есть дѣ-
шпроводительница духа нашего въ его мла-
денчествѣ, и она должна насъ изъ гру-
баго естественнаго состоянія возвести
въ состояніе утонченное. Но хотя ей
принадлежитъ первая любовь наша, и
она хотя первая научаетъ насъ чувство-
вать: однако природа постаралась и о
помъ, чтобы чувство красоты долѣ не
могло приishi въ зрѣлость, и для пол-
наго своего развитія требовало бы обра-
зованные уже умъ и сердце. Если бы
вкусъ вполне созрѣлъ прежде нежели ис-
стина и нравственность иными вѣрнѣй-
шимъ путемъ вселились въ сердце, то
чувственный мѣръ оставался бы кон-*

цемъ нашихъ успремленій. Мы не выступали бы изъ онаго ни поняшїями ни чувствами нашими; и то, чего не можешь предспавить намъ воображеніе, не имѣло бы для насъ и бышїя. Но по счастью таково уже успроеніе природы, что вкусъ хощя и рано цвѣсти начинаешь, позже другихъ душевныхъ способностей приходишь въ зрѣлость. Между шѣмъ имѣемъ довольно времени обогатить разумъ поняшїями и вкоренишь сердцу правила, а съ шѣмъ купно раскрышь въ умѣ своемъ чувство высокаго и величественнаго.

Пока человекъ былъ только рабомъ необходимости физической, не умѣлъ еще выйти изъ шѣснаго круга нуждъ и не сознавалъ еще въ себѣ высокой духовной свободы, до шѣхъ поръ должна была ему необьяшность природы напоминать только шѣсному его воображенїя, а вредоносность ея физическое его слабосиліе. Слѣдовательно долженъ былъ онъ первую съ малодушіемъ пропускашь мимо себя, а опъ послѣдней съ ужасомъ опвращаться. Но лишь только свободное созерцаніе дало ему опомнишь опъ слѣснаго прираженїя силъ физическихъ и

лишь только открылъ онъ среди сего прилива явленій нѣчто въ самомъ себѣ постоянное: по уже дикія около его массы еспесва возговорили его сердцу совершенно инымъ языкомъ. Тогда усма-приваемое имъ въ предметахъ *относительно великое* послужило зеркаломъ, въ коемъ онъ увидѣлъ *неотносительно или неограниченно-великое* своея сущности. Безъ боязни уже, но съ пріяннымъ со-дроганіемъ приближается онъ тогда къ симъ спрашилищамъ своего воображенія и нарочно всю силу онаго напрягаетъ, чшобъ предспавишь необъянное для чувствъ; и чшобъ ошъ самой невозможности такого предспавленія пѣмъ жи-вѣе ощушишь превосходство идей сво-ихъ надъ всѣмъ, что въ чувстввенности можеть бышь высочайшаго. Возрѣніе на безконечныя дальности и недосыгаемыя высоты, на обширный у ногъ его океанъ и на океанъ обширнѣйшій надъ его гла-вою, изпоргаетъ духъ его изъ шѣснаго круга сущесстввенности и изъ удручаю-щихъ оковъ физической жизни. Простое величество природы приучаетъ его мѣ-ришь вещи большимъ мѣриломъ; и окру-жень будучи великими явленіями ея, не

терпѣшь онъ уже спѣшенности въ своемъ образѣ мыслей. Сколько уже, можешь бышь, лучезарныхъ мыслей и геройскихъ намѣреній, не пришедшихъ бы на умъ въ учебномъ кабинетѣ, или въ госпоиной комнатѣ, — родилось прогулкою на свѣжемъ воздухѣ, единственно опъ сей мужественной сшибки духа нашего съ великимъ духомъ природы: — и не рѣдкому ли обхожденію съ великимъ Геніемъ симъ приписывать опчаспи должно по, что горожане характеръ имѣють наклонный къ бездѣлицамъ, спѣснившійся и завялый, между пѣмъ какъ у кочеваго народа нравъ опкрытый и свободный, подобно небу, подъ коимъ онъ вишаешь.

Но не только *высокое кагествѣ*, или по, чего необъемлешь воображеніе, — даже *высокое колитествѣ*, чего необразишь понятіе, — *разстройство*, когда оно въ большемъ видѣ и когда дѣломъ нашурѣ являешь (иначе оно презрѣнно), можешь служишь къ изображенію сверхчувственнаго и воскресишь душу. Кто не засмопрѣлся скорѣе на умный безпорядокъ дикаго ландшафта, нежели на бездушную правильность французскаго сада? Кто не будешь охотнѣе дивисься

чудной борьбѣ плодородія и разрушенія въ долинахъ Сицилійскихъ, чей взоръ не захочешь лучше остановиться на Шотландіи съ ея дикими водопадами и шумными горами, великою природою Оссіана, — нежели въ плоской, ровненной Голландіи удивляться горькой побѣдѣ человѣческаго перпѣнія надъ спрощивѣйшею изъ стихій? Безспорно то, что на равнинахъ Баппавскихъ физическому чловѣку жишь гораздо покойнѣе, нежели при подошвѣ невѣрнаго Везувія, и что для ума, любящаго во всемъ опчеть и распорядокъ, гораздо пригоднѣе регулярный хозяйственнй огородъ, нежели дикой ландшафтъ природы. Но въ чловѣкѣ есть, сверхъ потребностей живоша и плошужденія, другая еще потребность, и онъ опредѣленъ еще кое къ чему, кромѣ шого, чшобъ постигашь окружающія его явленія.

Что для чувствительнаго путешественника дѣлаешь споль привлекательною страннообразность физическаго шворенія, — самое то опкрываетъ воспламененному высокимъ чувствомъ уму, даже въ неустройствѣ нравственнаго міра, приводящемъ другихъ въ шоликое раз-

думье — источникъ особеннаго удовольствія. Правда, что ежели кто желаетъ освѣтивъ скуднымъ факеломъ человѣческаго разумѣнія темное для насъ въ великомъ чершежѣ природы, и всегда полько о помѣ помышляеть, какъ бы въ смѣломъ ея безпорядкѣ найти гармонію, — тому не понравится такой міръ, въ которомъ все, кажешся, болѣе по неистовому случаю, нежели по мудрому устройству плану, и гдѣ по большой части достоинство и счастье не ладятъ другъ съ другомъ. Ему хотѣлось бы, чтобы въ великомъ ходѣ мірскихъ вещей все такъ шло, какъ въ порядочномъ хозяйствѣ; и когда онъ, что и естественнo, не примѣчаетъ никакого порядка въ ономъ, тогда оспается ему одно утѣшеніе, ожидаетъ опять будущей жизни и опять другой натуре того удовлетворенія, котораго настоящая и прошедшая жизнь не могли ему доставить. Но ежели онъ добровольно откажется опять покушеній сообразить въ умѣ своемъ сей нестройный хаосъ явленій, то онъ получитъ съ другой стороны богатый замѣнъ за то, что съ этой стороны считаешь потеряннымъ. Самый сей недостатокъ соотвѣтственности

между явленіями нравственнаго міра, чрезъ что оныя для насъ непонятны и бесполезны разумѣнію нашему, не усма-привающему въ нихъ пошребной связи, дѣлаешъ ихъ шѣмъ вѣрнѣйшими знаменіями *гистаго* (п. е. не подчиненнаго плоти) *разула*, который по сему неправильно-му и, такъ сказаши, безчинному шествію природы, видиши собственную свою ошъ физическихъ условій независимосшъ. Ибо когда мы, разрознивши какія либо сщѣпленныя, или рядомъ споявшія вещи, поспавимъ оныя одну ошъ другой ошдѣльно, тогда получаемъ понятіе о независимосши, которое разишельно сходшвуешъ съ идеею свободы, внушаемою намъ чисшымъ разумомъ. Въ сей-по идеѣ свободы, которую разумъ въ самомъ себѣ почерпаешъ, *соединяетъ онъ мыслями своими* то, чего понятіе или разумѣніе *познаніями своими не можетъ совокупить во едино*; и посредствомъ сей идеи наслаждаешся онъ безконечною игрою явленій, пребывая въ тоже время власшешлиномъ разумѣнія, яко способности ошъ физическихъ условій зависящей. Предспавивъ же себѣ, какую долженшвуешъ имѣшъ цѣну для существа разумнаго

чувствованіе себя независимымъ опъ законовъ естественныхъ, поймемъ мы, опъ чего производишь, что люди возвышеннаго духа, сею предложенною имъ идеею свободы могутъ счищать себя вознагражденными за всякій неуспѣхъ въ достиженіи познаній. Свободу, при всѣхъ ея нравственныхъ несообразностяхъ и физическихъ бѣдствіяхъ, благородной душѣ гораздо занимательнѣе видѣть, нежели благосостояніе и порядокъ безъ свободы,—овець терпѣливо идущихъ за пастыремъ; державную волю, смиряющуюся до того, чтобы служишь раболѣпнымъ членомъ машины. Въ послѣднемъ случаѣ можетъ человекъ конечно счищаться замысловатымъ произведеніемъ природы, и бытъ счастливымъ ея гражданиномъ: но въ первомъ случаѣ, т. е. со свободою, дѣлается онъ гражданиномъ и соуправителемъ высшей системы, гдѣ несравненно славнѣе занимаешь послѣднюю степень, нежели бытъ Корифеемъ порядка физическаго.

Съ сей стороны разсматриваемую, — и только съ сей стороны, починаю я Испорію предметомъ высокимъ. Міръ историческій въ самомъ дѣлѣ не иное

что есть, какъ поприще, гдѣ силы естественныя, по одна съ другою, по со свободою челоуѣка сражающія и объ усудѣхѣ сей борьбы извѣщаешь насъ бышописаніе. Изъ толликаго множества наконченныхъ уже Исторіею до нашего времени замѣчаній, большая однако часть наберется такихъ, гдѣ она намъ о *Естество* (къ коему всѣ спрасти челоуѣчскія причислять должно), нежели такихъ, гдѣ она о *самосуцномъ Разумѣ* намъ возвѣщаешь; и сей могъ по особымъ шолько изключеніямъ изъ законовъ естества, оказать власъ свою въ Капонахъ, Аристидяхъ, Фокіонахъ, и имъ подобныхъ людяхъ. Ежели разкроемъ бышописаніе съ великими ожиданіями, что изъ онаго научимся и просвѣдимся, — сколько мы въ шомъ обманемся! Всѣ благонамѣренныя покушенія философовъ, дабы согласить шомъ, чего нравственность *требуетъ*, съ шѣмъ, что дѣйствительный міръ *приноситъ*, остающія шш шными, и сколь охотно *въ органическомъ своемъ царствѣ* природа кажешся шествующею по правиламъ, какія предначерпываетъ ей нашъ разумъ, шполь напрошивъ шого шпрошно въ *царствѣ свободы* разпоргаешь

она узду, по которой водить бы ее хотѣло наше устроиваніе.

Совсѣмъ иное будетъ, ежели вовсе откажемся отъ покушеній изъяснять природу; и ежели самую непоспѣжливую ея возьмемъ за основаніе нашихъ объ ней разсужденій. Одно то уже, что природа—взятая въ огромномъ видѣ—посмѣвается всѣмъ предписываемымъ ей нами въ умѣ нашемъ правиламъ; что она, на самомъравномъ, свободномъ пути своемъ, съ равнымъ невниманіемъ попираетъ произведенія мудрости и произведенія случая; что она увлекаетъ въ одинъ гробъ съ собою и дорогое и маловажное, и изящное и простое; что она здѣсь сохраняетъ въ цѣлосіи муравейникъ, тамъ разрушаетъ величавѣйшее свое твореніе — человека, сокрушивъ его въ своихъ гигантскихъ объясненіяхъ; что она пруднѣйшія пріобрѣтенія свои иногда въ одинъ легкомысленный часъ разпочаетъ, иногда надъ дѣломъ слабоумія работаетъ цѣлые вѣки; — словомъ сказать, сіе опладеніе природы, взятой вообще, — отъ правилъ, коимъ она себя въ особенносіи, въ опредѣленныхъ своихъ явленіяхъ подчиняетъ, очевидно доказы-

ваешь совершенную невозможность изъяснишь природу ея же физическими законами, и дѣлаешь общее заключеніе о ней почему либо примѣченному въ ней часпно: а, опъ того душа наша порѣвается неудержимо изъ міра явленіи въ міръ идей (умоначертаній), изъ условнаго въ безусловное.

Въ разсужденіи сего еще далѣе нежели чувственнопоспнжимое, заводимъ насъ грозное для чувственности, вредительное естество; разумѣется, пока мы свободными онаго оспаемся зрительями: ибо чувственный человекъ и чувственная половина въ человекѣ умственномъ всемѣрно опасаются раздражишь сие могущество, которое надъ благополучіемъ и надъ бытіемъ господствуетъ.

Высшій идеаль, къ коему мы подыти спремимся, есть то, что, чтобъ жить въ согласіи съ физическимъ міромъ, хранилелемъ благоденствія нашего, не сорываясь чрезъ то и съ нравственнымъ міромъ, судією нашихъ достоинствъ. Но, какъ извѣстно, не всегда можно бытъ въ одно время слугою обоихъ владыкъ, и хотя бы въ комъ случалось (почти невозможный случай!) неспоришь никогда дол-

жностями со склонностями: необходимость естественная ни въ какіе договоры съ человѣкомъ не вступаетъ и человѣкъ не предохраненъ отъ козней рока, ни силою своею, ниже искусствомъ. И такъ, благо ему, когда онъ научился сносить то, чего ему нельзя уже перемѣнить, и огордившись чувствованіемъ своего достоинства, — отдаваешь добровольно то, чего нельзя сохранить! Могущъ въспрѣшиться случаи, что бѣда со всѣхъ сторонъ, какъ говорится, на него ударившая, завладѣетъ всѣми внѣшними укрѣпленіями, на которыхъ основывалъ онъ свою безопасность, и ему нѣкуда будетъ дѣваться, какъ только убѣгнувъ въ святилище свободы духовной;—гдѣ къ успокоенію живолюбія одно есть средство: самому рѣшиться на все; и къ отвращенію насильства физическаго, одно средство: предупредить оное, и въ привязанности чувственные самоохотно опложивши, морально умертвивъ плоть, прежде нежели сдѣлаешь по физическая какая либо сила.

А на сіе рѣшительнымъ его содѣлываютъ потрясенія душевныя чувствомъ высокаго, и частое обхожденіе съ еше-

ешвомъ вредительнымъ; не только тогда, когда онъ издали смошришь на злошворность онаго, но и тогда, когда видишь оную вблизи, поражающую ближнихъ его. *Патетическое* (шрогашельное) ешь искусственное изображение несчастія и оно, подобно испинному несчастію, приводитъ насъ *въ непосредственное сношеніе* съ закономъ духовъ, въ груди нашей повелѣвающимъ. Но испинное несчастіе не всегда хорошо избираетъ свое время и свою жерпву. Оно часто въ разплоть, засшигаетъ насъ беззащитныхъ; и, что еще хуже, принимаетъ у насъ нерѣдко всѣ средства обороны. Искусственное же несчастіе *Патетическаго* засшааетъ насъ уже въ полномъ, такъ сказать, вооруженіи; мы принимаемъ оное не за подлинное, а за вымысль; и чрезъ эшо даемъ ся нужное время *самосущному началу* духа нашего приши въ себя и ушвердились въ совершенной своей независимости. А чѣмъ чаще духъ упражняется въ семъ подвигѣ самодѣшельности, тѣмъ онъ къ тому способнѣе спановишся, и тѣмъ болѣе приобрѣтаетъ власпи надъ чувспвенностію; такъ что наконецъ и тогда когда вмѣ-

сплю вымышленнаго искусственнаго несчастія подлинное нагрнешь, — въ союзіи онъ будетъ принять оное такъ какъ бы искусственное, и возможешь — выспреннѣйшій порывъ естесшва чловѣческаго! — возможешь своимъ собственнымъ дѣйсшвительнымъ мученіемъ наслаждашсь какъ высокимъ прогашельнымъ предметомъ. По сему можно назвашь *патетическое* прививаніемъ чловѣку неизбѣжныхъ золь, кои чрезъ по вредныхъ своихъ дѣйсшвій лищаються, и коихъ удары опивдаются припомъ на крѣпчайшую спорону чловѣческой души.

И такъ прочь съ ложнопонимаемою пощадою разборчивосши, и съ изнѣженнымъ вкусомъ, копорый на строгое лице необходимосши накидываетъ завѣсу; копорый, чшобъ подольстшиться къ чувсшвенности, скрашиваетъ, смягчаетъ, умалчиваетъ истину! Лицемъ къ лицу да явшсь намъ враждебный рокъ! Не въ невѣденіи окружающихъ насъ опасностей, — ибо невѣденіе рано ли, поздно ли, мицнешь, — но въ знакомсшвѣ съ ними сошпощь наше спасеніе. Къ сему знакомсшву ведетъ насъ грозновеличсшвенное зрѣлище превращенности, кошорая все ру-

шипъ и зиждешъ и рушишь паки; гибели, копорая иногда крадется медлительнымъ подкопомъ, иногда скоропостижно нападаетъ;—прогапельныя карпины борющагося съ судьбою человѣчества, неудержимо улепающаго счастья, обманутой надежды, торжествующей неправды и гибнущей невинности: карпины, копорыми исторія богача и копорыя намъ прагматическое искусство предъ очми подражательно представляешъ. Ибо какое сердце могло бы, ежели въ изображеніи не совсѣмъ пренебрежена нравоучительная цѣль, при зрѣлищѣ упорнаго но тщешнаго прошивуборства Мишридашова, или созерцающа паденія градовъ Сиракузь и Карфагена, — не ощутишь прещепное благоговѣніе предъ спростимъ закономъ необходимости; не обуздашь хотя на минушу желанія свои, и бывъ поражено симъ вѣчнымъ непостоянствомъ всего чувственнаго, не обратишься къ единому, что въ немъ самомъ постоянно пребываетъ! Изъ сего явствуетъ, что способность чувствовать *высокое*, есть одно изъ драгоценнѣйшихъ разположеній человѣческой природы, которое и по произхожденію своему ось самосуцной

способности мышления и воли заслуживаетъ наше почтеніе, и по дѣйствию своему на человѣка нравственнаго заслуживаетъ бытъ усовершенствовано во всей своей обширности. *Изящное* (или прекрасное) служитъ покомъ теловѣку на пользу; *высокое* служитъ на пользу *Ангелу безплотному*, въ человѣкѣ пребывающему: и поелику единожды уже назначено намъ при всей тѣснопѣ чувственныхъ границъ, управляясь по законамъ безплотныхъ существъ, то и долженствуемъ послѣ чувства *изящнаго* слѣдовать чувству *высокаго*, дабы довершивъ *Эстетическое воспитаніе* человѣка и разпространивъ чувство сердца человѣческаго на всю назначенную ему область, слѣдовательно даже за предѣлы міра чувственнаго.

Ежели бы мы не были надѣлены чувствомъ *изящнаго*, вѣчный бы въ насъ производилъ споръ между влеченіями физическимъ и моральнымъ. Стараюсь удовлетворить послѣднее; и повинуюсь единственно гласу духа нашего, забывали бы мы наше человѣчество, и готовы будучи на всякой часъ къ опществу изъ чувственнаго міра, пребыли бы мы на-

всегда чужды предписаннаго намъ здѣсь круга дѣятельности. Ежели бы оцѣнь не способны были чувствовашь *высокое* — занявшись единою красою, не думали бы о снисканіи доблести; изнѣженные непрерывнымъ наслажденіемъ, утратили бы мы силу характера, и пригвожденные взоромъ къ красотѣ, сей переходящей *формѣ бытія*, упустили бы изъ виду непрѣмное предопредѣленіе наше и истинную опизну. Тогда только, когда *высокое* съ *прекраснымъ* сочешается, и когда мы въ равной степени образованы будемъ къ возчувствованію обоого, — тогда только совершенными назовемъ гражданами природы, не будучи ея рабами и оспаваясь въ тоже время гражданами міра умшвеннаго.

Хотя природа сама собою представляеть множештво предметовъ, которыми пипашься могутъ чувства изящнаго и высокаго; однакоже и въ эпомъ, такъ какъ въ другихъ случаяхъ, челоуку удобнѣе изъ вшорыхъ рукъ услуживаешь, нежели изъ первыхъ, и ему пріятнѣе будешь занимашь у подражательнаго искусства гошовую уже и избранную машерію, нежели съ шрудомъ и по немно-

гу черпать оной въ мушномъ пошокѣ природы. Находящаяся въ чловѣкѣ спрасшь къ образовательности, копорая побуждаетъ его всякое приѣмлемое имъ впечатлѣніе отдавать опъ себя обратно въ живомъ впечатлѣннѣ, — и копорая во всякой прекрасной или величественной формѣ природы видитъ себѣ вызовъ соспязанъ съ природою, — сія спрасшь имѣеть то великое преимущество передъ природою, что можетъ избирать себѣ за главную цѣль и за отдѣльной предметъ такія вещи, кди природа ежели не совсемъ безъ намѣренія набросала, по крайней мѣрѣ употребила побочно и мимоходомъ, имѣвши въ виду другую какую либо ближайшую цѣль. Когда, на примѣръ, природа въ органическомъ своемъ твореннн не додѣлываетъ что, опъ недостатка ли въ потребномъ къ тому веществу, или опъ случайнаго какого тому помѣшательства, и слѣдовательно когда она *связана*, — или же когда она въ величественныхъ и шрогательныхъ своихъ явленняхъ насъ *связываетъ*, дѣйствуя на чловѣка насильственно, между тѣмъ какъ могла бы яко предметъ свободнаго созерцаннн быть только *эстетическою*:

иногда напротивъ того подражательни-
ца ея, образовательное искусство, пре-
бываетъ совершенно свободною, пошому
что устраняетъ оный предмета своего
всѣ случайныя недоспадки и оспавляетъ
пришомъ въ свободѣ душу созерцашеля,
предлагая *видѣ* одинъ, а не *тѣло*. А по-
елику въ наружномъ шолько видѣ, не во
внушренности шѣль сосшоишь все оча-
рованіе *высокаго и прекраснаго*, то и
пользуешся искусство изящное въ изоб-
раженіяхъ своихъ всѣми шѣми же выго-
дами, какими и природа, не обременяясь
шѣми же неудобствами.

сб Нѣмецк. А. Востоковѣ.

Ш. К Р И Т И К А .

Опытъ о поверхностяхъ вращенія. Сочинилъ Петръ Рахмановъ, Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента и Московскаго Общества Испытателей Природы Членъ, Докторъ Философіи, и разныхъ Иностранныхъ ученыхъ Обществъ Членъ и Корреспондентъ. Въ Санктъ-Петербурѣ. При Императорской Академіи наукъ, 1806 года.

Сочиненіе сіе не могло бы возбудишь моего любопытства (потому что я не думалъ, чтобы о *поверхностяхъ вращенія* можно было сказать что нибудь дѣйствительно новое), естли бы не увидѣлъ я далѣ другаго слѣдующаго заглавія: „*Опытъ о поверхностяхъ вращенія, съ присовокупленіемъ мнѣнія объ извѣстномъ спорѣ между Ейлеромъ и Даламбертомъ о интегралахъ уравненій частныхъ дифференціаловъ.*“ Хотя я совершенно убѣжденъ былъ, что мнѣніе Ейлерово не подвержено никакому сомнѣнію, однако мнѣ любопытно было узнать, какъ думаешь

о семь предметѣ Г. Сочинитель, шѣмъ болѣе, что онъ, въ бытность его въ Парижѣ, записанъ былъ въ Политехническую Школу славнымъ Лежандромъ, и по рассказамъ его, нерѣдко бесѣдовалъ во Франціи со многими великими людьми. Такимъ образомъ приспустилъ я къ чтенію сей книги. Прочитавъ же оную, крайне жалѣлъ о пошерянномъ мною на то времени; но какъ онаго возвращишь уже не возможно, по я думалъ извлечь изъ того покрайней мѣрѣ нѣкую пользу, чтобы изложить кратко содержаніе сего сочиненія и избавишь шѣмъ, можешь быть, другихъ отъ напрасной потери драгоценнаго времени (*).

Сочинитель во первыхъ занимается изысканіемъ уравненія касательной плоскости къ поверхностямъ, не давъ никакого опредѣленія сей плоскости; онъ поступаетъ для свисканія уравненія ея слѣдующимъ образомъ: чрезъ ту точку, въ которой надлежитъ прошинуть касательную плоскость, и еще чрезъ двѣ другія точки поверхности проводимъ плоскость, представляя уравненіе ея

(*) Криптика сія написана была вскорѣ по появленіи въ свѣтъ разсматриваемаго сочиненія; но Обществу доспавлена уже въ 1812 году.

напримѣръ, чрезъ $z' = Ax' + By'$, и ищеть предѣлы, къ коимъ приближаются количества A и B , по мѣрѣ приближенія двухъ послѣднихъ почекъ къ первой; поставя сїя надеяныя имъ предѣлы въ преднаписанное уравненіе вмѣсто A и B , говоришь, что произшедшее такимъ образомъ уравненіе принадлежитъ касательной плоскости.

Всякой удобно видѣшь можешь, содержишься ли здѣсь что нибудь хотя только похожее на доказательство математическое? Доказывать симъ образомъ не больше значить, какъ сказать прямо, что плоскость, коея уравненіе $(z' - z) = \frac{dz}{dx}(x' - x) + \frac{dz}{dy}(y' - y)$, называется плоскостью касательною въ той почкѣ поверхности, коея координаты суть x , y и z .

Впрочемъ, если послѣдуемъ нашему Автору въ его способѣ доказывать, то можемъ достигнуть къ весьма странному уравненію касательной плоскости.

Въ самомъ дѣлѣ, пусть x' , y' , z' означаютъ координаты взятой на поверхности почки, чрезъ которую пропнута надлежитъ касательную къ той поверхности плоскость, и пусть x'' , y'' , z''

и x'' , y'' , z'' будутъ координаты какихъ нибудь двухъ другихъ почекъ. Уравнение плоскости, которая проходитъ чрезъ сѣи три точки (смотри Feuilles d'Analyses &c. Par Gaspard Mong. An. IX; или Traité du Calcul différentiel et du calcul integral par Lacroix. T. 1. pag. 441) будетъ слѣдующее:

$$\left. \begin{aligned} & \frac{z' (y'' - y''') - z'' (y' - y''') + z''' (y' - y'')}{x' (y' z'' - y'' z'') - x'' (y' z''' - y''' z') + x''' (y' z'' - y'' z')} x + \\ & \frac{x' (z'' - z''') - x'' (z' - z''') + x''' (z' - z'')}{x' (y' z'' - y'' z'') - x'' (y' z''' - y''' z') + x''' (y' z'' - y'' z')} y + \\ & \frac{y' (x'' - x''') - y'' (x' - x''') + y''' (x' - x'')}{x' (y' z'' - y'' z'') - x'' (y' z''' - y''' z') + x''' (y' z'' - y'' z')} z + 1 \end{aligned} \right\} = 0.$$

Положимъ, что двѣ послѣднія изъ трехъ упомянутыхъ почекъ приближаются къ первой; явно, что въ семь случаевъ x'' и x''' приближаются къ x' ; y'' и y''' приближаются къ y' ; z'' и z''' приближаются къ z' ; а потому написанное выше уравнение приближается къ

$$\frac{0}{0} \cdot x + \frac{0}{0} \cdot y + \frac{0}{0} \cdot z + 1 = 0,$$

и сѣе уравнение, по способу нашего автора, должно принадлежать касательной плоскости.

Послѣ сего, на страницѣ 3, сочинитель ищетъ уравнение касательной плоскости, посредствомъ способа безконечно малыхъ количествъ и именно слѣдующимъ образомъ:

Пусть $dz = p dx + q dy$ дифференціальное уравнение предложенной поверхности; и $z' = Ax' + By' + C$ уравнение касательной плоскости, проведенной въ точку поверхности; коея координаты x, y, z . Будемъ $z = Ax + By + C$, и следовательно $z' - z = A(x' - x) + B(y' - y)$; попомъ оны полагаемъ $dx' = dx, dy' = dy, dz' = dz$, и следовательно $dz' = p dx' + q dy'$; и какъ уравнение касательной плоскости даетъ $dz' = A dx' + B dy'$, шо заключаемъ изъ сего, что $A = p, B = q$, и что $z' - z = p(x' - x) + q(y' - y)$ есть уравнение касательной плоскости.

Но авторъ съ шолкою же бы ясношю доказаль сие, положивъ напередъ $z' = px' + qy'$ уравненіемъ касательной плоскости. Ибо положивъ $z' = Ax' + By'$ уравненіемъ касательной плоскости, кошорое даетъ $\frac{dz'}{dx'} = A, \frac{dz'}{dy'} = B$, и попомъ положивъ $dz' = dz, dx' = dx, dy' = dy$, значивъ шоже, что и положивъ $A = \frac{dz}{dx} = p$, и $B = \frac{dz}{dy} = q$. Сии усилія нашего автора передоказывашь такую истинну, кошорая давно уже доказана Геометрами весьма просло, прямо и шрого, (смотри между прочимъ

Трансцен. Геом. крив. пов. Г. Академика Гурьева) произошли, можешь бышь опъ шого, что сіи Геометры удовлешворялись опредѣленіемъ шолько положенія касательной плоскости, и не искали уравненія ея; но они дѣлали сіе во первыхъ для шого, что при проведеніи касательной плоскости первѣйшее дѣло соспоишь въ опредѣленіи положенія ея, а во вторыхъ для шого, что всякой, копорый умѣешь опредѣлишь положеніе сей плоскости, безъ всякаго шруда найдетъ ея уравненіе. Дабы въ семъ удосповѣришься, я покажу здѣсь сколь проспо изъ положенія касательной плоскости найши можно ея уравненіе. Пусть RMS (см. Черш. г. Трансц. Геом. Г. Гурьева спр. 5 и 6) касательная плоскость, проведенная въ шочкѣ M предложенной поверхности, и пусть координаты $Ap = x, PN = y, NM = z$; сверхъ шого пусть уравненіе касательной плоскости, полагая начало координатъ въ шочкѣ A , ешь $z' = Ax' + By' + C$. Поелику плоскость сія проходитъ чрезъ шочку M , то будешь

$$z = Ax + By + C.$$

и слѣдовашельно

$$z' - z = A(x' - x) + B(y' - y).$$

Но точка S находится въ поже время и въ касательной плоскости и въ плоскости XAY ; чегоради должно бышь $z' = 0$, $x' = x$, $-y' = PS = NS - NP = \frac{z}{q} - y$; слѣдовательно $-z = -\frac{z}{q} \cdot B$, что даетъ $B = q$. И какъ точка R находится въ шѣхъ же самыхъ плоскостяхъ, то должно бышь $z' = 0$, $y' = y$, $-x' = Ar = RQ = \frac{z}{p} - x$; слѣдовательно $-z = -\frac{z}{p} A$, и $A = p$. И пакъ уравненіе касательной плоскости ешь $z' - z = p(x' - x) + q(y' - y)$.

Послѣ касательной плоскости сочинишель на страницѣ 4 приспупаетъ къ опредѣленію уравненія Нормаля; и на сей конецъ употребляетъ способъ, кошорый предложенъ Г. Монжемъ въ приведенномъ выше сего сочиненіи, и вѣроятно, шокмо для забавы, пошому что сей ученый мужъ изложилъ сперва способъ прямой опредѣляшь сію линію, а именно помощію положенія касательной плоскости. Сей же способъ, приняпый нашимъ авторомъ, основанъ на пресѣченіи поверхностей шаровъ, и мнѣ кажется, что оный шоль же прямъ, какъ пушь человекъ, ко-

порый бы изъ С. Пепербурга поѣхалъ въ Олоонецъ чрезъ Кіевъ.

Здѣсь шакъ же какъ и при касательной плоскости, уравненіе Нормаля безъ всякаго пруда найши можно, коль скоро опредѣлено положеніе онаго. Въ самомъ дѣлѣ, пусть MV (см. Транс. Геом. Г. Гурь Черш. 2. ева спра. 10) будетъ Нормаль поверхности въ почкѣ M , и V почка пресѣченія ея съ плоскостію XAY . Сверхъ того пусть UT и SR проекціи ея на плоскостяхъ XAZ и YAZ . Поелику $NK = LV = \frac{p}{z}$, то будетъ $PU = \frac{p}{z}$; и какъ $PT = z$, посему $\text{tang. } TUP = z : \frac{p}{z} = \frac{1}{p}$. Пусть абсцисса $Ap' = x'$, ордината $p'm' = z'$; когда пропьемъ $m'r'$ параллельно AX , то будетъ $Tr' = z - z'$, $m'r' = x' - x$, и какъ $\text{tang. } Tm'r' = \frac{1}{p}$, посему $\frac{z - z'}{x' - x} = \frac{1}{p}$, или $\frac{z' - z}{x' - x} = -\frac{1}{p}$; откуда производись.

$$x' - x + p(z' - z) = 0.$$

Такъ же пусть $Ap = y'$, $pm = z'$; пропьяни Rr параллельно AY . Поелику $KV = NL = -\frac{1}{z}$, то, будетъ $QS = -\frac{1}{z}$; и какъ $RQ = z$, посему $\text{tang. } QSR = \text{tang. } rRm = z : \frac{1}{z} = -\frac{1}{q}$. Поелику же $mr = z' - z$, $Rr = y' - y$,

посему $\frac{z'-z}{y'-y} = -\frac{1}{q}$, и слѣдовашельно

$$y' - y + q(z' - z) = 0.$$

Таковы суть уравненія Нормаля.

На бы страницѣ сочинилель присту-
паешь къ поверхноспямъ вращенія. Здѣсь
вспрѣчается слѣдующее выраженіе: „Глав-
ное свойство сего рода поверхноспей
состоитъ въ томъ, что ежели разрѣ-
жешь оную проходящею чрезъ всю ось
вращенія,“ и проч. Слово *всю* совсемъ из-
лишнее, для того, что когда часть пря-
мой линіи находится въ плоскости, то
и вся оная лежишь въ сей же самой пло-
скости. Далѣе Авшоръ находишь уравне-
ніе поверхноспи вращенія обыкновеннымъ
образомъ; а именно: пусть AZ ось вра-
щенія; чрезъ точку A проведи плоскость
перпендикулярную къ сей оси и въ оной
протяни двѣ взаимно перпендикулярныя
оси AH и AV . Пусть точка M находишь
на поверхности: опусти на плоскость
 HAV перпендикуляръ MN , и попомъ на
линію AH перпендикуляръ NP ; проведи
 AN и оной параллельную MQ ; будешь MQ
перпендикулярна къ AZ . Положи $MN = AQ$
 $= z$, $NP = y$, $AP = x$, $AN = MQ = u$; будешь $u =$
 $\sqrt{x^2 + y^2}$. Тушь сочинилель говоришь,

что дабы пресѣченіе плоскости AQM съ поверхностію вращенія было подчинено какому нибудь закону, надобно, чтобы было z функція u , что и дѣйствительно справедливо, и слѣдовательно въ семь случаев уравненіе поверхности вращенія будетъ

$$z = \phi \cdot \sqrt{x^2 + y^2}.$$

Пошомъ далѣе сочинитель говоритъ, что видъ сей функціи можетъ быть даже и не подверженъ закону непрерывности. И пакъ въ одно и тоже время онъ полагаетъ количество u и прерывною функціею количества z , и функціею никакому закону непрерывности неподверженною. *Такое противорѣчіе, кажется, очень не дозволительно, а наипаче тому, кто покушается разрѣшить споръ между Эйлеромъ и Даламбертомъ.*

Сочинителю при опредѣленіи уравненія поверхности вращенія надлежало сказать, что какая бы ни была линія, производящая поверхность, всегда будетъ $u = \sqrt{x^2 + y^2}$, и слѣдовательно, когда она никакому закону неподвержена, то z будетъ не зависимо отъ u , слѣственно въ семь случаевъ выраженіе $z =$

$\phi \sqrt{x^2 + y^2}$ разумѣть надлѣжитъ такъ, что видъ функціи ϕ не подверженъ ни какому закону, и есть совершенно произвольный. Если же она линия есть непрерывная, тогда видъ сей функціи будетъ определенъ.

Изъ уравненія $z = \phi \sqrt{x^2 + y^2}$ сочинитель находить слѣдующее: $\frac{dz}{dz} y - \frac{dz}{dy} x = 0$, и употребляетъ присемь знакоположеніе Лагранжево; по обыкновенному же знакоположенію уравненіе сіе найдется слѣдующимъ образомъ: Написанное выше уравненіе даетъ

$$\frac{dz}{dx} = \frac{d. \phi \sqrt{x^2 + y^2}}{dx} = \frac{d. \phi \sqrt{x^2 + y^2}}{d. \sqrt{x^2 + y^2}} \cdot \frac{d. \sqrt{x^2 + y^2}}{dx} =$$

$$\frac{d. \phi \sqrt{x^2 + y^2}}{d. \sqrt{x^2 + y^2}} \cdot \frac{2x dx}{dx} = \frac{d. \phi \sqrt{x^2 + y^2}}{d. \sqrt{x^2 + y^2}} \cdot 2x = p; \text{ и такъ}$$

же будетъ $\frac{dz}{dy} = \frac{d. \phi \sqrt{x^2 + y^2}}{d. \sqrt{x^2 + y^2}} \cdot 2y = q$. Откуда, поелику x и y входятъ въ функцію ϕ одинаковымъ образомъ, производить $\frac{p}{q} = \frac{x}{y}$, или $py - qx = 0$.

Сочинитель говоритъ, что сіе уравненіе $py - qx = 0$ принадлежить всякаго рода поверхностямъ вращенія; но сіе надобно доказать, а именно надобно показать, что изъ сего уравненія можно вывести уравненіе $z = \phi \sqrt{x^2 + y^2}$, въ кошо-

ромъ z есть произвольная функція x и y , что и дѣйствительно сдѣлать можно слѣдующимъ образомъ:

Пусть $dz = p dx + q dy$, поелику $q = \frac{py}{x}$, и потому $dz = p dx + \frac{py dy}{x} = \frac{p(rx + y dy)}{x}$, или $dz - \frac{p(rx + y dy)}{x} = 0$; Но какъ p можетъ быть всякая произвольная величина, то должно быть $dz = 0$, $x dx + y dy = 0$; что даетъ $z = a$, $\frac{x^2}{2} + \frac{y^2}{2} = \frac{b^2}{2}$, или $z = a$, $x^2 + y^2 = b^2$ или $b = \sqrt{x^2 + y^2}$; и какъ количества a и b ни сколько другъ ошь друга не зависяшь, то можно положить a произвольною функцію количества b , то есть можно положить $z = \phi \sqrt{x^2 + y^2}$, гдѣ z есть произвольная функція количества $\sqrt{x^2 + y^2}$; и какъ сіе уравненіе принадлежитъ вообще всякой поверхности вращения; то слѣд. и проч.

Наконецъ на 12 спран. сочинитель разрѣшаетъ оный славный споръ. Вошь въ чемъ соспоитъ сіе разрѣшеніе.

„Вообще положимъ, что дана функція количества x, y, z, p и q , наприм.

$$(D) F(x, y, z, p, q) = 0$$

„въ кошорой $p = \left(\frac{dz}{dx}\right)$ и $q = \left(\frac{dz}{dy}\right)$. Слѣдова-

„цельно p и q суть нѣкопорыя функціи
 „количесствъ x , y и z наприм. $p=f(x, y)$
 „и $q = \theta(x, y)$.

„ Видѣ обѣихъ сихъ функцій связаны
 „однимъ уравненіемъ (D) . Слѣдоващ. одна
 „изъ оныхъ можетъ бытъ произвольною,
 „въ своемъ видѣ закону непрерывности
 „неподверженною и даже совершенно не-
 „правильною. Въ семъ случаѣ въ инте-
 „гралѣ уравненія (D) должна взойти про-
 „извольная въ своемъ видѣ закону непре-
 „рывности споль же неподверженная
 „или неправильная функція. Но какъ видѣ
 „одной изъ двухъ функцій f и θ опредѣ-
 „лень, по уравненіе (D) опредѣлишь видѣ
 „другой, и интегралъ уравненія (D) не
 „будешъ уже заключащъ въ себѣ произ-
 „вольной функціи и уравненіе (D) обра-
 „щися въ конечное уравненіе слѣдующа-
 „го опредѣленнаго вида:

$$F(x, y, z, f(x, y), \theta(x, y)) = 0$$

„ Въ копоромъ видѣ функцій F , f , и θ опре-
 „дѣлень, слѣдоващельно сіе уравненіе дол-
 „жно соспоящъ изъ членовъ взаимно
 „уничпожающихся. Таково естѣ мое мнѣ-
 „ніе о интегралахъ уравненій частныхъ
 „дифференціаловъ. Ежели я ошибаюсь, по
 „прошу покорнѣйше чипашеля изъ любви

„къ наукамъ вывеспи меня изъ заблужденія.“

Изъ любви къ наукамъ сочинилъ нашему нужно было бы прочиташъ и уразумѣшь прежде сочиненіе славнаго Арбогаста подъ заглавіемъ: Mémoire sur la nature des fonctions arbitraires qui entrent dans les intégrales des équations aux différentielles partielles. Présenté à l'Académie Impériale de Sciences de St. Petersburg. Pour concourir au Prix proposé en 1787 et couronné dans l'Assemblée du 29 Novembre 1790. Par M. Arbogast. Professeur de Mathématiques à Colmar. à St. Petersburg. 1791. И я не думаю ничего сдѣлать лучше, какъ изложивъ здѣсь разсужденіе Г. Арбогаста о семъ же самомъ случаѣ.

Пусть $Z = 0$ есть какое нибудь уравненіе между частными дифференціалами перваго порядка, гдѣ Z есть функція координатъ x, y, z , $\frac{dz}{dx} = p$, $\frac{dz}{dy} = q$; пусть $M = 0$ представляетъ полный его Интегралъ, такъ что M есть функція координатъ x, y, z и двухъ произвольныхъ постоянныхъ a и b , и пусть $N = 0$ есть общій интегралъ, содержащій произвольную функцію. Для найденія $Z = 0$, когда извѣстно $M = 0$, мы имѣемъ:

$$M = 0, \quad \frac{dM}{dx} = 0, \quad \frac{dM}{dy} = 0,$$

и исключая изъ сихъ трехъ уравнений произвольныя постоянныя количества a и b , достигнемъ къ уравненію $Z = 0$. Но когда положилиъ a и b переменными количествами, то будетъ

$$dM = \frac{dM}{dx} dx + \frac{dM}{dy} dy + \frac{dM}{da} da + \frac{dM}{db} db = 0;$$

и явно, что когда положилиъ

$$\frac{dM}{dx} = 0, \quad \frac{dM}{dy} = 0, \quad \frac{dM}{da} + \frac{dM}{db} \cdot \frac{db}{da} = 0,$$

то достигнемъ къ тому же дифференціальному уравненію, какъ и въ случаѣ, когда a и b суть постоянныя.

Но условному уравненію

$$\frac{dM}{da} + \frac{dM}{db} \cdot \frac{db}{da} = 0$$

удовлетворить можно разлитными образами; а именно: во первыхъ, дѣлая особенно

$$\frac{dM}{da} = 0, \quad \frac{dM}{db} = 0;$$

и тогда a и b изобразятся функціями количествъ x, y, z , когда же сіи количества исключаются изъ уравненія $M = 0$, то получится особенный интегралъ уравненія $Z = 0$.

Тому же самому условному уравненію удовлетворить можно несравненно болѣе общими образамъ; а именно: пред-

положивъ в какую нибудь функцію количества u , которую представить можно чрезъ $\phi \cdot a$; и тогда, дѣлая $d \cdot \phi \cdot a = \phi' \cdot a \cdot da$, получили уравненіе

$$\frac{dM}{da} + \frac{dM}{d \cdot \phi \cdot a} \cdot \phi' a = 0,$$

которое, по поставленіи $\phi \cdot a$ вмѣсто b въ $M = 0$, представить можно просто чрезъ

$$\frac{dM}{da} = 0,$$

и удовлетворитъ сему условію. И такъ когда изъ уравненій $M = 0$, $\frac{dM}{da} = 0$, исключимъ произвольное количество a , то получили уравненіе, не содержащее въ себѣ a ; и въ которомъ заключаться будетъ произвольная функція ϕ : сіе самое уравненіе и будетъ $N = 0$, которое Г. Де Ла Гранжъ называетъ общими интегралами. Поелику, поставя $\phi \cdot a$ вмѣсто b , для найденія $N = 0$, надлежитъ только изъ уравненія $M = 0$ и дифференциала его $\frac{dM}{da} = 0$, взятого въ разсужденіи a , исключить a ; то явно, что уравненіе $N = 0$ представляетъ кривую поверхность, прикасающуюся ко всѣмъ тѣмъ, кои выдутъ, когда въ уравненіи $M = 0$ постоянному количеству a приддуться разлитныя величины, или, лучше

сказать, кривую поверхность, производящую отъ пресѣченія поверхностей того же свойства, изображаемыхъ попеременно полными Интеграломъ $M = 0$, когда a измѣняется; образъ же, какъ сѣи поверхности пересѣкаются, опредѣляется помощію вида функціи $\phi. a = 0$. Напротивъ того особенный интегралъ представляетъ поверхность, которая прикасается или обвиваетъ всѣ возможныя поверхности, изображенныя интеграломъ полнымъ, или общимъ интеграломъ, когда въ ономъ $\phi. a$ приданы будутъ всѣ виды, какіе токмо придумать можно. Все сіе изъяснено весьма ясно въ сочиненіи Г. Де Ла Гранжа (см. Mem. de l'Acad. de Berlin. Année 1774).

Здѣсь дѣло состоитъ въ томъ, дабы узнать, то функція ϕ , входящая въ общий Интегралъ, подвержена ли какому нибудь извѣстному закону, изображенному уравненіемъ $Z = 0$ между частными дифференціалами, или она можетъ быть непрерывная какому закону неподверженная, или прерывающаяся!

Во первыхъ явно, то въ полномъ Интегралѣ $M = 0$ произвольныя постоянныя количества a и b ни сколько одно отъ другаго не зависятъ; а потому, придавъ

опредѣленную величину количеству a , можно еще количеству b придать величину произвольную, такъ что b можетъ получить различныя величины тогда, какъ a постояннымъ пребываетъ. И такъ когда сдѣлаемъ $b = \phi. a$, то $\phi. a$ будетъ такая функція, какую только принять пожелаемъ. Но не даетъ ли уравненіе

$$\frac{dM}{a} + \frac{dM}{d.\phi.a} \cdot \phi' a = 0$$

какого нибудь непремѣннаго сопряженія между a и b ? Дадимъ $\phi. a$ такой видъ, какой пожелаемъ; уравненію сему всегда удовлетворить можно, поелику a остается неопредѣленнымъ; всегда возможно количеству сему придать величину, которая была бы функція количествъ x , y и z . И такъ предъидущее уравненіе ни сколько неограничиваетъ $\phi. a$.

Пусть PO , $P'O'$, $P''O''$, и проч. будутъ Черп. 4. пресѣченія плоскости x и y съ поверхностью, кои попеременно полузатся, когда въ уравненіи $M = 0$ постояннымъ количествомъ a и b придадутся различныя величины. Ясно, что, поелику количествомъ a и b дать можно такія величины, какія только пожелаемъ, кривыя линіи PO , $P'O'$, $P''O''$, и проч. проведены быть могутъ безъ всякаго по-

ющій: „Найди уравнение поверхности вращения произведенной обращеніемъ двойственно кривой линіи около оси z , наблюдая припомъ чпобъ линія производящая сохраняла всегда постоянныя расстоянія всѣхъ своихъ почекъ отъ оси z .

Сей самый вопросъ Г. Монжъ выражаетъ слѣдующимъ образомъ: *По даннѣмъ уравненіямъ двояко кривой линіи, найти уравнение поверхности, произведенной обращеніемъ сей кривой линіи около оси, имѣющей данное положеніе.*

Къ сему вопросу сочинитель нашъ прилагаетъ примѣръ, который такъ же выписанъ изъ сочиненія Г. Монжа.

Второй вопросъ нашъ сочинитель, предлагаетъ слѣдующимъ образомъ: „Извѣстное шѣло надѣное на ось z сдѣлаю на оной цѣлое обращеніе, найди уравнение поверхности вращения отъ сего происшедшей.

Сей же самый вопросъ Г. Монжъ выражаетъ такимъ образомъ:

Кривая поверхность, коея уравненіе дано, сопряжена непрелѣнными образамъ съ осью вращения, и обращается потолѣ около оси. Требуется опредѣлить уравненіе поверхности, прикасающейся или обвѣ-

емлющей движущуюся поверхность во всѣхъ ея положеніяхъ.

Третій вопросъ соспоишь въ опредѣленіи общей формулы шолцины шѣль вращенія. Сочинитель не разрѣшаетъ здѣсь сего вопроса, а ссылается на другое свое сочиненіе подъ заглавіемъ: *Elsai sur quelques usages, de la Methode des limites. Vienne. 1805.*

Въ четвертомъ вопросѣ сочинитель занимается опредѣленіемъ квадратуры поверхностей вращенія. Способъ употребляемый имъ здѣсь есть нѣкопорое подраженіе способу приложенія аналитическихъ функцій къ Геометріи Г. Ла Гранжа; но подраженіе весьма не искусное, какъ шо всякой удостовѣришься можешь; прочитавъ 137^й членъ сочиненія подъ заглавіемъ: *Théorie des fonctions analytiques, &c. Par Lagrange An. V.*

Пятый вопросъ предметомъ имѣетъ опредѣленіе постоянныхъ количествъ, входящихъ въ данное уравненіе поверхности вращенія, дабы она проходила чрезъ данныя точки. Вопросъ сей совершенно подобенъ тому, въ которомъ перебуется опредѣлить предположенія уравненія кривой линіи извѣснаго порядка, дабы она

проходила чрезъ данныя почки, и разрѣшеніе онаго зависить шокмо отъ способа изключенія неизвѣстныхъ количествъ изъ прочихъ уравненій. А посему, всякой подумаешь, что сочинитель предложилъ сей вопросъ для того только, чтобы наполнить чѣмъ нибудь послѣдній листъ своего сочиненія, и сіе мое мнѣніе ясно доказываютъ: какъ вопросъ 6, такъ и все, что сочинитель нашъ написалъ далѣе до самаго конца своего сочиненія, которое онъ при всемъ томъ началъ, продолжалъ и кончилъ весьма свойственными Россійскому языку выраженіями; а именно началъ онъ такъ:

„Прежде нежели приступишь къ по-
 „верхноснымъ вращенія нахожу полез-
 „нымъ упомянуть о касательной плоско-
 „сти и нормалѣ вообще всякихъ кривыхъ
 „поверхностей.“

Продолжалъ подобно какъ сказано имъ на первой страницѣ въ 7й и 8й строкахъ:
 „Сія почка будучи на поверхности u ея
 „координаты будутъ x, y, z .

Кончилъ же такъ:

„И такъ число данныхъ почекъ можно
 „будешь увеличить чешыря, или пред-

„положишь условія равновѣсяція съ да-
„ніемъ чешырехъ почекъ.

И такимъ образомъ соспоящая изъ 24 хъ страниць печатная шепрадка нашего сочинителя показываетъ, что она содержитъ въ себѣ одно покмо собраніе неизвинительныхъ погрѣшностей прошиву правилъ науки, прошиву правилъ здравой логики и даже наконецъ прошиву весьма простыхъ правилъ Грамматики, и сихъ послѣднихъ погрѣшностей едвали не каждый періодъ по нѣскольку въ себѣ заключаетъ.

Послѣ сего сочиненія авторъ обѣщаетъ издашь еще многія другія. Но при самомъ семъ первомъ сочиненіи автору долженъ былъ предспавишься вопросъ: для кого писалъ онъ сіе сочиненіе? Я не думаю, чтобы авторъ имѣлъ дерзость мыслишь, что сочиненіе сіе онъ могъ писать для ученыхъ; пошому что они, безъ сомнѣнія, читали больше, нежели сколько содержитъ упомянутое сочиненіе знаменишаго Монжа, въ разсужденіи коего сіе не иное что есть, какъ безобразная выписка. Тѣ же, которые еще шолько вступили въ поприщѣ Математическихъ наукъ,

такъ же никакой пользы изъ сего сочиненія извлечь не могушь, и даже оно бышь можетъ нѣкопорымъ образомъ для нихъ вредно; пошому чшо обучаешь начинающій почти всегда болѣе вѣришь напечатаннымъ словамъ, нежели самому себѣ. Еслии авторъ нашъ хотѣлъ писать сіе сочиненіе для препровожденія времени, то онъ могъ удержашъ его въ своемъ кабинетѣ и не предавать свѣпу. Наконецъ ежели чесполубіе бышь сочинителемъ подвигло его къ изданію онаго въ свѣпъ, тогда може самое чесполубіе долженствовало бы побудить его напередъ: познакомишь съ правилами Россійской Грамматики, поучишь надлежащимъ образомъ шой наукѣ, по части которой принялъ онъ намѣреніе выдать себя писателемъ, прочишашъ и уразумѣшь хотя нѣкопорыя хорошія по сей наукѣ шворенія, и проч.

В. Висковатовъ.

1807 года.

Весна изгнанника, поема въ трехъ пѣсняхъ, преложенная съ Французскаго Яковомъ Пожарскимъ. С. П. буреѣ. Въ Типографіи Шнора, 1812 года.

Сочинитель сей поэмы есть Мишо, одинъ изъ новѣйшихъ Французскихъ стихопворцевъ. — Будучи принужденъ послѣ 18го Фруктидора удалиться изъ опечесства, онъ нашель себѣ убѣжище у госпепрїимныхъ жшелей Юры, и шамъ услаждалъ гореспъ свою, воспѣвая красоту природы, добродѣшель своихъ хозяевъ и спокойную сельскую жизнь.

Въ поэмѣ его есть много хорошаго, и пошому нельзя не пожалѣшь, что она переведена прозою. Не уже ли переводчикъ думаль, что проза его можеть выразить красоты подлинника? Не уже ли онъ не зналь, что піитическая проза переводчиковъ, скодь бы хороша она ни была, не можеть сравниться съ прекрасными стихами? —

Выпишемъ нѣкопорыя мѣста изъ перевода Г. Пожарскаго.

„Иногда, оспановясь въ глубокой до-
 „линѣ, попуя взоры въ *низкій* кустар-
 „никъ, я узрю карпину мяпежныхъ го-
 „родовъ въ *мириадахъ* различныхъ насѣ-
 „комыхъ; шамъ, на *нистожнолѣ* дернѣ,
 „насѣкомое имѣеть свое щеславіе; *сіе*
 „сонмище имѣеть свою гордость, Цари
 „свое величіе; шамъ ощущающъ радость,
 „шамъ проливающъ слезы: *мирѣ* имѣетъ
 „свои блага, война смятенія; шамъ на-
 „ходящся пираны, *жестокіе* повелители,
 „Солоны, провозглашенные *безсмертными*
 „на одинъ день. Между шѣмъ какъ гордое
 „чешолюбіе споронъ *занимается* приоб-
 „рѣтениелѣ *песчанаго* зерна, и оспори-
 „ваешъ владѣніе *былинки*, задумчивый
 „пупникъ разрушаешъ ногою *тысячи* слав-
 „ныхъ царшвъ, коихъ существованіе и
 „на мысль ему не *восходило*.“ (спр. Зо.)

Вопшь подлинникъ :

Quelquefois arrêté dans le fond d'un vallon,
 Abaisant mes regards jusqu'à l'humble buisson,
 Des insectes divers les peuplades nombreuses
 M'offrirent le tableau des cités orageuses.
 Là, sur un vil gazon, l'insecte a sa fierté,
 Le peuple, son orgueil, les rois leur majesté;
 On y connaît la joie, on y verse de larmes;
 La guerre a ses bienfaits, la paix a ses alarmes:
 Il est là des tyrans, des ministres cruels,
 Et des Solons d'un jour qu'on proclame immortels.

Tandis que des partis l'ambition superbe
 Usurpe un grain de sable et dispute un brin d'herbe,
 Le voyageur distrait renverse sous ses pas
 Vingt empires fameux qu'il ne soupçonnoit pas.

Найдемъ ли мы въ рускомъ переводѣ
 эту поэзію, эту пріяпность слога, ко-
 торыя находящяся въ каждомъ стихѣ под-
 линника? Куда дѣвался стихъ:

La guerre a ses bienfaits, la paix a ses alarmes.
 вмѣсто его мы видимъ: *миръ имѣетъ свои
 блага, война смятенія*; вмѣсто:
 Et des Solons d'un jour qu'on proclame immortels,
*Солоны, провозглашенные бессмертными
 на одинъ день!* —

„Эхо повторявшее *сладкія пѣсни
 пастуховъ* (*), повторило звуки воен-
 „ныхъ трубъ; гласъ брани раздался по
 „лѣсамъ, мѣдь изрыгнула смертоносный
 „ядъ свой *на оставшіяся стебли* (**); и
 „Нимфы окресныхъ озеръ съ препеломъ
 „узрѣли окровавленные свои урны. Сія
 „крѣпость, безопасное убѣжище предковъ

(*) Въ подлинникѣ:

L'écho, qui répétoit les doux sons des bergères.

(**) Въ подлинникѣ не видно, чпобы мѣдь изрыгала
смертоносный ядъ свой на оставшіяся стебли. Тамъ
 сказано:

Le bronze sous ce chant a vomî le trépas.

Эпопъ прекрасной стихъ собственно значить,
 что пушечные выстрѣлы испребиди поселянъ, жи-
 вущихъ обыкновенно подъ соломенною кровлею.

„нашихъ , пала подъ ударами жестокаго
 „побѣдителя. Прилепаетъ ласпочка , и
 „на пуспой горѣ ищетъ башни, служив-
 „шей ей убѣжищемъ; но жители сихъ
 „мѣстъ уже не существуютъ (*), и чув-
 „ствительная пшичка лепаетъ надъ ихъ
 „могилами.“ (спр. 41.)

„На вершинахъ сихъ горъ , вознесен-
 „ныхъ одна надъ другою, человекъ, равня-
 „ясь съ облаками, чувствуетъ возвышеніе
 „души своей (**); и я, пренесенный въ сіи
 „выспреннія спраны, ощущалъ перемѣну
 „въ своемъ состояніи (***) ; надежда мще-
 „нія замирала въ груди моей (****); про-
 „спирая мысленные взоры (*****) къ шум-

(*) Это сказано вмѣсто :

Mélas! elle chercha ses hôtes généreux.

За чѣмъ перемѣнять безъ нужды шо, что дѣлаетъ
 красосу въ подлинникѣ?

(**) *Et comme l'horizon, sent son ame agrandie.*

(***) Въ подлинникѣ совсѣмъ не шо :

Placé plus près du ciel je devenois meilleur.

Это шакой спихъ, кошорый бы должно было пере-
 веспи, и кошорый бы не испортилъ перевода.

(****) Хотя въ подлинникѣ и сказано :

L'espoir de la vengeance exproit dans mon cœur,

Но лучше бы перевести : *желаніе мщенія, и не за-
 шрала, и не въ груди.*

(*****) За чѣмъ мысленные? Мишо сказалъ просто :

Et portant mes regards vers ces cités bruyantes.

И онъ могъ это сказать : ибо съ высокой горы мо-
 жно видѣшь многіе города и неммысленными взо-
 рами.

„нымъ градамъ, дымящимся кровію, опла-
 „киваль неисповспво побѣдишелей и по-
 „бѣжденныхъ. (спр. 52.)

Здѣсь не переведены, неизвѣстно по-
 чему, прекрасные стихи:

Excepté les bienfaits de la tendre amitié,
 Hélas! j'ai tout perdu, mais j'ai tout oublié.

Впрочемъ, чипашели нашего журна-
 ла погрѣшашъ, если будущъ судишь о
 всемъ переводѣ по приведеннымъ мною
 мѣспамъ: ибо я выбрала только пѣ мѣ-
 спа, въ кошорыхъ Переводчикъ болѣе оши-
 бался. Рецензентъ долженъ это сдѣлать,
 но онъ обязанъ также показашъ и хоро-
 шее. Воптъ опривокъ, кошорый по моему
 мнѣнію, можно похвалишь.

„Нынѣ, удалясь на сіи уединенные бе-
 „рега, скрывающіе меня опъ подозрѣній
 „и яросши народной, я видѣль нравы
 „сельскихъ обипашелей; и сердце мое
 „можешъ еще, въ семь желѣзномъ вѣкѣ,
 „мечпашъ о щаспій вѣка злапато! Вся-
 „кой день дружеспво приходишь опи-
 „рашь слезы мои; дружеспво, коль слад-
 „ко имя швое въ изгнаніи! дружеспво
 „убѣгаешъ пышноспи и великолѣпія; зло-
 „получію одолжено оно своимъ началомъ;
 „божеспвенныя прелеспи его не извѣсп-

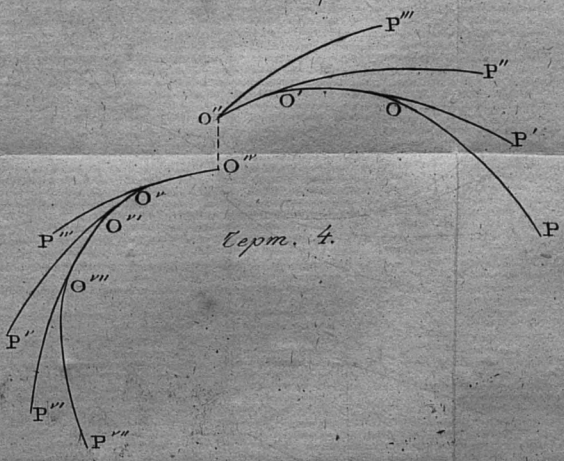
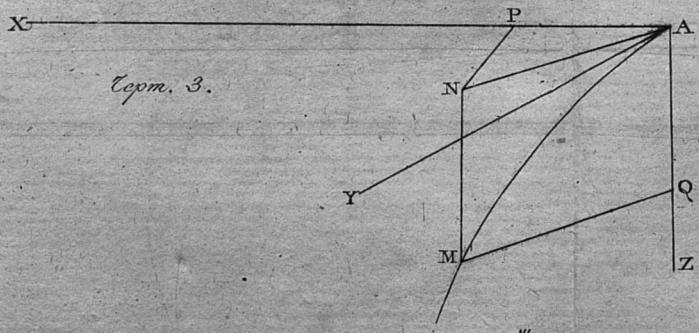
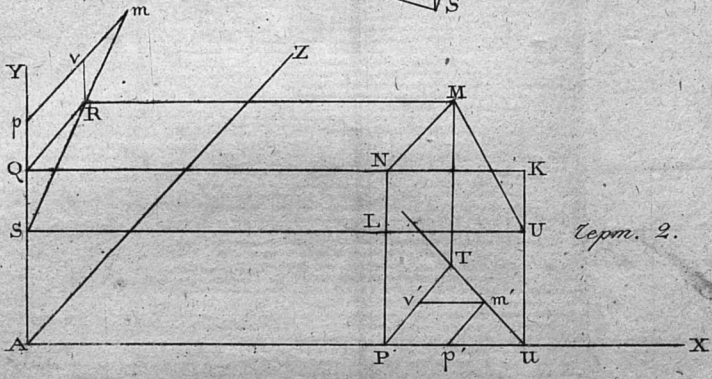
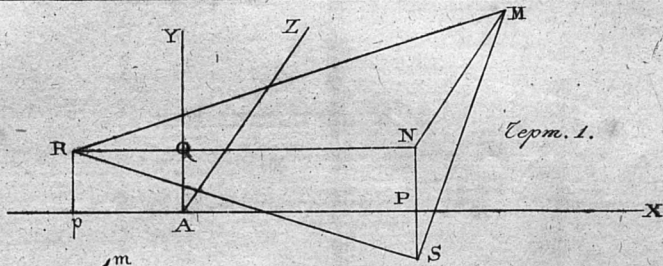
„ны шѣмъ щаспливымъ смершнымъ, кои
 „никогда не проливали слезъ. Эпо свѣшь,
 „сіяющій во мракѣ бурь: лучи его погда
 „пріятнѣе, когда пробивающся сквозь
 „мрачныя тучи. Часпо подь дождливымъ
 „небомъ видѣль я цвѣшы, плѣняющіе взоръ.
 „Такъ и дружеспво, пишаясь скорбію,
 „въ помленіи и слезахъ распеть и укрѣ-
 „пляется. Милые друзья! благословише
 „узы, васъ соединяющія! дружеспво, слад-
 „кая опрада челоѣку въ бѣдспвіи, съ
 „шобою горькая чаша скорби кажется
 „сладкою; самыя мучишельныя горесці,
 „если бывающъ раздѣляемы съ другими,
 „прешворяющся въ удовольспвія. Ты же-
 „спокою учаспъ мою можешъ содѣлать
 „завидною: шы прольешъ въ сердце мое
 „новую жизнь: усугубленіе нещаспій уве-
 „личиваешъ пламя любви; и каждый ударъ
 „рока умножаешъ во мнѣ чувспвишель-
 „носпъ. Клянусь нѣжными узами друже-
 „спва, что небо, даровавшее намъ сіе ушѣ-
 „шеніе въ нещаспій, примиривъ вражды
 „и несогласія, возвратишь спокойспвіе
 „праведнику и миръ градамъ. Злодѣйспва
 „и наглоспъ пирановъ просперлись за
 „предѣлы милосердія божія: щещно они,
 „въ глазахъ прельщеннаго свѣша, гордяш-

„ся славою неправедно приобрѣшеннаго
 „могущества: оно падеть подобно увяд-
 „шему листу, подобно пыли, которая
 „подымаясь изъ брениа, возносится къ
 „небесамъ, и, носясь на крылахъ вѣтровъ,
 „шумишь съ бурями, гремишь съ Богами;
 „но когда усыпленные вѣтры возвраща-
 „ютъ спокойствіе міру, тогда она упа-
 „даетъ: такъ исчезаетъ величіе злодѣевъ!
 (стр. 54.) — —

Сіе мѣсто, хотя и можно въ немъ
 найши нѣкошорыя неисправности, по-
 казывааетъ, что Г. Пожарскій въ соспо-
 яніи переводитъ хорошо. Надѣюсь, что
 читатели будутъ согласны со мною,
 когда я посоветую ему заняться пере-
 водомъ какой нибудь полезной книги, и
 не переводитъ поэмъ прозою.

Н.

СОДЕРЖАНІЕ

Части шрешей.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

	Стр.
Планета мудреца Зеба. - -	1.
Спорщикъ. - - - -	20.
Педантъ. - - - -	26.
Поршрешъ Юлія Цезаря. - -	29.
Рѣчь Сципіона къ своимъ вой- намъ (изъ Ливія.) - -	38.
Рѣчь Аннибала къ его войнамъ.	118.
Рѣчь Фабія Максима къ Емилию.	125.
Рѣчь Аннибала къ П. Сципіону.	238.
Опрывокъ изъ Шекспировой Трагедіи Троиль. - - -	131.
О задумчивости и уединеніи.	139.
Письма Генераль-Маіора де Ген- нина къ Петру Великому и къ управлявшему Кабине- томъ. - - - -	218.
О любви къ жизни. - - -	248.
О ссорахъ писателей. - -	254.
Спашный судъ. - - -	44.
Ода на случай наспоющей вой- ны съ Французами. - -	113.
Гораціева ода къ Лицинію. -	150.
Къ Меченашу. - - - -	152.

	Стр.
Къ моимъ друзьямъ, Ж. Б. и С.	153.
Посланіе къ П. Н. П. - -	156.
Любовь и мудрость. - -	158.
Эрошь Юноша и Минерва. -	159.
Скифы къ Александру Великому.	257.
Монастырь (Элегія). - -	260.
Басни:	
Лешучая мышь и двѣ ласпочки.	50.
Возы съ сѣномъ. - - -	264.
Эпиграмма. - - - -	160.
II. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.	
Лучше ли воспитывать дѣтей дома, или въ училищахъ. -	52.
Шиллерово разсужденіе о вы- сокомъ. - - - -	161, 266.
III. КРИТИКА.	
Избранныя мѣста изъ Рускихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ и пр. Н. Греча. - -	64.
Басни и скаски Николая Невѣ- домскаго. - - - -	73.
Выписка изъ книги: Brief re- marks on the character and compo- sition of the Russian army &c. -	87.
Похвальное слово Императору Петру Великому - - -	180.
О фосфорной кислотѣ, яко сред-	

	Стр.
спѣвъ прошивъ гнилоспи, соч.	
Эккартсгаузена - - -	194.
Опышь о поверхноспяхъ враще- нія. Сочиниль Пётръ Рахма- новъ. - - - - -	285.
Бесна изгнанника, поэма въ шрехъ пѣсняхъ, преложенная съ французскаго Яковомъ По- жарскимъ. - - - - -	309.

